

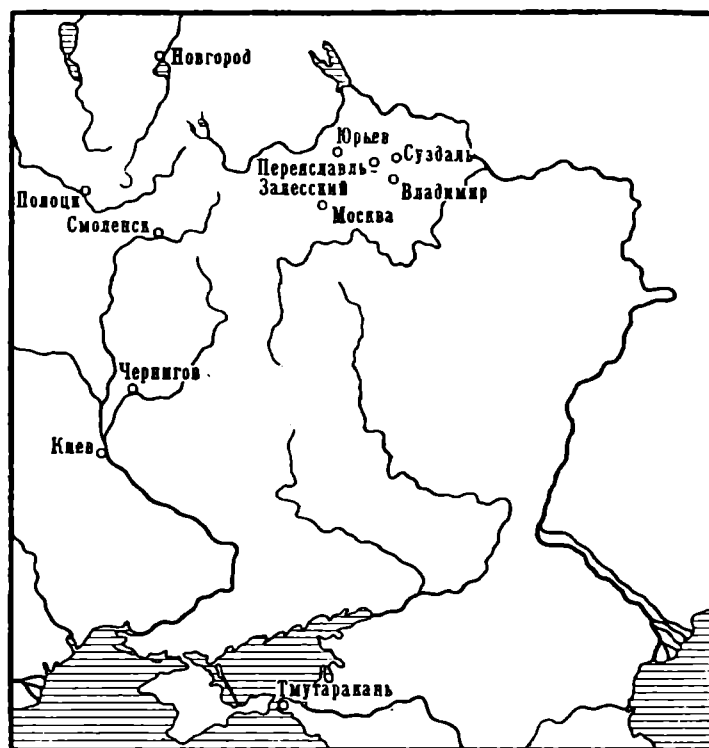
АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ

ВЫПУСК
Е1-44

Б. А. РЫБАКОВ

РУССКИЕ ДАТИРОВАННЫЕ
НАДПИСИ
XI-XIV ВЕКОВ

АРХЕОЛОГИЯ
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
Б.А.РЫБАКОВА

Е 1-41

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

1 9 6 4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Б.А.РЫБАКОВ
×

РУССКИЕ
ДАТИРОВАННЫЕ
НАДПИСИ
XI-XIV ВЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1 9 6 4

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Описание надписей на предметах и стенах древних зданий</i> . . .	13
<i>Список сокращений</i>	48

Академик

Борис Александрович Рыбаков

РУССКИЕ ДАТИРОВАННЫЕ НАДПИСИ XI-XIV ВЕКОВ

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *Л. М. Алексеева*. Технический редактор *С. Г. Тихомирова*

Сдано в набор 22/VI 1964 г. Подписано к печати 30/X 1964 г. Формат 70×108¹/₈. Печ. л. 6+46 вкл.

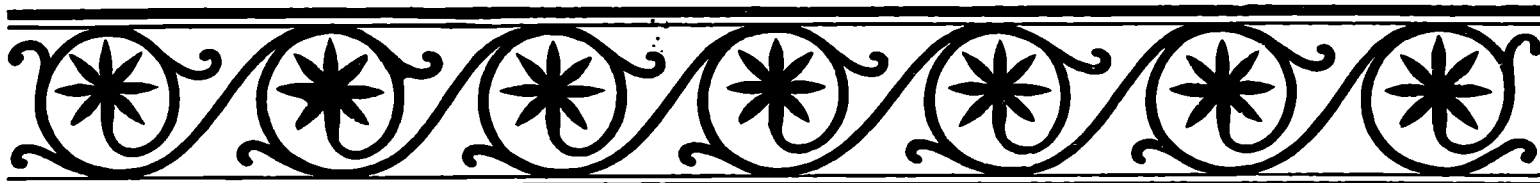
Усл. печ. л. 8,22+46 вкл. Уч.-над. л. 14,0 (6,5+7,5 вкл.) Тираж 2000 экз. Т-15345. Над. № 2547.

Тип. зак. № 822. Темплан 1964 г. № 129

Цена 1 р. 44 к.

Издательство «Наука», Москва. К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. В этом выпуске «Свода» помещены все русские надписи XI—XIV вв., содержащие точную дату или датируемые по косвенным признакам.

Текст написан Е. А. Рыбаковым, подбор иллюстраций и вся графическая часть выполнены А. А. Медынцовой.

Главная задача выпуска — дать хронологическое основание для русской эпитафии, помочь определению многих сотен древнерусских вещей с надписями, являющихся важным историческим источником.

Вторая задача, выполненная в этом выпуске лишь частично, — историческое осмысление содержания надписей. В полную меру эпитафический материал может быть использован в качестве исторического источника только после того как при помощи этого выпуска «Свода» будут приведены в надежную систему и те надписи, датировка которых может быть установлена лишь эпитафически.

В отличие от литературных, юридических и богослужебных текстов, надписи на вещах или записи на стенах зданий непосредственно отражают повседневную жизнь разных слоев русского средневекового общества. Это подписи литейщиков и золотых дел мастеров, записи летописцев, заметки простых киевлян или новгородцев, автографы исторических лиц.

2. Эпитафику нередко рассматривают как один из разделов палеографии, но это едва ли верно.

Отличие эпитафии от палеографии состоит в том, что последняя исследует лишь форму начертаний, не вникая по существу в содержание написанного, тогда как первая имеет дело не только с характером надписей на разном материале, но и с содержанием их. Эпитафика владеет самостоятельным разделом своеобразных исторических источников, исследуя их целиком — и палеографически и исторически.

Отличительной особенностью эпитафического материала является его лаконичность, завершенность, конкретность. Эпитафическая запись — это живой голос древнерусского горожанина — гончара, ювелира, воина, князя, церковного певчего, паломника, девушки-пряжи, епископа, княжеского казначая или ловчего. Надписи удостоверяют имя мастера, изготовившего вещь, или владельца вещи, содержат заклинания, шутки, эпитаграммы и даже летописные записи.

Исторический интерес этих «малых источников» огромен и это обязывает к тщательному изучению их.

3. Внимание к русской эпитафии было привлечено впервые находкой в 1792 г. знаменитого Тмутараканского камня с записью об измерении широты Керченского пролива Глебом Святославичем в 1068 г. Второй эпитафической находкой был золотой змеевик — «гривна» Владимира Мономаха, потерянный им на берегах Боловса под Черниговом (1078—1094 гг.) и найденный в 1821 г.

Тмутараканский камень и черниговская гривна породили целую литературу, послужившую основой дальнейшего изучения русской эпитафии.

В 1851 г. было задумано широкое собрание древних надписей¹. В осуществление этих замыслов И. И. Срезневский опубликовал перечень известных в то время надписей XI—XIV вв.²

Хороший образец научного издания надписей дал известный палеограф В. Н. Щепкин³.

Специально эпитафией занимался И. А. Шляпкин⁴, преподававший палеографию и эпитафику в Петербургском археологическом институте. Лекции И. А. Шляпкина — единственное в дореволюционной России издание специально по эпитафии — представляют собой краткое пособие с описанием 23 памятников, «знание которых вполне удовлетворяет требованию, предъявляемому профессором по русской палеографии»⁵.

Большим вкладом в русскую эпитафику должен был стать корпус новгородских надписей XI—XIV вв., над которым И. А. Шляпкин работал с 1895 г. до конца своей жизни в 1919 г. После смерти И. А. Шляпкина предпо-

¹ И. П. Сахаров. Записка для обозрения русских древностей. СПб., 1851.

² И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882.

³ В. Н. Щепкин. Новгородские надписи graffiti. — «Древности. Труды Московского археологического общества», т. XIX, вып. III, М., 1902; В. Н. Щепкин. Описание надгробий. — «Отчет Исторического музея в Москве за 1906 г.», М., 1907, приложение: «Отчет Исторического музея в Москве за 1911 г.», М., 1912, приложение.

⁴ И. А. Шляпкин. Русская палеография. СПб., 1913. Главное внимание здесь уделено эпитафии и сделана первая, не особенно удачная, попытка изобразить азбуку «вещевой палеографии».

⁵ «Памятники русской вещевой палеографии. Составил М. И. Михайлов», СПб., 1913, стр. 3. Важный эпитафический материал исследован И. А. Шляпкиным в его большой статье «Древнерусские кресты». СПб., 1906.

лагалось издание его труда под редакцией А. А. Шахматова и А. Н. Вершинского. Значительное место в труде занимали граффити новгородских церквей, в частности Софийского собора. Издание, к сожалению, не увидело света; только часть граффити Софийского собора была опубликована В. Н. Щепкиным.

Первым изданием, которое приблизило изучение русской эпиграфики к научному уровню, была справочная книга А. С. Орлова, давшая почти исчерпывающую библиографию 303 надписей XI—XV вв.⁶ Выход этой книги в 1936 г. был большим событием для всех русских историков.

Данные эпиграфики стали широко использоваться при изучении истории культуры, хозяйства и быта древней Руси.

Накопление эпиграфического материала (в частности, благодаря раскопкам в древнерусских городах) шло так быстро, что вскоре потребовалось второе расширенное издание книги А. С. Орлова, подготовленное М. П. Сотниковой⁷.

На основании перечня А. С. Орлова и рукописи И. А. Шляпкина А. Н. Вершинский написал в 1940 г. общую работу «Исторические надписи как источник по истории СССР» объемом около пяти печатных листов. Эта работа, посвященная эпиграфике XI—XVII вв., к сожалению, в свое время не была опубликована, а сейчас в значительной мере устарела⁸.

Последним по времени обзором истории палеографии, касающимся и вопросов эпиграфики, является книга Л. П. Жуковской «Развитие славяно-русской палеографии»⁹.

4. Обильный эпиграфический материал дали археологические раскопки, в особенности исследования Великого Новгорода. Однако открытые А. В. Арциховским берестяные грамоты едва ли следует сливать воедино с остальным эпиграфическим фондом. Этот эпистолярно-юридический архив был написан на обычном, широко распространенном в то время писчем материале — на бересте — и должен составлять, пожалуй, особый раздел палеографии, а не эпиграфики¹⁰.

⁶ А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1936. См. рецензию: Б. А. Рыбаков. К библиографии русских надписей XI—XV вв. — «Исторические записки», т. 4, 1938, стр. 250—257.

⁷ А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952. М. П. Сотникова дополнила издание за счет библиографии печатей и новых находок надписей; объем книги вырос со 182 до 236 страниц. Работа А. С. Орлова служит справочным библиографическим дополнением к данному выпуску «Свода археологических источников», избавляющим от необходимости повторно перепечатывать здесь обширные списки литературы. В этом выпуске используется второе издание книги А. С. Орлова (1952 г.) с сокращенным способом цитирования: указывается номер надписи по книге Орлова и страница (например, Орлов, № 91, стр. 71).

⁸ Рукопись А. Н. Вершинского хранится в архиве Института археологии АН СССР под № 1840, р. 2.

⁹ Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии. М., 1963, стр. 78—79, 86, 106, 109—119.

¹⁰ Новгородские грамоты публикуются А. В. Арциховским в многотомной серии «Новгородские грамоты на бересте». Палеографический анализ небольшого числа грамот произведен Л. П. Жуковской (см. сборник «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот», М., 1955, стр. 13—78). Расхождение между лингвистами и археологами в датировке ряда берестяных грамот вызвано тем, что А. В. Арциховский несколько занижал, удревял дату слоев XI—XIII вв. в Новгороде (см. Б. А. Рыбаков. К вопросу о методике работ Новгородской экспедиции. — СА, 1959, № 4; Б. А. Рыбаков. Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского. — СА, 1961, № 2). После дискуссии, во время которой привлекался и палеографи-

Бесследно исчез из поля зрения палеографов и эпиграфистов многочисленный фонд надписей на воске, являвшемся, наравне с берестой, широко распространенным писчим материалом. Но о письменности на бересте и воске свидетельствуют многочисленные стили — «писала», находимые при раскопках разных городов¹¹.

Многие интересные находки дали изучение надписей-граффити XI—XIII вв.¹²

В последние годы центр их изучения переместился из Новгорода в Киев.

Особый интерес представляют открытия С. А. Высоцкого, систематически расчищающего граффити Софийского собора в Киеве; историческое значение обнаруженных им надписей XI—XII вв. превосходит значение берестяных грамот¹³.

Опубликован ряд ранее неизвестных надписей на музейных предметах XII—XIV вв.¹⁴

Раскопки древнерусских курганов, городов, селищ ежегодно пополняют быстрорастущий фонд русской эпиграфики за счет надписей на амфорах, пряслицах, ножах, крестиках, сапожных колодках, бочках, измерительных локтях, денежных слитках, печатях¹⁵.

Объем эпиграфического материала в настоящее время настолько возрос, что приведение его в систему, классифицирование, размежевание с палеографией, выработка принципов датировки и сопоставление с южнославянской кирилловской эпиграфикой стали настоятельно необходимы.

5. Для эпиграфического материала сопоставление с рукописями и чернильными начертаниями на пергамене и бумаге может дать лишь приблизительную хронологию.

ческий материал, и после новых исследований Б. А. Колчина по дендрохронологии (см. Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. — СА, 1962, № 1, стр. 113—139) А. В. Арциховский изменил датировки и теперь его расхождения с лингвистами стали значительно меньше.

¹¹ Jan Z a k. Wezesnosrednioweczne rylice do pisania na tablicach woskowych. — «Dawna kultura», № 1, 1951; Б. А. Тимощук. Об инструментах для письма («стилях»). — КСИИМК, вып. 62, М., 1956, стр. 155—156; Jan Z a k. Z dziejow Znajomosci pisma Polsee. — «Slavia Antiqua», t. V, Poznań, 1956; А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв. — СА, 1960, № 2, стр. 63—88.

¹² Б. Рыбаков. Именні написи XII сторіччя в київському Софійському соборі. — «Археологія», 1, Київ, 1947, стр. 53—64.

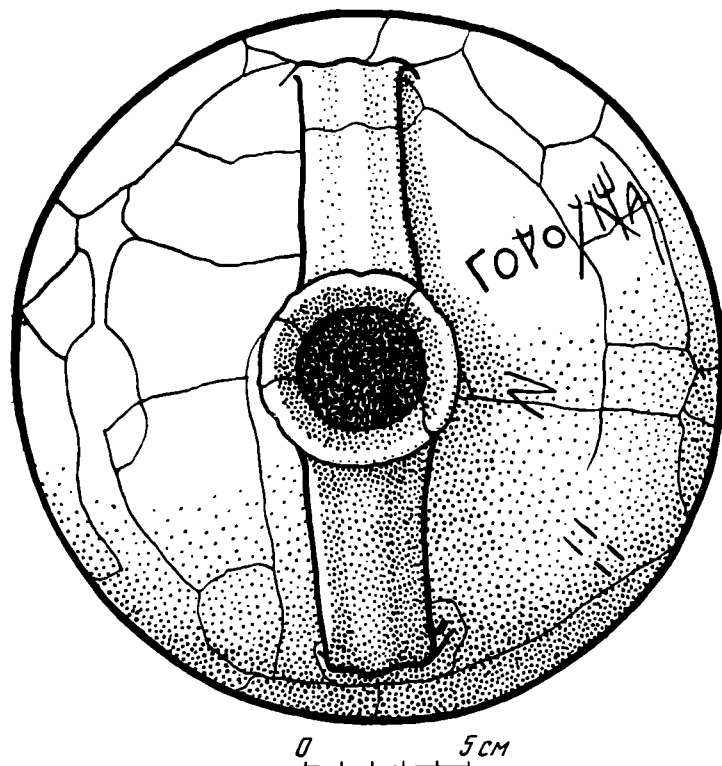
¹³ С. А. Высоцкий. Граффити XI в. в Софии Киевской. — СА, 1959, № 1, стр. 217; С. А. Высоцкий. Датированные граффити XI в. в Софии Киевской. — СА, 1959, № 4, стр. 243—244; Б. А. Рыбаков. Запись о смерти Ярослава Мудрого. — Там же, стр. 245—249; С. А. Высоцкий. Надписи в Софии Киевской времени княжения Святополка Изяславича. — «История СССР» 1960, № 6, стр. 139—146; С. А. Высоцкий. Древнерусские граффити Софии Киевской. — «Нумизматика и эпиграфика», т. III, М., 1962, стр. 147—182.

¹⁴ См., например, Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Загорск, 1960.

¹⁵ Д. А. Авдусин, М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. — «Вестник АН СССР», 1950, IV, стр. 74 и далее; П. Я. Черныш. Две заметки по истории русского языка. 2. К вопросу о гнездовской надписи. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1950, т. IX, вып. 5, стр. 398—401; F. V. Mareš. Dva objevy starých slovanských napisu. — «Slavia, Časopis pro slovanskou filologii, vydává slovanský ústav v Praze», 1951, ročník XX, sešit 4; А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. — МИА, № 55, М., 1956; A n d r e s P o r r e. Zabytek epigrafiki staroruskiej z Drohiczyzna (Studia Zrodloznawczy, t. I, Warszawa, 1957, стр. 89—108; Б. А. Рыбаков. Раскопки в Любече в 1957 г. — КСИИМК, вып. 79, М., 1960, стр. 27—34; Т. В. Равдина. Надпись на корчаге из Пинска. — КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 150—153; А. Л. Монгайт. Стара Рязань. — МИА, № 49, М., 1955, стр. 188.

Очень важно учесть специфику начертаний и особенность их эволюции в зависимости от материала и способа нанесения надписей. Сочетание этих двух признаков позволяет дать следующую классификацию надписей:

1. Написанные «писалом» по мягкому материалу (сырая глина, воск, свежая береста).
2. Прочарапанные коническим острием (штукатурка, обожженная глина, кирпич, камень, металл, дерево).
3. Резаные (металл, кость, дерево).
4. Гравированные резцом по металлу.

Надпись X в. на корчаге из Гнездова

5. Долбленные и чеканные (камень, металл, литейные формы).
6. Врезанные в дерево.
7. Выпукло-резаные (камень, дерево, кость, матрицы для набойки).
8. Выпукло-накладные (восковые модели литых изделий).
9. Шитые.
10. Проволочные напаянные.
11. Писанные золотом на меди.

Практически приходится иметь дело с первыми шестью группами надписей; остальные способы встречаются редко.

Сочетание свойств материала и пишущего орудия приводит к выработке особых приемов в каждом случае и сильно влияет на окончательную форму букв. Особенно это относится к написанию округлых элементов, завитков, к передаче нажимов.

6. При анализе особенностей эпиграфических начертаний и их хронологии очень важно отметить наличие двух стилей — торжественного и бытового.

Торжественный стиль применялся чаще всего мастерами золотых и серебряных дел для написания имени

заказчика, обстоятельств изготовления вещи, даты изготовления или для богослужебных формул. Надписи носят орнаментальный характер, тщательно выполнены, иногда выделены или черневым заполнением, или штриховкой фона; нередко применялся двойной контур.

Надписи торжественного стиля обычно очень близки к современным им книжным начертаниям.

Совершенно иное дает простой бытовой стиль. Здесь чувствуется стремление быстро и ясно записать необходимое; авторы упрощают начертания, дают только основную схему букв, известных нам по пергаменным рукописным книгам. Этот деловой почерк меняется с веками, но, кажется, несколько медленнее, чем в рукописях, так как простота и удобство выработанных форм позволяли дольше сохранить их без изменений.

Мы располагаем несколькими надписями, сделанными одной рукой, но в обоих стилях; таковы известные надписи на двух новгородских кратирах XII в. На лицевой стороне имена заказчиков выполнены торжественным стилем, а на доньях мастера Братило и Константин подписались в обычной деловой манере письма.

7. Всего в этот выпуск «Свода» удалось включить 55 надписей от 1052 г. до 1392 г. В выпуск не включены надписи на монетах и печатях, на бересте, рисованные краской подписи к фресковым изображениям и слишком краткие или малодостоверные надписи на предметах с точной датой вроде шапки архиепископа Никиты или «креста Авраамия Ростовского» (О р л о в, № 6 и № 25). Не могли быть включены многие надписи граффити (из Новгорода, Смоленска, Пскова и других городов), копии которых находятся в частных архивах исследователей. Начертания букв всех надписей показаны в сводной азбуке в хронологической последовательности.

Необходимо отметить, что только треть всех надписей имеет точную дату, написанную на самом предмете.

В смысле достоверности хронологических определений эти 55 надписей распадаются на три почти равные группы (см. таблицу на стр. 8—9): первую группу составляют 18 надписей, имеющих цифровую дату (№ 1, 2, 5, 23, 25, 27, 29, 38, 39, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 54, 55). Вторую группу образуют 19 надписей, содержащих имена исторических лиц (№ 3, 6, 7, 12, 14, 15, 20, 21, 22, 24, 31, 35, 36, 37, 40, 41, 42, 50, 53). В третью группу входят 18 надписей, время написания которых определяется различными косвенными соображениями: раскрытием имен исторических лиц по именам их христианских патронов, сближением с определенными событиями, известными нам по летописи, сопоставлением археологических данных с историческими и т. д. (№ 4, 8, 9, 10, 11, 13, 16, 17, 18, 19, 26, 28, 30, 32, 33, 34, 43, 52).

Степень достоверности датировок надписей каждой из групп, разумеется, неодинакова.

Датировка надписей первой группы не вызывает особых сомнений. Цифровая славянская запись года, а иногда месяца и числа, всегда одновременна остальному тексту. Манера написания даты бывает различной, но такое же разнообразие мы видим и в написании дат в рукописных книгах того времени. Некоторые даты уже к началу XX в. стерлись и существуют лишь в записях исследователей XIX в. Таковы надписи № 25 (1148 г.), № 38 (1234 г.).

Некоторые даты требуют пояснений, которым следует предпослать таблицу древнерусской буквенно-цифровой системы.

Русские надписи XI—XIV вв., распределенные по категориям достоверности

Таблица, рисунок	Хронологическая группа	№ надписи	Точная дата	Вероятная дата	Предполагаемая, возможная дата	Таблица, рисунок	Хронологическая группа	№ надписи	Точная дата	Вероятная дата	Предполагаемая, возможная дата
XVII, 1—2	Первая	1	1052 г. Граффито Софийского собора в Киеве			XXVIII, 1—2	Вторая	18			Первая половина XII в. Оклад иконы Петра и Павла
XVII, 3—4		2	1054 г. О смерти Ярослава Мудрого			XXVIII, 3—6		19			Первая половина XII в. Оклад иконы богородицы
XVIII, 1—2		3		1060-е годы. Детская запись Святополка Изяславича		XIV, 1—2		20		1128 г. Первый Борисов камень	
XVIII, 3		4			1060-е годы. Запись Святополка—Михаила	XIV, 3—4		21		1128 г. Второй Борисов камень	
XIII, 1—2		5	1068 г. Тмутараканский камень			XIV, 5		22		1128 г. Третий Борисов камень	
XIX, 1—2		6		1077 г. О княжении Святослава		XIII, 3—4		Третья	23	1133 г. Крест Иванны Павловича	
					XXIX, 1—2	24			1139—1151 гг. Чара Владимира Давыдовича		
XX, 1—2	Вторая	7	1091 г. О Луке, епископе белгородском			XLII	25		1148 г. Антимис Нифонта		
XX, 3—4		8		1093 г. О приходе Святополка		XXX, 1—8	26				1152 г. Потир Юрии Долгорукого
XXXIV, 1—2		9		1084—1094 гг. «Черниговская гривна»		XXXI—XXXII, 1—4	27		1161 г. Крест Евфросинии Полоцкой		
XXI, 1		10		1113 г. Запись Василия в алтаре Софийского собора		XV, 2	28				1164 г. Нерльский крест
XXI, 1		11		Дополнение к № 10 (автограф Мономаха?)		XV, 1	29	1171 г. Рогволодов камень			
XXV, 1—2		12		1104 г. О мире на Желани		XXIV, 1—2	30			1192 г. Корчага с вином Ярополка	
XXII, 1—3		13		1114 г. Запись епископа (?) Даниила		XV, 5	32		1192 г. Запись Мартирия архиепископа		
XXIII, 1—2		14		1118 г. Автограф Ставра		XXXIII, 1—2	Четвертая	33			1177 или 1211 г. Шлем Федора
XXIII, 1—2		15		1118 г. О Ставре Гордятиниче		XXI, 2—3		34			1218 г. Запись о «врагах игуменах»
XXVI, 1—6		16		1115—1120 гг. Сосуд Братилы		XXXI—XXXII, 5—7		35		до 1211 г. Крест Антония	
XXVII, 1—6		17		Первая половина XII в. Сосуд Косты		XXXIX, 1—4		36		Около 1230 г. Южные Суздальские ворота	

в Юрьеве . . . и украси ю»¹⁶. Та часть надписи, где был высечен год, не сохранилась. «Под крестом была разрушенная впоследствии дата 6732 или 6742»¹⁷. Спорными цифрами являются 30 и 40, обозначаемые буквами Л и М. Мы должны принять дату 6742 г. = 1234 г., так как она точно совпадает с летописным годом завершения «украшения» церкви. На полуразрушенной надписи исследователи XIX в. легко могли принять букву М за Л.

Второй спорный вопрос касается месяца и дня завершения работ. А. С. Орлов читал «месяца июня в 4 день»¹⁸. На самом деле здесь ясно написано Л, т. е. 30. Очевидно А. С. Орлов принял Л за Д=4.

Этим не кончатся неясности. В надписи вслед за месяцем и числом отмечен день того святого, который празднуется 30 июня — «память святого Иоанна Воинника».

Проверка показала, что резчик ошибся ровно на месяц — день Иоанна Воинника приходится на 30 июля, а не июня. Правда, для наших целей эта ошибка несущественна. Предпочтение, очевидно, надо отдать указанию на Иоанна Воинника и предположить, что резчик ошибся всего на одну букву, вырезав Н вместо Л в обозначении месяца.

Итак, наиболее вероятная дата надписи № 38 — 30 июля 1234 г. — день Иоанна Воинника.

Надпись № 44 из Смоленска представляет особый интерес, так как является единственной датой, исчисленной по нашей эре, от так называемого рождества Христова.

Буквенный вид даты таков: . Рас-

шифровывали ее то как 1219, то как 1239, то как 1271 г.¹⁹ Правильной представляется расшифровка О. М. Бодянского, предложившего читать 1271 г.²⁰ Дата построена так: ВІ=12 (т. е. 12 сотен); СА=71. Следовательно, 1200+71=1271.

Принимать последний знак за букву Л никак нельзя — это типичное для 1260—1270-х годов начертание буквы А, имеющееся в этой надписи в таких словах, как «мѣца» (месяца), «раба». Буква Л писалась здесь иначе.

Вся дата надписи № 44 должна быть прочтена так: «1271 г. месяца июля 6 день».

Счет не «от сотворения мира», а от нашей эры, принятый в средние века в Западной Европе, вполне объясним для Смоленска, имевшего в XIII в. тесные торговые и культурные связи с Западом.

В XIV в. обычай ставить точную дату становится распространенным; большинство дорогих заказных вещей имеют точную дату. Часто ставилось указание индикта. В написании цифровых знаков наблюдаются некоторые особенности. Так, например, надпись на медном листе из Успенского собора во Владимире о землетрясении 13 июля 1340 г. (№ 48) содержит не омегу для обозначения 800, а Ѡ — распространенный русский предлог, получивший традиционное графическое сокращение.

Можно отметить, как и в надписи № 38, небрежное пользование святыми; надпись № 48 гласит: «Въ ле 68 48 мѣца июля въ 13 (ГІ) на память стго апла Акулы громъ бы и земля потрясся». День апостола Акилы («Акулы») не 13, а 14 июля.

Интересна надпись № 54 на знаменитом ковчеге архиепископа Дионисия Суздальского. Дата здесь написана

тоже с Ѡ вместо одной ѡ, есть вставные буквы, дающие словесное выражение окончаний числительных, например, -ное (лето шеститысячное. . .).

Вся запись даты выглядит так:

в лѣ зное Ѡсѣ индикта въ сты.

Подчеркнутые буквы являются словесным дополнением к цифрам.

Обращает на себя внимание знак десятков, выражающий цифру 90. Обычно для этой цели служит славянская буква ҃ — червь; здесь же применена греческая коппа, имевшая точно такое же числовое значение — 90. Коппа очень редко применялась в русском счете. Предположение, что надпись могла быть сделана греком, отпадает, так как соседний знак Ѡ возможен только на русской почве. Очевидно, Дионисий, побывавший в Царьграде (где он добывался для себя места русского митрополита), решил шегольнуть знанием византийской цифири.

Коппа есть на ковчеге и в другом месте — в криптограмме у правой ветви центрального креста, близ изображения гроба.

Более ранний случай применения коппы в русской эпиграфике — это пометы на листах позолоченной меди из Успенского собора во Владимире²¹. Очевидно, листы медной кровли первоначально нумеровались, а потом уже монтировались на крыше.

Палеографически они относятся к XII—XIII вв. Здесь есть самые разнообразные числа от единиц до тысячи, например Г=5; ІS=16; OS=76; ПZ=86; PNA=151; TZ=307; УМ Ѡ=449; ФД=504; ФКВ=522; ΔВ=1002 и др. Надписи сделаны разными людьми, в разной манере; это говорит или о одновременности помет или о нескольких участниках одновременных работ, что более вероятно.

В двух случаях сохранились пометы с коппой, написанной разными способами: ПЕ=95 и Т҃=390.

Возможно, что цифровые пометы на листах кровли производились архитекторами или их помощниками, достаточно образованными для того, чтобы, подобно епископу, блеснуть знанием греческих цифр.

9. Вторая группа надписей датируется по упоминанию в них имен исторических лиц.

Степень достоверности наших отождествлений, разумеется, различна. Чара великого князя Владимира Давыдовича не могла принадлежать иному князю, кроме черниговского, княжившего с 1139 по 1151 г. (надпись № 24). Княгиня русская Олисава, мать Святополка — это может быть только мать Святополка Изяславича, жена Изяслава Ярославича (№ 3).

Новгородские архиепископы Антоний, Моисей и Алексей определяются с достаточной достоверностью (надписи № 35, 50, 53).

Менее достоверны такие определения, как, например, епископа Луки белгородского (надпись № 7). Летопись знает епископа белгородского Луку (1089—1113 гг.), но у нас нет полной уверенности, что на протяжении XII в. не мог быть на этой кафедре еще один епископ с тем же именем, так как списки епископов неполны.

Запись о том, что Святослав княжил четыре года (надпись № 6) может говорить только о киевском князе Святославе Ярославиче (1073—1076 гг.), но относится ли она именно к году его смерти — мы не можем утверждать, так как теоретически следует допустить, что она могла быть сделана в любой год после 1076 г.

¹⁶ «Летопись по Лаврентьевскому списку», СПб., 1897, стр. 437.

¹⁷ Орлов, № 83, стр. 67.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Орлов, № 82, стр. 66—67.

²⁰ Там же.

²¹ Орлов, № 91, стр. 71.

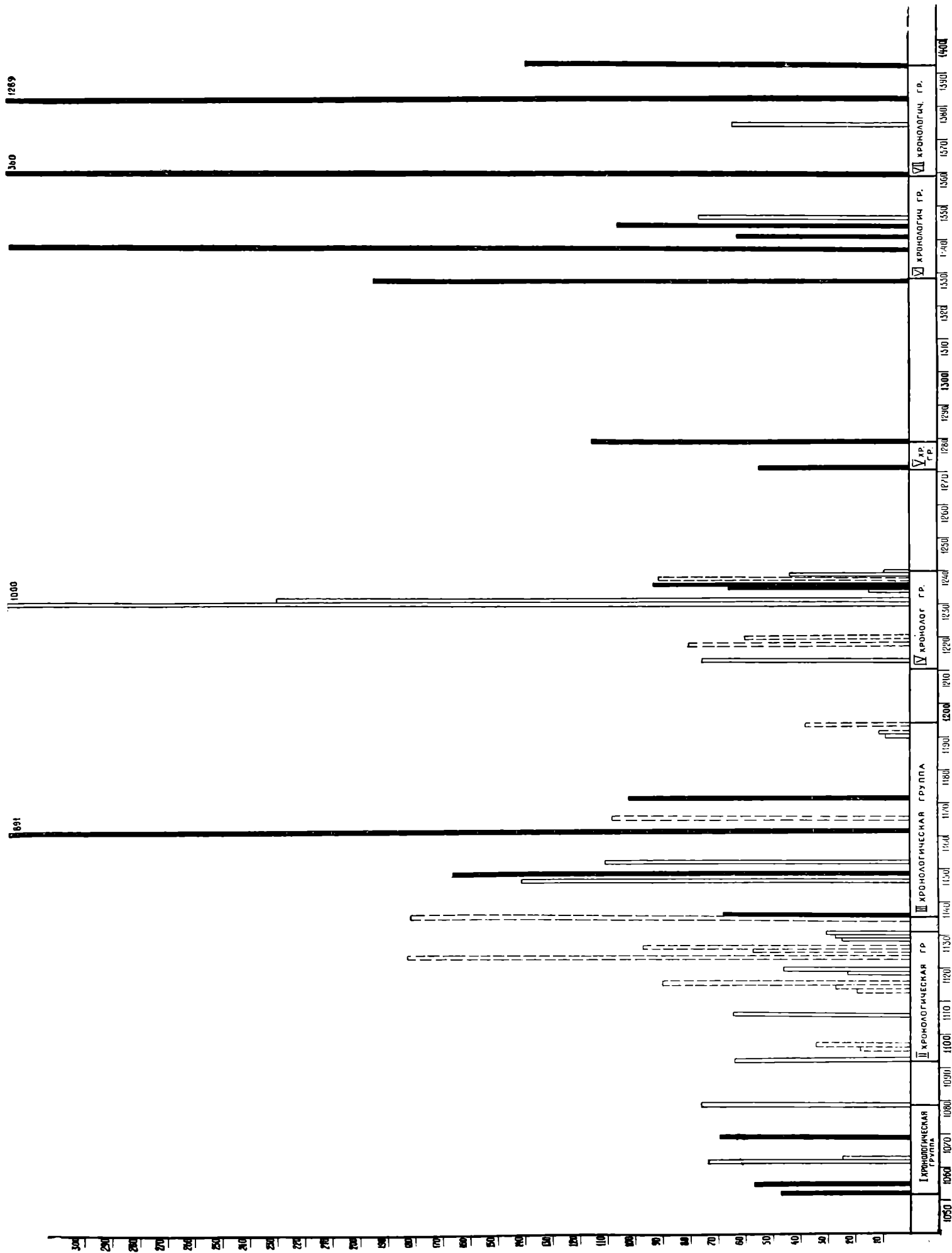

Диаграмма. По горизонтали пишессы годы (от 1050 до 1400), по вертикали — количество букв в каждой палиси

Но все же 19 надписей второй группы дают нам более или менее надежные даты с диапазоном в несколько лет, изредка — десятилетий.

10. Наименее надежно датированные надписи собраны в последнюю группу. Здесь для каждого предмета и каждой надписи приведены все соображения, помогающие раскрытию имени владельца или времени изготовления вещи. Однако в специальные хронологические графики, показывающие последовательность изменения начертаний букв, данные надписей третьей группы не введены, чтобы гипотетические датировки не повлияли на те графики, которые сами предназначены для эпиграфической датировки разных недатированных материалов. В сводную же азбуку надписи третьей группы помещены каждая на своем (предполагаемом) хронологическом месте, но с вопросительным знаком²².

Рассмотрение сводной азбуки в целом убеждает в том, что все надписи третьей группы размещены хронологически правильно. Начертания букв в тех колонках, которые отведены предположительно датированным надписям, очень близки к начертаниям в соседних колонках, где размещены буквы из точно датированных надписей.

²² Так же, как и надписи второй группы.

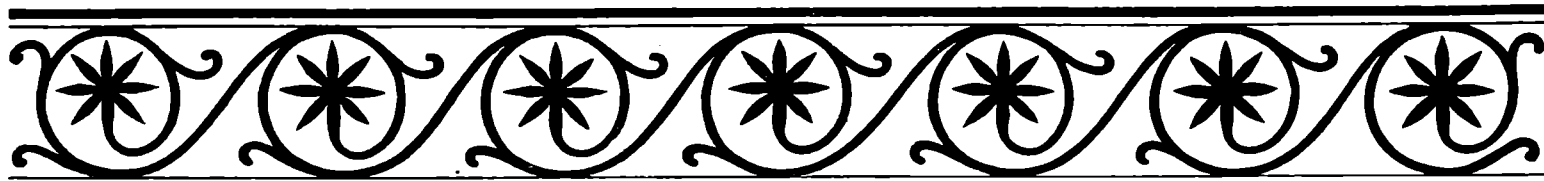
Поэтому описания надписей не разбиты на указанные три группы, а составляют единую систему со сводной азбукой, где все надписи расположены в хронологическом порядке.

Обоснования датировок даются в тексте описания каждого памятника. Для того чтобы представить себе весь объем материала, на который мы можем опираться в датировках других надписей, здесь составлена диаграмма, включающая все 55 надписей этого выпуска (см. стр. 11).

Диаграмма показывает, что надписи, которыми мы в настоящее время располагаем, группируются по хронологической близости в семь групп, отделенных друг от друга интервалами. Эти хронологические группы, несмотря на их условность, легли в основу расчленения всего эпиграфического фонда XI—XIV вв.

Условные хронологические группы:

1. 1052—1077 гг.
2. 1091—1128 гг.
3. 1133—1194 гг.
4. 1211—1240 гг.
5. 1271—1279 гг.
6. 1329—1344 гг.
7. 1359—1392 гг.

ОПИСАНИЕ НАДПИСЕЙ НА ПРЕДМЕТАХ И СТЕНАХ ДРЕВНИХ ЗДАНИЙ

№ 1

Все вошедшие в этот выпуск надписи представлены на таблицах XIII—XLIII, где они сгруппированы не в хронологическом порядке, а по принципу однородности материала и способа написания. Такое расположение позволяет, во-первых, сопоставить различия в начертаниях, вызванные различием материала, а во-вторых, выявить влияние однородного материала или способа написания на выработку определенных единых форм графики.

Табл. XIII—XVI — надписи, резанные вглубь на камне;

Табл. XVII—XXV — граффити на штукатурке;
» XXVI—XXXVIII — надписи на металле (резанные, чеканные и литые);

Табл. XXXIX—XL — «золотое письмо» на меди;

» XLI — рельефная надпись на дереве;

» XLII — рисованная надпись на ткани;

» XLIII — надпись, шитая на ткани.

Большинство надписей представлено в фотографиях, выполненных специально для этого издания. Библиография дана только для тех надписей, которые не были известны А. С. Орлову и М. П. Сотниковой, или же подвергались новым исследованиям после выхода в свет второго издания их указателя (1952 г.). Для надписей, имеющих в книге Орлова, как уже говорилось, библиография не приводится, а дается ссылка на второе издание этой книги с указанием порядкового номера, под которым эта надпись значится у А. С. Орлова.

При транскрибировании надписей соблюдались следующие правила:

1. Применен условный древнерусский шрифт, не заменяющий прорисей и не отражающий индивидуальных особенностей почерков.

2. Титла раскрыты (в тех случаях, когда под ними есть буквы): все буквы под титлами или просто находящиеся над строкой поставлены в общую строку в круглых скобках. Исключение сделано только для формулы ГН — «господи, помози!», которую в интересах сохранения композиции строки удобнее оставить в своем виде.

3. Все дополнения сделаны в квадратных скобках.

4. Введено деление на слова, зачастую отсутствующее в подлиннике.

3 и 19 марта 1052 г.

Табл. XVII, рис. 1—2
(фото и прорись)

Граффито в Софийском соборе в Киеве¹. Надпись обнаружена С. А. Высоцким в среднем нефе собора на третьем от алтаря крещатом столбе на высоте 115 см от пола XI в. в нижней части фрески, изображающей Пантелеймона. На этом же участке штукатурки процарапаны рисунки лошадиных голов, несколько затрудняющие чтение.

Надпись прочерчена резко в глубину штукатурки:

къ (а) [ѣто] $\overline{\text{с}} \overline{\text{ф}} \overline{\text{ѣ}}$
мар(т) [а] къ г
розъгра(а) [н?] ша
къ $\overline{\text{ѣ}}$ и днь
ѣѣже въ [а] (т) ѣ [ѡ]
с(ка)т(о)го м(у)ч(енн)к(а)

Почерк уверенный, твердый; ощущается привычка писать на пергамене. Плохо читается конец третьей строки и вызывает сомнения дата в середине четвертой строки. Она изображена буквами ѣ и у (?), т. е. 9 и 90. Фита не подлежит сомнению, а на месте десятков могли быть только буквы I и K. Вероятнее всего, что здесь изображена цифра 19 = $\overline{\text{ѣ}}$ $\overline{\text{и}}$, а впечатление чашечки над $\overline{\text{и}}$, делающей ее похожей на у, создается неровностями штукатурки. Принять эту дату за 99 (ѣу) нам не позволяет порядок цифр — только цифра десять ($\overline{\text{и}}$) ставилась после единиц, а все остальные цифры десятков всегда предшествовали обозначению единиц.

Надпись состоит из двух записей и представляет собой, очевидно, часть местной соборной хроники, полностью понятной лишь узкому кругу современников.

3 марта 6560 (1052 г.) что-то было разгорожено («розградша»). 19 марта того же года той же самой рукой

¹ С. А. Высоцкий. Датированные граффити XI в. Софии Киевской. — СА, 1959, № 4, стр. 243—244, рис. 1 и 2. С. А. Высоцкий ограничился разбором только первых двух строк.

приписано, что некто или нечто «взят от святого мученика».

Речь могла идти, например, о церковных или монастырских постройках или перестройках, производимых ради того, чтобы какой-то предмет мужского рода или человек мужского пола был взят от «святого мученика». Под последним можно подразумевать храм, гроб, мощи, монастырь.

Из церквей «мучеников» в Киеве существовала церковь Георгия, расположенная близ Золотых ворот, а из реликвий — мощи Климента, папы римского.

№ 2

20 февраля 1054 г.

Табл. XVII, рис. 3—4

Граффито на столбе среднего нефа Софийского собора в Киеве рядом с надписью № 1².

Надпись состоит из девяти коротких строк; конец ее определен горизонтальной чертой. Строки седьмая и восьмая, к сожалению, не читаются — там сохранились только следы некоторых букв.

Писавший несколько раз ошибался, зачеркивал ошибки и писал вновь. Так, в конце первой строки зачеркнуты буквы МА и вместо них в начале следующей строки написано МЦА. Слово «февраль» написано через ѣ, в слове «нашего» пропущен второй гласный звук. В конце пятой строки неясно написана буква С, начата и недописана буква К; обе буквы повторены в начале следующей строки. В шестой строке зачеркнут Ъ и вместо него поставлено Е.

Надпись начинается датой: $\overline{\text{с}}\overline{\text{ф}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{к}}$. Знак единиц хотя и приподнят над строкой, но, несомненно, относится к этому числу, так как вокруг даты нет других надписей. Следовательно, год — 6562 = 1054.

Транскрипция надписи:

$\overline{\text{к}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{с}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{к}}$
 $\overline{\text{м}}(\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{с}}\overline{\text{а}})\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{д}}\overline{\text{а}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{р}}\overline{\text{а}}\overline{\text{р}}\overline{\text{і}}$
 $\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}$
 $\overline{\text{к}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}$
 $\overline{\text{г}}\overline{\text{о}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}$
 $\overline{\text{с}}\overline{\text{к}}\overline{\text{р}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{с}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{н}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}$
 $\overline{\text{к}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}$
 $\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}$
 $\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}\overline{\text{ѣ}}$

Написание «ѣѣрарі» (февраль) характерно для XI—XII вв. Не ранее XII в. появляется более близкая нам форма «февраль» (Псковская первая летопись 1138 г.).

Слово «ѣѣпенѣ» обычно писалось как «оуѣспенѣ»³.

Писавший надпись пропустил предпоследнее И, а начальное оу заменил на ѣ, что подтверждает датировку надписи XI в., когда под влиянием болгарской письменности злоупотребляли юсом.

Слово «успение» применялось обычно для обозначения смерти богородицы или святых. Помещенное под титулом слово «ѣѣр» можно раскрыть двояко: «царя» или «цесаря». Оба эти варианта применялись в XI в. и оба они в сокращении под титулом выглядели одинаково.

² См. С. А. В ы с о д к и й. Датированные граффиты XI в. . . , стр. 243; Б. А. Р ы б а к о в. Запись о смерти Ярослава Мудрого — СА, 1959, № 4, стр. 244—249.

³ И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1895, стр. 1295, 1353.

Расшифровка надписи: «В [лето] 6562 месяца февраля 20-го успение царя нашего в воскресенье в неделю мученика Феодора».

Чью смерть отметила эта запись? Кого назвал своим царем киевлянин XI в. и к кому применил он торжественное слово «успение»? В 6562 г. скончался цесарь Византии Константин IX Мономах, и под этим же 6562 г. русская летопись отметила смерть великого князя киевского Ярослава Владимировича.

Как предполагал в свое время М. Д. Приселков, Ярослав Мудрый принял около 1037 г. императорский титул⁴, а следовательно, наименование царя могло в равной мере относиться к обоим монархам. Вопрос решают месяц и день смерти: Константин Мономах умер 11 января⁵, а Ярослав — 20 февраля, т. е. в тот самый день, который и обозначен в записи о «успении». Ипатьевская летопись под 6562 г. сообщает: «Преставися князь Руский Ярослав. . . Ярославу же приспѣ конѣць житѣя и предасть душу свою мѣсяца февраля въ 20 в субботу 1 недели поста. . .»⁶.

Впрочем, следует сказать, что вопрос о точной дате смерти Ярослава Мудрого давно уже является предметом дискуссии. Н. М. Карамзин определял дату 18 февраля 1054 г. Н. П. Ламбин — 19 февраля 1054 г. М. П. Погодин считал, что год «от сотворения мира» должен был быть 6561, а не 6562. А. А. Куник считал, что мы вообще не располагаем данными для определения даты. Н. П. Шляков определял дату 4 марта 1055 г.⁷

Все эти разногласия вызваны тем, что дошедшие до нас списки летописей по-разному определяют день смерти — наряду с числом (20 февраля) они упоминают еще субботу первой недели великого поста («федоровской» недели), ставя эту дату в зависимость от пасхи, а иногда ошибочно добавляют «в святого Федора день» (который приходится на 17 февраля).

В приведенной выше дискуссии последнее слово осталось за Н. П. Шляковым, предложившим 4 марта 1055 г. на основании допущения, что Ярослав умер в конце 6562 мартовского года. А это допущение основывалось на том, что княжение в Киеве наследника Ярослава — Изяслава — помещено в летописи под 6563 г. Н. П. Шляков доверился только расчетам пасхалии и слишком смело отверг точное летописное число — 20 февраля.

Думаю, что все споры разрешатся легко, если мы допустим, что запись сделана не в русском, а в византийском (сентябрьском) счете лет. Здесь приводится соотношение мартовского, январского и сентябрьского годов (см. диаграмму на стр. 15).

В 6562 сентябрьском году пасха была 3 апреля и воскресенье федоровской недели приходится на 20 февраля. Все остальные решения резко расходятся с летописной датой, здесь же расхождение только на один день недели. Очевидно, нам надо вспомнить старое объяснение, дан-

⁴ М. Д. П р и с е л к о в. История русского летописания. Л., 1940, стр. 81.

⁵ Н. С к а б а л а н о в и ч. Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 1884, стр. 68. При переводе 6562 года на наше летоисчисление получается 11 января 1055 г.

⁶ «Летопись по Ипатьевскому списку», СПб., 1871, стр. 113, 114, запись под 1054 г.

⁷ А. К у н и к. О годах смерти великих князей Святослава Игоревича и Ярослава Владимировича. — «Записки Академии наук», т. XXVIII, СПб., 1876; А. К у н и к. Известны ли нам год и день смерти великого князя Ярослава Владимировича? СПб., 1896; Н. Ш л я к о в. Восемьсот пятьдесят лет со дня кончины великого князя Ярослава I Мудрого. — «Журнал Министерства народного просвещения», июнь 1907, стр. 362—400.

ное еще В. Н. Татищевым: «и тако видно, что в ночи (выделено мною. — Б. Р.) субботы на неделю скончался»⁸.

Непонятная, на наш взгляд, путаница субботы и воскресенья при одном и том же числе — 20 февраля — объясняется древнерусскими системами счета часов ночи и дня. В древней Руси сутки делились на 24 часа: «Аще котории проузгы хотять к сему навикнути или числолюбци или риторы, да ведаеть, яко 12 часа еста во дни, а ноцных толико же» (Жирик, 1136 г.). Для некоторых месяцев делались отклонения от такого равного разделения ночи и дня. Так, в феврале считали ночь в 13 часов, а день в 11 часов⁹.

Для определения начала дня существовало два принципа: в церковной литературе новые сутки начинались с полуночи (как и у нас теперь), но наряду с этим бытовал и счет суток с рассвета¹⁰. Счет дней с рассвета мы видим в описании убийства Итлара в 1095 г. (утром, в первый час дня) и в «Поучении Владимира Мономаха».

Соотношение обеих систем можно представить графиком, составленным с учетом того, что в конце февраля первый дневной час начинался в 6 часов 5 минут полуночи.

Учет подобного двойственного счета примиряет все спорные даты: Ярослав, очевидно, действительно умер в ночь с субботы на воскресенье между полночью (24 часами) и 6 часами утра. По одному счету (бытовому) это была еще суббота, а по церковному — уже воскресенье. Автор граффито придерживался церковного счета и это вносит дополнительный штрих в его характеристику: он считает года по византийскому счету, он часто ошибается в русском тексте, применяет болгарскую графику (но пишет не по-болгарски) и счет суток ведет по-книжному, а не так, как было принято на Руси¹¹. Можно сделать и другой вывод, что запись в Софийском соборе сделана ближе к самому событию, чем запись о нем в летописи, так как граффито верно передает и день недели и число, а летописец пользовался, очевидно, двумя разными источниками: из одного он взял 20 февраля, а из другого (может быть, устного упоминания) субботу, приходившуюся на 19 февраля и не заметил этого противоречия, доставившего столько хлопот историкам. Смерть в ночное время далеко от Киева, в Вышгороде, способствовала путанице в вопросе о дате «усновения» Ярослава, возникшей еще в XI в. Совершенно особый интерес представляет царский титул в применении к киевскому князю. Для эпохи Ярослава Мудрого мы не располагаем другими данными, кроме гипотезы М. Д. Приселкова, но для XII в. летопись сохранила нам много случаев применения царского титула к киевскому великому князю как в риторических произведениях, так и в дипломатической переписке. Юрий Долгорукий писал своему

⁸ В. Н. Татищев. История Российская, т. II, М.—Л., 1963, стр. 245, прим. 261.

⁹ Д. Прозоровский. О старинном русском счислении часов. — «Труды II археологического съезда», СПб., 1876, стр. 183.

¹⁰ Там же, стр. 161, 165.

¹¹ За год до смерти Ярослава в Киев «пришел митрополит Георгий из Царяграда и с ним три неловека с роды своими демественники певцы и учачу в Руси пети в церкви на 8 голосов...» (В. Н. Татищев. Указ. соч., т. II, стр. 81). Не из свиты ли митрополита Георгия был автор записи о смерти Ярослава Мудрого?

сопернику киевскому князю Изяславу Мстиславичу 21 августа 1149 г.: «... а ты седи царствуя в Киеве». Когда раненого Изяслава Мстиславича киевляне опознали на поле боя (в мае 1151 г.), то они «всехытиша и руками своими с радостью, яко царя и князя своего» (выделено мною. — Б. Р.) и тако възваша: „Кирельсон“». После смерти этого же Изяслава Мстиславича (13 ноября 1954 г.) «плакася по нем вся Руская земля и вси Чернии Клобуци и яко по цари и господине своем»¹².

Игу менВыдубицкого монастыря Моисей в своем знаменитом слове о постройке стены (24 сентября 1200 г.)

Месяц	Год от „сотворения мира“		Год от рождества христова
	Мартовский	Сентябрьский	Январский
Январь	6560	6561	1053
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			
Январь	6561	6562	1054
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			
Январь	6562	6563	1055
Февраль			
Март			

Соотношение мартовского, январского и сентябрьского годов в древнерусском летосчислении

Полночь	Полдень			Полночь	Полдень	Полночь	Полдень	Полночь
	Суббота 19 февраля	Воскресенье 20 февраля	Понедельник 21 февраля					
6562 (1054) год	Сутки по современному счету (с полуночи), совпадающему с древним церковным счетом			Часы				
	Сутки по древнерусскому бытовому счету (для февраля — с 6 часов утра)							
	Суббота 19 февраля	Воскресенье 20 февраля	Понедельник 21 февраля					

Соотношение двух древнерусских систем счета часов ночи и дня

¹² «Летопись по Ипатскому списку», стр. 266, 303, 323.

маленькой головкой. Омега с низкой серединой; буква Ч с небольшой угловатой чашечкой, А с развилкой в середине, Ё с длинным язычком. Буква О в слове «море» по недостатку места написана над строкой.

Палеографией надписи занимался в свое время такой крупный знаток, как А. И. Соболевский, указавший ряд аналогий XI в.

Особенностью написания даты является помещение цифры единиц внутри буквы О, изображающей цифру 70, но наличие шестого индикта совершенно твердо указывает на 6576, т. е. 1068 г.

Для того чтобы устранить могущие возникнуть противоречия, выясним некоторые детали.

Керченский пролив замерзает на короткий срок (два—три дня) в декабре—январе примерно раз в три года. Если считать 6576 г. обычным для Руси мартовским годом, то по нашему современному счету нужно было бы датировать камень декабрем 1068 — январем 1069 г. Однако пребывание в Тмутаракани князя Глеба Святославича в это время сомнительно, так как великим князем киевским был Всеслав Брючиславич Полоцкий (с 15 сентября 1068 г. по апрель 1069 г.), не оставивший вне своего внимания далекую Тмутаракань:

«Всеслав князь людям судяше,
Князем грады рядяше,
Из Киева дорискаше до кур Тматораканя,
Великому Хорсови волком путь прерыскаше».

По всей вероятности, дата Тмутараканского камня поставлена не по мартовскому, а по сентябрьскому, византийскому счету лет и должна соответствовать сентябрю 1067 — августу 1068 г. Таким образом, время измерения князем Глебом ширины Керченского пролива передвигается на декабрь 1067 — январь 1068 г.

Тмутараканская надпись позволяет решить несколько важных исторических вопросов.

Местоположение Тмутаракани. В XVIII в. историки искали Тмутаракань где-то между Черниговом и Рязанью, исходя из династических связей тмутараканских князей. Отголоски этого младенческого периода русской истории мы видим даже в XX в. в статье А. А. Спицына (1915 г.), все еще стремящегося найти Тмутаракань на Дону¹⁷ и в еще более неудачной статье В. Новицкого¹⁸. Не подлежит никакому сомнению, что русская Тмутаракань тождественна раннесредневековой Таматархе и находится на восточном берегу Керченского пролива напротив Керчи—Корчева, в двух десятках километров от него на восток¹⁹. Расстояние от Керчи до Тмутаракани выражено в сажнях: $\cdot \neq \bar{\bar{V}} \cdot \neq \bar{\bar{A}}$. У каждой буквы-цифры нарисован знак тысячи и, кроме того, поставлено титло. Читать следует так:

10 000 и 4 000 сажень,

т. е. 14 000 саженей.

Ширина Керченского пролива («морья»), по данным А. А. Спицына, 23 363 м. При древних сажнях в 216 см

¹⁷ А. А. Спицын. Тмутараканский камень. — ЗОРСА, т. XI, Пг., 1915, стр. 131.

¹⁸ В. Новицкий. Давне Лукомор'я. — «Записки історично-філологічного відділу ВУАН», Київ, 1929, кн. XXIV, стр. 1—53.

¹⁹ В. Смирнов. Что такое Тмутаракань? — «Византийский временник», т. XXIII, Пг., 1923, стр. 15—73; В. В. Мавродян. По поводу одной новой теории о местоположении Тмутаракани. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 221—226.

14 000 таких саженей дадут расстояние в 30 240 м, что на 6 км превысит истинное расстояние. Очевидно, изменение производилось или в «прямых» сажнях (152,7 см), что даст 21 379 м, или в «мерных» сажнях (176,4 см), что дает 24 696 м²⁰. Учитывая практику больших измерений малой мерой, нужно признать, пожалуй, более вероятным измерение «мерными» сажнями, когда ошибка сказалась в преувеличении истинного расстояния на 5%, что было вызвано трудностью трассирования прямой. Отклонения от прямой преувеличили расстояние. Истинная величина 13 244 «мерных» сажени.

Уточнение порядка княжений на юге. По летописи мы знаем, что в 1064 г. в Тмутаракани недолго княжил Ростислав Владимирович. В 1065 г. он был изгнан своим дядей Святославом Черниговским, посадившим в Тмутаракани своего сына Глеба. Ростислав вскоре выгнал Глеба, но был отравлен греками, поднесшими ему вино с ядом, и умер 3 февраля 1067 г.

Далее летопись ничего не сообщает ни о Тмутаракани, ни о судьбе Глеба вплоть до 1069—1070 гг., когда Глеб Святославич оказался уже в Новгороде и боролся здесь с языческим волхвом.

Тмутараканская надпись заполняет пробел и устанавливает, что в самом конце 1067 г. или январе 1068 г. князь Глеб вторично княжил в этом южном городе.

Надпись на камне помогает правильно истолковать загадочное место в Киево-Печерском патерике: «Тогда же великий Никон (умръшу Ростиславу, князю острова того) и умолен бысть от людей тех прийти к Святославу князю и молити его, да пустит сына своего, да сядет на столе том»²¹. Запись сделана рукою черниговского книжника (диалектная особенность — постпозитивный член «того», «тех», «том»), сторонника Святослава. Далее говорится о том, что Никон «дошед бо с князем Глебом острова того, и оному [Глебу] седшу на столе в граде том, Никон же възвратися възспать»²².

Тмутараканская надпись позволяет раскрыть географические псевдонимы: «остров тот» — Тмутараканская земля, омываемая дельтой Кубани, а «град тот» — город Тмутаракань.

Косвенные соображения позволяют сузить дату второго вокняжения Глеба в Тмутаракани. Из слов Патерика следует, что Никон был послан в Киев к Святославу, а между тем Святослав очень много времени провел в войне с Полоцком. 3 марта было нанесено поражение Всеславу на Немиге, но до июля месяца войска еще находилась в Полоцкой земле. Никон мог застать Святослава Ярославича в Киеве или Чернигове едва ли ранее августа 1067 г. Предстоял еще обратный путь из Киева в Тмутаракань и, кроме того, Никон должен был несколько задержаться на «острове том» для того, чтобы «монастырь свой управить», после чего он снова поехал в Киев. Все эти расчеты приводятся для того, чтобы показать, что игумен Никон Великий, известный историк, создатель летописного свода 1073 г., мог быть при князе Глебе в Тмутаракани не только в момент его второго вокняжения (примерно сентябрь 1067 г.), но и во время производства измерений по льду замерзшего пролива, т. е. в декабре—январе. Не ему ли, славившемуся своей ученостью, принадлежит мысль определения расстояния от Тмутаракани

²⁰ См. Б. А. Рыбаков. Русские системы мер длины XI—XV вв. — «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 76.

²¹ Д. Абрамович. Киево-Печерський патерик. Київ, 1930, стр. 45.

²² Там же.

до Корчева или, говоря языком античных и средневековых географов, от Азии до Европы?

Временем окончанья второго княжения Глеба можно считать молниеносный поход Всеслава Киевского на Тмутаракань, реальная возможность которого возникла после 1 ноября 1068 г., когда отец Глеба Святослав разбил 12 000 половцев. Быть может, именно боясь усиления Святослава Черниговского и его сына Глеба Тмутараканского, великий князь Всеслав и должен был как волк «прорыскать» к Тмутаракани.

Уже в 1069—1070 гг. Глеб действует на противоположном конце Руси — в Новгороде, с которым более не порывает.

Образок из жировика с изображением святого Глеба

В Тмутаракани Глеб Святославич княжил, очевидно, с осени 1067 г. по осень 1068 г., может быть, убегая из княжества во время нашествия Шарукана в августе—сентябре 1068 г.

С этим коротким княжением, возможно, следует связать еще один эпиграфический памятник, найденный на Тмутараканской земле — небольшой образок из жировика с изображением одного святого Глеба (см. рисунок). Князь в княжеской шапке, в сборчатом узорном кафтани с поясом, в корзине. Левой рукой Глеб придерживает меч в ножнах. Иконка сильно обгорела в пожаре. По сторонам рельефа колончатые надписи IX в., очень близкие и к Тмутараканскому камню:

Дд	г
бъ	л
дъ	ѣ
	б
	ъ

Редкость самого материала, необычность изображения Глеба без его старшего брата и указание на христиан-

ское имя Глеба — все говорит в пользу того, что эта иконка принадлежала князю Глебу Святославичу (см. в «Приложениях» хронологический график и статистическую диаграмму для надписи на тмутараканской иконке Глеба).

№ 6

Март 1077 г.?

Табл. XIX, рис. 1—2

Граффито Софийского собора в Киеве, обнаруженное С. А. Высоцким²³. Надпись сделана на втором от алтаря столбе среднего нефа собора. Надпись крупная и видная:

Д лета княжнаъ святослабъ

Надпись говорит, несомненно, о князе Святославе Ярославиче, сыне Ярослава Мудрого, княжившем с 22 марта 1073 г. по 27 декабря 1076 г. Летописец пренебрег недостающими месяцами и записал, так же как и автор граффито, о четырех годах княжения: «В лето 6584 [1076 г.]. Сего же лета преставися Святослав, сын Ярославль месяца декабря 27, от резанья желве, и положен Чернигове у святого Спаса, княжив лет 4»²⁴.

Надпись сделана, очевидно, вскоре после смерти Святослава, так как рядом имеется еще одна надпись, говорящая о других делах, но о том же князе и с теми же особенностями написания — «Сватослав» вместо «Святослав». С. А. Высоцкий объединяет обе надписи и считает, что вторая говорит о руге, вданной в память Святослава в марте месяце²⁵. Если это так, то дата надписи — март 1077 г.

№ 7

Около 1091 г.

Табл. XX, рис. 1—2

Граффито Софийского собора в Киеве (в апостольском приделе)²⁶.

м(ѣса)ца августѣ кѣ
кѣ престависѣ рѣвъ
в(о)жнѣ лѣка еп(иско)пѣ
б(ла)женънѣ белгородъскѣн

Надпись сделана твердой рукой, четко, с титлами. При точном обозначении дня смерти (22 августа) автор не позаботился указать год.

Белгородский епископ Лука упоминается в летописи под 1088 г. и 1089 г. по случаю освящения двух киевских храмов²⁷.

Ни время его поставления, ни время смерти, ни время поставления его преемника нам неизвестны. Спустя четверть столетия после этих упоминаний говорится о поставлении в Белгород епископа Никиты в 1113 г.²⁸

Мы никак не можем утверждать, что Никита был преемником Луки. Промежуток между 1089 г. и 1113 г. заполнен в летописи описаниями половецких наездов и княжеских усобиц. Ни разу летописцы не поместили на своих страницах за это время хроники епископских

²³ С. А. В ы с о ц к и й. Древнерусские граффити. . . , стр. 153, табл. IX, X; см. также С. А. В ы с о ц к и й. Граффито XI в. в Софии Киевской. — СА, 1959, № 1.

²⁴ См. Л. И. Л е й б о в и ч. Сводная летопись, вып. 1. СПб., 1876, стр. 155. Интересующие нас слова имеются лишь в Тверской летописи (см. там же, прим. 12).

²⁵ С. А. В ы с о ц к и й. Древнерусские граффити. . . , стр. 153, табл. X.

²⁶ С. А. В ы с о ц к и й. Древнерусские граффити. . . , стр. 152—153, табл. VII (стр. 172), табл. VIII (стр. 173).

²⁷ «Повесть временных лет», ч. I, М., 1950, стр. 137.

²⁸ Там же, стр. 197.

кафедр. Поэтому мы не располагаем данными о смене белгородских епископов и не можем ни отрицать, ни утверждать, что Никита непосредственно сменил Луку. Однако у нас есть косвенные, но очень весомые данные о времени смерти епископа Луки.

В церковных событиях 1088 и 1089 г. Лука как викарный епископ, заместитель митрополита, упомянут в перечне оба раза непосредственно вслед за митрополитом Иоанном Скопцом.

Вскоре произошло еще одно церковное событие, описанное с мельчайшими подробностями, — перенесение мощей Феодосия Печерского в августе 1091 г.

Автором описания был летописец Нестор, являвшийся непосредственным участником событий: «Аз же грешный (иже и летописание се в то время писах), взем рогалью, начах копати. . .». Поэтому мы с большим доверием должны отнести к списку церковных иерархов, участвовавших в этом заранее подготовленном торжестве в четверг 14 августа в 1 час дня²⁹.

Митрополит Иоанн к этому времени умер; заменять его должен был викарий — белгородский епископ Лука, но ни Луки, ни иного епископа из Белгорода на торжестве не было. Первым в списке иерархов стоит епископ Ефрем Переяславский, которого иногда называют митрополитом, очевидно, именно потому, что он неожиданно оказался на посту (но не в сане) митрополита.

Отсутствие белгородского епископа или лица, заменявшего его, нельзя считать случайностью, так как в Киев съехались епископы из Переяславля, Чернигова, Владимира Волынского, Поросья. Все эти пункты отстоят много дальше от Киева, чем Белгород, расположенный в 23 км от столицы.

Многое разъясняется, если мы сопоставим точные даты событий:

15 августа 1089 г. епископ Лука Белгородский участвует в освящении Успенской церкви в Печерском монастыре;

14 августа 1091 г. торжество перенесения мощей Феодосия Печерского состоялось без участия белгородского епископа;

22 августа (неизвестного года) умер епископ Лука Белгородский.

Мы должны отвергнуть 1090 г., как возможную дату смерти Луки, так как нельзя представить себе, чтобы такая важная кафедра оставалась пустой на протяжении почти целого года. Вероятнее всего, Лука не смог принять участие в торжествах 14 августа 1091 г. потому, что находился на смертном одре и через неделю скончался. Если дело обстояло так, то датой надписи № 7 следует считать 1091 г.

Можно, конечно допустить, что епископ Лука болел очень долго и умер после 1091 г., но это потребует уже натяжек, так как в практике русской церкви хронически «нездравующие» епископы обычно принимали схиму и уступали место жизнедеятельным людям.

№ 8

1093 г.?

Табл. XX, рис. 3—4

Граффито Софийского собора в Киеве (южная галерея собора, близ входа в Михайловский придел)³⁰.

²⁹ Л. И. Лейбович. Сводная летопись, вып. 1, стр. 167—168.

³⁰ С. А. Висоцкий. Надпись в Софии Киевской времени княжения Святополка Изяславича. — «История СССР», 1960, № 6, стр. 146, рис. 2 на стр. 145.

приде
князь
с(ка)топъл
къ

Такая формула могла относиться только к общеизвестному князю и, очевидно, отмечала его приход на великое княжение в Киев. Летопись знает четырех Святополков среди русских князей:

1. Святополк Окаянный (упоминается с 980 г. — умер в 1019 г.);
2. Святополк Изяславич (1050—1113 гг.);
3. Святополк Мстиславич (упоминается с 1132 г. — умер в 1158 г.);
4. Святополк Георгиевич (упоминается с 1156 г. — умер в 1190 г.).

Святополк Окаянный (Ярополчич или Владимирович) должен отпасть, так как он умер задолго до окончания постройки Софийского собора. Святополки Мстиславич и Георгиевич едва ли имеют отношение к этой надписи, так как были незначительными провинциальными князьями и никогда не появлялись в Киеве в такой торжественной обстановке, которая потребовала бы специальной записи в кафедральном соборе.

Наиболее вероятно, что в надписи идет речь о Святополке Изяславиче Туровском, приглашенном киевлянами на великое княжение после смерти Всеволода Ярославича в 1093 г.: «. . . месяца апреля 24 день приде Святополк Киеву. . .»³¹. Как мы знаем, установился такой обычай, что каждый новый киевский князь при въезде в Киев прежде всего отправлялся в Софийский собор.

То обстоятельство, что надпись не уточняет, какой именно Святополк и куда пришел, может явиться аргументом в пользу того, что речь идет о князе хорошо известном, не имевшем тезок (с которыми его могли спутать), пришедшим именно как князь, т. е. на великое княжение. Святополк Изяславич удовлетворяет всем этим условиям. Надпись сделана у входа в Михайловский придел собора, а крестным именем Святополка было, как мы знаем, имя Михаил. Несомненно, что Святополк — Михаил при торжественном посещении Софийского собора 24 апреля 1093 г. не мог миновать придела своего христианского патрона. Не тогда ли и сделана эта надпись?

№ 9

1084—1094 г.?

Табл. XXXIV, рис. 1—2
О р л о в, № 2, стр. 15—17

«Черниговская гривна» — массивный золотой змеевик (вес около 186 г, диаметр 7,3 см), найденный в 1921 г. на берегу реки Белоус (летописный Боловос) близ Чернигова. Уже в первых публикациях эта вещь была связана с именем князя Владимира Всеволодича Мономаха, так как змеевик-гривна содержит надпись о помощи Василию (а крестное имя Мономаха — Василий) и найден был этот драгоценный золотой предмет именно в тех местах, где Мономах охотился на туров, диких коней, медведей, выдр и лосей.

Термин «гривна», имеющий несколько значений (шейное украшение, денежная единица, весовая единица) можно оставить за этим предметом, так как слово «змеевик» в источниках XI—XIII вв. нам неизвестно, а слово «гривна» применялось не только для обозначения драгоценных женских украшений в виде шейного обруча, но и для обозначения каких-то мужских золотых шейных украшений. По своей ценности эта «гривна» равнялась

³¹ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 143.

размеру княжеской дани с городка среднего достатка. На лицевой ее стороне — литое изображение архангела Михаила с колончатой русской надписью:

Х н
м л
к

и круговой греческой надписью. Фигура архангела приземистая, крупноголовая, типичная по пропорциям для XI в.

В нижней части гривны есть трещина, заставляющая вспомнить слова Мономаха о его охотничьих несчастьях в Черниговских лесах: «... Тура мя два метала на розех и с конем; олень мя один бол, а два лоси — один ногами топтал, а другой рогама бол...»³².

Оборотная сторона занята изображением медузы, окруженной десятью змеями и двумя круговыми надписями. Внешняя надпись — греческая, обычная для змеевиков, а внутренняя — русская.

Своеобразие надписей состоит в том, что они вылепывались мастером из воска, накладывались на восковую модель змеевика и затем уже воспроизводились в металле.

гн помозн рабоу
свокмъ васнажъ амни

Автор применил здесь архаичскую форму для обозначения звука «ю» — йотованный большой юс : ѣ. Отсутствие ь в конце слова «аминь» следует объяснить недостатком места.

Наиболее вероятным временем изготовления черниговской гривны следует считать время княжения Владимира Мономаха в Чернигове, т. е. 1078—1094 гг. Быть может, нам следует обратить внимание на изображение на лицевой стороне змеевика; там, как уже сказано, помещена крупная фигура архангела Михаила. Михаил не был патроном ни самого Владимира—Василия, ни его отца Всеволода—Андрея, ни дедов Ярослава—Георгия и Константина (Мономаха). Не был он и покровителем города Чернигова, в окрестностях которого была потеряна эта вещь. Можно считать, что Михаил — «архистратиг и небесных сил воевода» был вообще покровителем всех земных воевод и полководцев, но необходимо напомнить, что архангел Михаил был патроном Киева, а его изображение составляло основную часть киевского герба вплоть до XX в. Нельзя, однако, относить изготовление золотой гривны с архангелом ко времени великого княжения Мономаха в Киеве (1113—1125 гг.), так как в это время этот князь не имел никакого отношения к Чернигову, где княжила уже другая династия. Но в период обладания Черниговом Владимир Мономах много лет фактически соправительствовал со своим отцом Всеволодом, когда великий князь одряхлел и ослабел.

С 1084 г. Всеволод Ярославич уже не ходил сам в походы; его везде заменял сын Владимир и вполне возможно, что роскошный золотой змеевик с изображением патрона Киева относился к этому десятилетию — 1084—1093 гг., когда Мономах помогал отцу в управлении Киевской Русью, сохраняя за собой черниговское княжение.

№ 10—11

1113—1121 гг.?
1113 г.?

Табл. XXI, рис. 1

Граффити Софийского собора в Киеве. Обнаружены Б. А. Рыбаковым в 1944 г. в алтарной части собора³³.

³² «Почтение Владимира Мономаха» (см. А. С. Орлов. Владимир Мономах. М., 1946, стр. 148).

³³ Б. Р и б а к о в. Іменні написи XII сторіччя в Київському Софійському соборі. — «Археологія», т. I, Київ, 1947, стр. 62—63.

Надпись по содержанию едина, но, по всей вероятности, сделана в два приема и, может быть, двумя разными лицами, так что формально перед нами две надписи, что и заставляет дать два разных номера:

гн помозн ра № 10
боу сквемоу
васнажъ
грешникоу помозн к № 11
му г(оспод)и

Первые три строки (надпись № 10) написаны очень крупными заметными буквами (высота букв ~ 1,5 см) с тщательным подчеркиванием концов линий. Эти три строки составляли законченную фразу. Две последние строки (надпись № 11) написаны менее торжественным почерком, буквы меньше по размеру. Отличается и способ написания:

№ 10 помозн сквемоу
№ 11 помозн кмю

Различна и графика (сравни буквы Р, Е). Две половины надписи сделаны, как мы видим, разными лицами. Первый писец, старательно и красиво прочертивший три строки надписи, не рискнул назвать Василия грешником и ограничился предельно краткой формулой: «господи, помози рабу своему Васильеву». Второй писец, менее заботившийся о красоте и ровности строк, приписал смело: «... грешнику, помози ему, господи!».

Заметность, четкость и тщательность этой надписи, сделанной в самом сокровенном, самом священном месте кафедрального собора Киева — близ центрального престола — заставляют искать ее автора или заказчика среди самых высокопоставленных лиц Киева XI—XII вв. В непосредственном соседстве с этой надписью помещена аналогичная греческая надпись, призывающая бога помочь некоему Никифору. Других надписей подобных размеров и такой четкости на этом пилоне нет.

Среди исторических лиц Киева, достаточно знатных для того чтобы сделать или заказать надписи в таком исключительно важном месте, можно назвать две пары Василиев и Никифоров:

1. Василий — Владимир Всеволодич Мономах (1053—1125 гг.). Митрополит Никифор I, грек (1104—1121 гг.);
2. Василий — Рюрик Ростиславич (упоминается с 1157 г.—умер в 1215 г.). Митрополит Никифор II, грек (1152—1197 гг.).

Наиболее вероятными сроками написания следует считать в первом случае 1113—1121 гг. (время совместного пребывания в Киеве Никифора I и великого князя киевского Владимира Мономаха), а во втором случае — 1182—1197 гг. (тоже время совместного пребывания митрополита и великого князя).

Обе надписи — и предполагаемого митрополита и предполагаемого великого князя — не дают никаких дополнительных оснований для выбора одной из упомянутых пар: оба митрополита Никифора были греками, оба синхронные им князья были Васильями и каждый из них мог в одинаковой мере назвать себя грешником.

Слабым аргументом в пользу первой пары может служить размер основной надписи. Такими крупными бук-

вами писались в Софийском соборе летописные записи в конце XI в. (например, № 6).

Хронологическую дилемму помогут разрешить только эпиграфические и палеографические данные.

Сопоставление с хронологическими графиками типов букв XI—XIV вв., составленными для данного выпуска «Свода», (см. в «Приложениях» хронологический график и статистическую диаграмму для надписи Василия) показывает, что большинство характерных букв рассматриваемой надписи относится к первой, самой ранней группе, датируемой третьей четвертью XI вв., а это уже сразу решает вопрос в пользу ранней пары Никифора и Василия, т. е. в пользу Никифора I и Владимира Мономаха. Подбор аналогий дает даже более архаичную дату, чем время сосуществования в Киеве названных лиц (первая четверть XII в.). Это может быть объяснено двойко: или надпись Василия сделана на 20—30 лет ранее греческой надписи Никифора и обе надписи друг с другом никак не связаны, или надпись Василия сохранила в своих эпиграфических приметах черты предшествующей эпохи. Нет ничего удивительного в том, что в надписи, сделанной в начале XII в. при митрополите Никифоре (например, по случаю вокняжения Мономаха), отразились черты почерка 1052—1077 гг., т. е. того самого времени, когда Владимир и его сверстники обучались грамоте и вырабатывали почерк. К 1077 г. Владимиру Мономаху было 24 года и у него должен был уже сложиться свой почерк, пронесенный им через десятилетия.

Обращение к палеографическим данным показывает, что почерк надписей № 10 и 11 наиболее близок к почерку писца Мстислава евангелия, заказанного сыном Мономаха в 1117 г.

Особого примечания требует омега, имеющаяся в обеих надписях. Это — омега с высокой серединой, не встречающаяся в эпиграфических памятниках XI вв., но имеющаяся в книгах XI—начала XII в. (Остромирово евангелие 1057 г., Минея 1097 г. и то же Мстиславово евангелие 1117 г.); в рукописях конца XII в. такой омеги нет. Очевидно, авторами надписей № 10 и 11 были вполне книжные люди, следовавшие рукописной, а не эпиграфической традиции середины XI в.

Историю появления надписей в алтаре Софийского собора предположительно можно восстановить так: в начале XII в. по случаю какого-то события, когда великий князь и митрополит находились в алтаре, на пилоне близ главного престола были сделаны рядом надписи митрополита Никифора (греческая) и великого князя Владимира—Василия Всеволодича Мономаха. Русская надпись (№ 10) могла быть сделана по поручению Мономаха кем-то из его свиты; она архаична и отражает черты рукописной графики 1050—1070-х годов. К этой лаконичной формуле другая рука, обладавшая очень близким почерком с теми же архаичными чертами, приписала четыре слова, назвав Василия грешником (надпись № 11). Возможно, что это — автограф Мономаха.

Наиболее подходящим временем, когда великий князь мог находиться в алтаре кафедрального собора, можно считать время его коронации или какого-то крестоцелования. Может быть, это воскресенье 20 апреля 1113 г., когда после знаменитого восстания Мономах был приглашен боярством в Киев на великое княжение? «Володимер Мономах седе Киеве в неделю. Усьретоша же и митрополит Никифор с епископы и с всеми кыяны с с честию великою. . .»³⁴

³⁴ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 196—197.

3 декабря
1104 г.?

Табл. XXV, рис. 1—2

Граффито Софийского собора в Киеве, в южной галерее близ портала³⁵.

м(еса)ца декабря
къ .д.е сътвориша
миръ на желани
скатопокъ коло
Дамиръ и ольгъ

Ни одна из летописей не сообщает нам о таком мире. С. А. Высоцкий правильно считает, что речь здесь идет о Святополке Изяславиче, Владимире Мономахе и Олеге Святославиче, но неубедительно связывает эту интереснейшую надпись с миром, заключенным в 1097 г. С его допущением нельзя согласиться, во-первых, потому, что мир заключали тогда не три, а четыре князя и среди них — Давид Святославич, который был старше своего брата Олега и должен был быть обязательно упомянут в записи, а, во-вторых, потому, что мир тогда заключали не на Желани (юго-западные предместья Киева), а на другом берегу Днепра, на северо-восток от Киева, в Городце.

Для установления вероятной даты разберем летописные сведения год за годом.

- 1093 г. — Святополк стоял на Желани, но не в декабре, а 23 июля и воевал, а не мирился;
- 1094 г. — Олег нападает на Владимира, и мир немислим;
- 1095 г. — «Бысть межи ими [троими князьями надписи] ненависть»;
- 1096 г. — Олег с сентября по великий пост 1097 г. воюет в Суздальщине с сыновьями Владимира;
- 1097 г. — после ослепления Василька Святополку пришлось заключить мир в Городце с коалицией князей, в составе которой был и Давид Святославич, не упомянутый в граффито;
- 1099 г. — сведений о князьях нет.
- 1100 г. — съезд в Витичеве (Уветичах), где также участвует и Давид Черниговский;
- 1101 г. — снова объединение четырех князей;
- 1102 г. — конфликт Святополка с Владимиром из-за новгородского стола;
- 1103 г. — В марте состоялся Долобский съезд князей перед походом на половцев. Олег не был на съезде и «не восхоте» участвовать в походе;
- 1104 г. — на протяжении этой летописной статьи упомянуто восемь точных дат в строгой хронологической последовательности, в том числе три события в декабре (6, 13, 18 декабря), но о съезде князей не говорится. Совместные действия Святополка, Владимира и Олега относятся к концу 6612 г., т. е. к февралю 1105 г. Раздел летописи с таким обилием дат внутри года можно связывать с первоначальным текстом «Повести временных лет» Нестора;
- 1105 г. — описаны только церковные дела;
- 1106 г. — о съезде князей не говорится;
- 1107 г. — 12 августа все трое князей со своими вассалами разбили Боняка и Шарукана под

³⁵ С. А. Высоцкий. Надписи в Софии Киевской времени княжения Святополка Изяславича, стр. 139, рис. 1; С. А. Высоцкий. Древнерусские граффиты. . ., стр. 149—150, табл. I (стр. 166), II (стр. 167).

Лубнами. Давид Святославич на этот раз не упомянут;

1108 г. } — нет сведений о князьях;
1109 г. }

1110 г. — в походе на Воинь не упомянут Олег;

1111 г. — в шаруканском походе не участвовал Олег;

1112 г. — нет сведений о князьях;

1113 г. — в начале года умер Святополк.

Как видим, союзнические отношения Святополка, Владимира и Олега ограничиваются промежутком времени 1104—1107 гг.

После отказа Олега от союза и от совместного похода на Половцев весной 1103 г. и до совместных действий всех трех князей зимой 1104—1105 г. («6612 . . . сего же лета исходяща. . .») должно было состояться примирение всех трех князей, упомянутых в надписи № 12.

Наиболее вероятно, что мир на Желани 3 декабря был заключен в 1104 г. (6612 г.), непосредственно перед совместным походом на Минск. Желань находилась как раз на западной окраине Киева, где в настоящее время начинается Брестское шоссе, ведущее в те самые земли, где войска трех князей — Святополка, Владимира и Олега — воевали зимой 1104—1105 г.

№ 13

1114 г.?

Табл. XXII, рис. 1—3

Граффити в крещальне Софийского собора в Киеве ³⁶. Здесь имеются две надписи вокруг сложного рисунка, изображающего престол с шестиконечным крестом и свечами (?). Прямоугольный престол как бы сложен из восьми кусков.

По сторонам престола крупные буквы Δ и Ω — альфа и омега, — связанные с христианским определением бога как начала и конца всего сущего. Над крестом обычные буквы IG XC ; под ним — ника; в клетках престола — буквы $\text{I, } \text{A}, \text{Y}$ в верхнем ряду и те же буквы, но в другом порядке, в нижнем (A, I, Y). Значение этих букв неясно.

Первая надпись вписана в подножие престола:

гн помози помози
помани дани[n]ла

В имени Даниила автором допущена описка — вместо A он поставил юс малый.

Следует отметить, что в греческой эпиграфике XI—XII вв. нередко встречается начертание альфы, похожее на наш юс малый. Обращает внимание то, что Даниил не назвал себя «рабом божьим», а это позволялось в подобных надписях лишь духовным лицам (см., например, надпись архиепископа Мартирия — № 31).

Наибольший интерес представляет вторая надпись, сделанная справа от рисунка престола:

олѣтарь пламан[ы]
а ц(ь)ркы ледана н олѣта
рь погаснетъ н църкы
стактъ

Не совсем обычно написание слова церковь — църкы. Впрочем, в такой форме, без буквы B оно встречается в Остромировом евангелии 1057 г., Изборнике Святослава 1073 г. и у Кирилла Туровского. Нельзя согласиться

³⁶ С. А. Высоцкий. Древнерусские граффити. . . , табл. XVII, стр. 160—161.

с чтением С. А. Высоцкого: «Алтарь пламенный церкви медной и алтарь потух и церковь стоит»³⁷.

Случайная шербина на штукатурке делает букву Л похожей на M . При этом получается немислимая лигатура, объединяющая последнюю букву слова «църкы» с первой буквой слова «медяна». Следует напомнить, что это последнее слово должно было бы быть написано «мѣдяна» через я , а не так, как оно изображено в граффито. Читать нужно: «църкы ледана».

Неверно переведено и последнее слово. Речь идет не о том, что ледяная церковь стоит, а о том, что она растает (стактъ) тогда, когда погаснет пламенный алтарь. Этот «алтарь пламаны» с шестью свечами и напестольным крестом и изображен рядом.

Ледяные церкви (в виде невысокой ограды) с алтарями внутри сооружались в древней Руси в праздник богоявления — крещения 6 января, когда на реках производилось водосвятие.

В этой связи следует обратить внимание на имя автора рисунка и надписей — Даниил.

Под 1114 г. в Лаврентьевской летописи мы читаем: «В то же лето поставиша Данила епископом месяца генваря в 6 на крещенье господне».

Ипатьевская летопись дополняет, что Даниил стал епископом Юрьева (на Роси)³⁸.

Очень вероятно, что епископ Даниил, поставленный в Софийском соборе на крещение, решил на стене этого собора изобразить крещенскую ледяную «иордань» и поставить под рисунком свою подпись, по обычаю духовных лиц без традиционного обозначения себя «рабом божьим»³⁹.

Предположительно надпись № 13 можно связывать с юрьевским епископом Даниилом и датировать ее на основании «ледяной церкви» временем его хиротонисания — 6 января 1114 г.

№ 14

Около 1118 г.

Табл. XXIII, рис. 1—2

Граффито Софийского собора в Киеве, в среднем нефе, на фреске, изображающей святого Николая ⁴⁰.

гн помози ра
вѣ своему ста
къркн неосто
нному равѣ тко[ему]

Надпись сделана четким, выработанным почерком с устойчивыми индивидуальными чертами. Так, верхние линии букв Г, П, Б, Z выходят за рамки вертикальных мачт влево или вправо.

По содержанию эту надпись следует рассматривать совместно с надписью № 15, расположенной рядом: «писал СтаврЪ Городятиничъ». Почерк надписи № 15 совершенно иной: буквы крупнее, размашистее, нет характерного для надписи № 14 наклона строк. Совершенно по-иному пишутся буквы P, O, B, C, A . Высоцкий считает автографом Ставра именно вторую надпись (№ 15), и склонен приписать ему же и первую, хотя и с колебаниями ⁴¹.

³⁷ С. А. Высоцкий. Древнерусские граффити. . . , стр. 160.

³⁸ «Летопись по Лаврентьевскому списку», СПб., 1897, стр. 276; «Летопись по Ипатьевскому списку», стр. 199.

³⁹ Подробнее см.: Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 120. Возможно, что епископ Даниил тождествен со знаменитым паломником Даниилом.

⁴⁰ С. А. Высоцкий. Древнерусские граффити. . . , стр. 151, табл. V (стр. 170), VI (стр. 171).

⁴¹ Там же, стр. 151—152. С. А. Высоцкий справедливо сопоставляет Ставра со Ставком Гордятичем, упомянутым в «Поучении Владимира Мономаха».

Надписи № 14 и № 15 сделаны, несомненно, разными людьми и, в таком случае, автографом Ставра мы должны признать только одну надпись № 14, в которой Ставр в установленной формуле обращается к богу и усиливает эту формулу словами: «недостойному рабу твоему». Надпись № 15 как бы удостоверяет первую, сообщает киевлянам, толпящимся в главной центральной части собора, что ее сделал не какой-то безвестный Ставр, а Ставр Гордятинич, сын старого киевского боярина Гордяты, двор которого находился в древнейшей части Киева. Боярин Ставр, новгородский соцкий, был вызван Владимиром Мономахом в 1118 г. в Киев и здесь заточен в погреб⁴².

Летопись, как и надпись № 14, не указывает отчества боярина, но сохранилась былина «Ставр Годинович» (вариант — Ставр Гординович), полностью совпадающая в своей первой части с летописной заметкой: князь Владимир разгневался на старого боярина Ставра, понабравшего в Новгороде большие сокровища и «Ставер боярин во Киеве посажен в погребы глубокие». Далее былина повествует о том, чего нет в летописи — об участии молодой жены Ставра Гординовича в освобождении провинившегося боярина.

Былина, сохранившая отчество Ставра, дополняет летопись точно так же, как надпись № 15 дополняет надпись № 14⁴³.

Ставр Гордятинич известен еще в 1070-е годы, когда его упомянул Мономах, но киевскую надпись в Софийском соборе, так почтительно удостоверенную киевлянином, следует связывать с появлением Ставра в столице в 1118 г.

№ 15

Около 1118 г.

Табл. XXIII, рис. 1—2

Надпись расположена рядом с № 14.

Ѡль
стакъ
ръ горо
дѣ шн
тъ

Исторический комментарий дан совместно с надписью № 14.

№ 16

До 1135 г.?
(около 1115—1120 гг.?)

Табл. XXVI, рис. 1—6
О р л о в, № 44, стр. 42—43

Надпись сделана на серебряном кратире (сосуд для смешения вина с водой при причастии) мастера Братилы из ризницы Софийского собора в Новгороде Великом. Это великолепное изделие русской работы XII в., с рельефными изображениями и тонким растительным орнаментом. Раструб сосуда имеет форму квадрифолия, а поддон — круга.

На кратире Братилы (как и на аналогичном ему кратире с надписью № 17) есть три вида надписей: по верху идет евхаристическая формула, определяющая назначение сосуда; на поддоне — имена владельцев, а на самом дне (на его оборотной, обращенной к земле, стороне) —

интереснейшие надписи мастеров каждого сосуда (№ 16 и № 17).

Первые две надписи на обоих сосудах выполнены особым торжественным стилем, когда каждая буква вырезалась на серебре двойным и тройным контуром с заполнением части внутреннего пространства чернью. Надписи на дне вырезаны гравировальным резцом в одну линию.

Надпись по верхнему краю:

пнѣте отъ неѣ всѣ се ксть крѣкъ моѣ ноѣго закѣта
нзѣлѣкъмаѣ за кѣ за многы къ оставленѣк грѣховѣ

Надпись на поддоне:

съ сѣсѣдѣ петрѣлокъ ѣ женѣн его карѣарѣ

Обе эти надписи по рисунку букв и по композиции строки напоминают тщательно выложенные мозаичные надписи собора, сделанные в XI—XII вв. Пропорции букв довольно высокие, близки к двум квадратам. Буквы С, Е, А и особенно О орнаментированы дополнительными черневыми штрихами. Особенностью письма является применение И краткого в слове «пнѣте», а также в союзе И («и жены его»). Букву Ы Братило пишет без соединительной черточки, а ю пишет двояко. Однажды он допустил ошибку и соединил черточкой йоту не с Е, а с предшествующей буквой Ы; в результате получилось женѣнею вместо женѣ кю. В евхаристической надписи, разделенной пополам ручками сосуда, Братило немного не рассчитал место в конце и ему пришлось в слове «грѣховѣ» букву О поставить над строкой. Но вообще надписи выполнены очень тщательно и изящно.

Таким же изяществом отличается и надпись на дне:

гѣ помозн ра
боу своемоу
ѣлорокн
братило дѣ
лалъ

Сравнение надписей, сделанных торжественным и простым стилем, показывает единство руки во всех случаях, но в то же время видно, что законы торжественного стиля надписей на наружной стороне сосуда обусловили некоторые различия: так, буква А писалась в наружных надписях с более округлой петлей, не доходившей до вершины мачты; буква В состояла из двух полукругов, примыкавших к мачте с интервалом между ними, а в надписи на дне правая сторона буквы образовывалась угловым росчерком, не доведенным до мачты. Очень существенно отличается буква М. В торжественном письме ее середина образована фигурой, напоминающей букву У, верхние отроги которой упираются в мачты чуть выше их середины; в надписи же на дне буква М образована как бы провисающей лентой, идущей от верхних горизонтальных покрытий мачт. Письмо в подписи мастера на дне ближе к обычному рукописному начертанию. Братило—Флор был, несомненно, хорошо грамотным человеком с выработанным почерком XII в.

Сосуд Петрилы и его жены Варвары, изготовленный Братилой, представляет большой исторический интерес как один из лучших образцов русского серебряного дела, датируемого по стилю изображений и надписей XII в. Дата его давно уже была предположительно сужена на

⁴² «Новгородская первая летопись», М.—Л., 1950, стр. 204—205.

⁴³ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 126—129; Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика X—XIV вв. — «История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов», М., 1963, стр. 69—71.

основании того, что в Новгородской летописи упоминается посадник Петрила в 1131—1134 гг.

Дорогой и прекрасно сделанный сосуд, разумеется, должен был принадлежать представителю высшего новгородского боярства. Нельзя согласиться с тем, что сосуд изготовлялся как дар, предназначенный для Софийского собора. Против этого говорит очень ясно надпись на поддоне. Это не сосуд, заказанный для кого-то Петрилой и Варварой, а именно их сосуд, данной супружеской четы. Необходимость такого евхаристического сосуда для мужа и жены диктовалась каноническими требованиями, изложенными в уставе митрополита Георгия (1062—1072 гг.): «§ 22. Мужу с женою достоит каятися у единого отца [духовного]»⁴⁴.

Подобный сосуд, предназначенный только для причащения двоих супругов, не мог находиться в общественной церкви; у Петрилы мы должны предполагать наличие собственной домово́й церкви «каплички». Это еще более укрепляет нас в мысли, что имя владельца сосуда мы можем искать на страницах летописей. Большинство летописных упоминаний о новгородских боярах, носивших имя «Петр», падает на XIII в. и едва ли пригодно для наших целей. В списках новгородских посадников есть два Петра (Петрята, Петрило). Один из них, малоизвестный, может быть приблизительно отнесен к концу XI в.⁴⁵

О другом, Петриле Микульчиче, у нас больше сведений: в январе 1131 г. он был выбран посадником; в 1134 г. во время неудачного похода новгородцы «отяша посадничество у Петрилы», а в следующем 1135 г. 26 января он погиб в битве на Ждане Горе.

Так как мы не знаем имен жен этих посадников, то нам трудно определеннее отнести наш сосуд к тому или иному посаднику Петру. Но вполне возможно, что каждый из них заказал себе по сосуду, так как второй кратир (в этом издании — № 17) тоже назван сосудом Петра, но только женою этого Петра была не Варвара, а Мария.

Косвенно в пользу приписывания сосуда Братилы летописному Петриле Микульчичу говорит прямое наименование владельца Петрилою, тогда как его предшественника называли Петрятою. Если мы признаем владельца кратира посадника Петрилу, то мы тем самым знаем и имя его жены — Варвара. Интересно отметить, что три года спустя после смерти Петрилы, мужа Варвары, в Новгородской летописи впервые упоминается монастырь святой Варвары. Вполне естественно, что вдова Петрилы могла постричься в монахини и создать монастырь во имя своей патронессы.

В 1136—1138 гг. в Новгороде боролись две партии — одна из них держала сторону князя Всеволода Мстиславича, а другая — Святослава Ольговича. Первый был изгнан в 1136 г., а второй — в 1138 г.

В условиях полной внешнеполитической неясности новгородцы в апреле 1138 г. «... Святославлю [княгиню] прияша Новгороде с лучшими мужи». По буквальному смыслу текста можно думать, что княгине был оказан почетный прием, но из дальнейшего следует, что ее «стрежахуть» «у святое Варвары в монастыри»⁴⁶. Так как на следующий год сам Святослав Ольгович был снова приглашен на новгородский стол, то слово «стрежахуть» можно понимать двояко — княгиню могли держать под домашним арестом, но могли и охранять ее впрямь до

приезда мужа от последствий политических страстей, бушевавших в городе за стенами Варварина монастыря.

По данным В. Н. Татищева, «Святославля княгиня» — дочь посадника Петрилы⁴⁷.

Таким образом, если принять эти допущения, получается, что дочь Петрилы, жена Святослава, ожидала приезда мужа из Киева в новгородском монастыре, созданном ее матерью Варварой.

С этой Святославовой княгиней Н. П. Лихачев связывает крупную и необычную печать с именем Марии и изображением княгини в пышном уборе. Место находки печати — Киев, вполне естественно, например, для времени от середины 1138 г. до конца 1139 г., когда князь был то в Смоленске, то в Киеве, а княгиня — в Новгороде⁴⁸. По начертаниям букв надпись на печати близка к надписям на обоих кратирах (№ 16 и № 17). Бысканные соображения, не имея силы решающих доказательств, позволяют все же оставить в качестве гипотезы давно установившееся отождествление Петрилы надписи № 16 и Петрилы-посадника. Временем заказа серебряного сосуда для совместного причастия с женой едва ли нужно считать период посадничества Петрилы Микульчича. Скорее это время его женитьбы на Варваре, что могло быть, судя по тому, что в 1136 г. их дочь была уже взрослой, около 1115—1120 гг.

№ 17

Вторая четверть XII в.?

Табл. XXVII, рис. 1—6
О р л о в, № 44, стр. 42—43

Второй серебряный кратир Софийской ризницы в Новгороде (см. № 16), работы мастера Константина (Косты). Кратир поразительным образом сходен с изделием Братилы, но надписи его сделаны менее художественно и небрежнее.

Надпись по верхнему краю (в транскрипции ошибки писца исправлены):

пннте отъ немъ ксі се естъ кръкъ молъ нок[а]го зак[ѣ]та
ізлакаемаа за кы і за многы къ оставленіе грѣхѣкъ

Буква *и* только в одном случае написана правильно (в слове «оставление»), а во всех остальных — как современное *И* Коста часто пропускает буквы; в слове «грѣховъ» он вместо **Г** написал **Б** и кто-то неумело провел черту, превращающую **Б** в **Г**. Форма букв более приземистая, менее стройная, чем у Братилы, обработка их резцом и чернью более грубая. Коста иногда применяет перечеркивание перекладинок букв. Его индивидуальной особенностью является буква *а* с глаголеобразным крючком наверху.

Надпись на поддоне:

+ съ съсѣдъ петроуъ и жены его марѣѣ

⁴⁷ 1136 г. «Женился Святослав Ольгович в Новеграде, взял Петрилину дочь...». «В Ростовском [летописце], что муж ее недавно убит от людей Святославовых и за то родня мужа ее изгнать вознамерилась» (В. Н. Татищев. История Российская, т. II, стр. 148 и 469). Есть данные, правда ненадежные, что дочь Петрилы звали Марией (см. Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. Л., 1928, стр. 117, 121—122). У «Марии Петровны» было в Новгороде много врагов. Это ясно из того, что когда Святослав женился, епископ Нифонт отказывался его венчать, говоря, что «не достоит ее пояти». Князя и дочь посадника венчали княжеские попы («Новгородская первая летопись», стр. 24).

⁴⁸ Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 117, рис. 62.

⁴⁴ Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, вторая половина. М., 1904, стр. 536.

⁴⁵ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 28, 61, 382.

⁴⁶ «Новгородская первая летопись», стр. 22—23, 25.

Надпись сохраняет те же особенности, что и верхняя. Пропорции букв еще более приземистые, доходящие иногда до одного квадрата.

Надпись на дне:

+ ГН ПОМОЗН
равѣ своему
костанѣтинѣ
коста дѣлаа
аминь

Даже в своей подписи мастер Коста допустил небрежности: в слове «своему» буква е осталась без средней перекладины и читается как С, в слове «аминь» у него опять перевернутое Н, а Н пропущено.

Сопоставление трех надписей, сделанных двумя разными стилями, убеждает, во-первых, в том, что все они сделаны одной рукой, с одними и теми же палеографическими особенностями, а во-вторых, в том, что Коста одинаково торопился при изготовлении всех надписей. Несколько более добросовестно сделана только надпись с именами заказчиков⁴⁹.

Сосуды Братилы и Косты очень близки по времени их изготовления, но создается впечатление, что Коста подражал Братиле, воспроизводил его изделие и притом весьма торопливо.

Едва ли у нас есть какие-либо основания искать в летописях Марию или второго Петра, заказавших сосуд мастеру Константину. Это могли быть и посадник Петрята, возведенный на степень в княжение Мстислава Владимировича в 1088—1117 гг. (это предположение маловероятно), и Мария, дочь Петрилы (в том случае, если ее первого мужа, неизвестного нам по имени, звали Петром), и упомянутый летописью Петр Кушевич, дочь которого стала в 1193 г. игуменьей Зверинецкого монастыря⁵⁰, и любая пара знатных новгородцев, носивших эти обычные, широко распространенные имена. Оснований для выбора у нас нет⁵¹.

Близость почерка Косты к почерку Братилы (при сохранении первым своих индивидуальных особенностей) заставляет нас датировать сосуд Петра и Марии, изготовленный Константином, второй четвертью XII в.

№ 18

Первая половина XII в.

Табл. XXVIII, рис. 1—2
О р л о в, № 45, стр. 43

Серебряный чеканный оклад иконы Петра и Павла в Софийском соборе в Новгороде с пятнадцатью изображениями святых, снабженными колончатými надписями двойного контура.

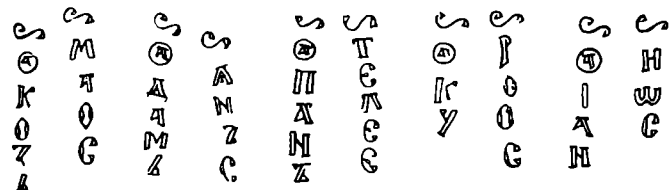
Н. Е. Мневa и В. В. Филатов по стилю чеканных изображений сближают их с работой новгородских мастеров Братилы и Косты. Первому приписываются верх и левая половина оклада, а второму — правая поло-

⁴⁹ Возможно, что в этом случае перед нами один из примеров средневекового цехового «изделия» (Meisterstück, chef d'oeuvre), производимого в определенный срок по определенному образцу подмастерьем, сдающим экзамен на звание цехового мастера (см. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948).

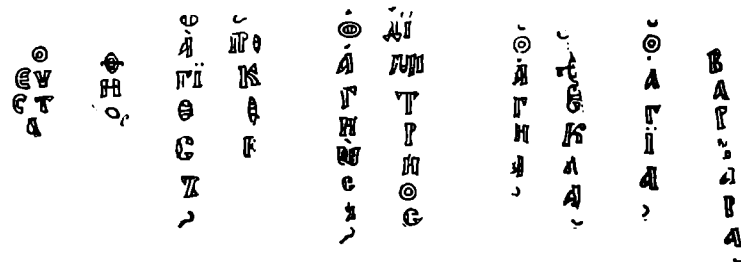
⁵⁰ «Новгородская первая летопись», стр. 231.

⁵¹ Была даже сделана попытка приписать оба сосуда одному Петриле Микульчичу: женившись первоначально на Марии, он заказал сосуд мастеру Косте, а впоследствии, женившись на Варваре, он заказал Братиле другой сосуд с именем своей второй жены («История русского искусства», т. II, М., 1954, стр. 302). Ни доказать, ни опровергнуть это построение нельзя по недостатку данных.

вина⁵². Надписи тоже резко делятся на две группы близкие к почерку Братилы и близкие к почерку Косты. Они выполнены иной техникой (без черни), поэтому полного сходства с надписями на кратирах нет, но близость

Надписи на полях оклада иконы Петра и Павла, близкие к почерку Братилы

Надписи на полях оклада иконы Петра и Павла, близкие к почерку Косты

несомненна. Помимо стиля, названные исследователи использовали для датировки и подбор святых на полях оклада, считая, что изображение архангела Гавриила в царских одеждах может указывать на князя Гавриила — Всеволода Мстиславича (1125—1136 гг.). Труднее согласиться с тем, что Михаил и Пантелеймон изображены здесь в качестве патронов его братьев. Едва ли оклад этой иконы был заказан князем Всеволодом. Против этого говорит отсутствие патрона его отца — святого Федора. Но с тем, что архангел в царском уборе изображен в качестве княжеского патрона, согласиться можно.

Обращает на себя внимание подбор святых не по именам, а по характеру деятельности: всю правую половину занимают святые воины; всю левую — святые врачи, целители. Такой специфический подбор для оклада одной из центральных икон кафедрального собора Новгорода оправдан только в том случае, если сделан по поводу какой-то общеновгородской военной трагедии. В княжение Всеволода было две победоносные битвы в Прибалтике и одно тяжелое поражение на Ждане Горе 26 января 1135 г., когда суздальцы убили «много добрых муж и много ся зла створи». В этой битве пал старый посадник Петрила Микульчич и новый посадник Иванко Павлович. Предположительно оклад с воинами и врачами можно связывать с этой несчастной для новгородцев битвой в далекой чужой земле. Если обратить внимание на то, что в нижнем углу оклада иконы Петра и Павла есть изображение святой Варвары, и сопоставить это с наблюдениями Н. Е. Мневой и В. В. Филатова о сходстве работы мастера оклада с работой Братилы, изготовившего сосуд Петрилы и Варвары, то можно высказать такую догадку:

⁵² Н. Е. Мневa, В. В. Филатов. Икона Петра и Павла Новгородского Софийского собора. — Сб. «Из истории русского и западноевропейского искусства». М., 1960, стр. 81—102.

после смерти Петрилы в битве на Ждане Горе его вдова Варвара заказала для софийской иконы Петра и Павла (патрональной иконы ее мужа) новый оклад с изображениями святых — воинов и целителей (что отражало общие интересы новгородцев) и двух святых жен — Феклы и Варвары. Разумеется, доказательной силы эта догадка не имеет.

№ 19

Первая половина XII в.

Табл. XXVIII, рис. 3—6
Орлов, № 32, стр. 36—37

Надпись на окладе иконы богородицы из Софийского собора в Новгороде, подобном предыдущему.

Подбор святых-воинов не проясняет датировки, но необычайная стилистическая близость к окладу иконы Петра и Павла (№ 18) позволяет и этот оклад датировать первой половиной XII в.

№ 20

1128 г.

Табл. XIV, рис. 1—2
Орлов, № 68, стр. 53—54

Один из известных двинских камней («Борисовых») по счету А. Сапунова — № 1⁵³.

Камень находится посреди реки Западной Двины в 5 км ниже Полоцка по течению Двины. Это огромный гранитный валун около 8 м в окружности, видимый после спада внешней воды. На валуне высечен крест длиной более полутора метров с надписями [С] ХС ииика в верхней части креста и формулой «господи помози» в середине:

гн полози
рабю скоемѣ
боркѣ

Существующие прорисы отличаются от фотографии, и судить об истинной форме букв, попорченных временем, трудно. Обращает на себя внимание написание «рабю» и необычная лигатура к вместо привычного написания НС. Пристрастие к і десятиричному мы встретим и на других Борисовых камнях (см. надпись № 21).

Всего науке известно шесть Борисовых камней; из них три не сохранили надписей целиком, а три публикуются здесь (наши № 20, 21, 22).

Географически Борисовы камни располагаются так: три из них (именно те, на которых лучше сохранились надписи) — это валуны, лежащие на отмелях реки вниз от Полоцка.

Один камень с остатками надписи находится на берегу Двины западнее № 1, в городе Друе, а два остальных расположены далеко в стороне от Двины: один в верховьях Вилии на берегу реки в деревне Каменке, более чем в 100 км к юго-западу от Полоцка, а другой — в селе Высоком Городце, недалеко от древнерусского города Лукомля, в 100 км к югу от Полоцка (см. карту).

Все эти камни не выходят за рубежи древнего Полоцкого княжества и вполне достоверно могут быть связаны с единственным полоцким князем, носившим имя Бориса — Борисом Всеславичем, сыном знаменитого

князя-чародея Всеслава, героя киевского восстания 1068 г.

После смерти Всеслава (1101 г.) Полоцким княжеством правил кто-то из его сыновей. События 1127 г., когда на Полоцк двинулись со всех сторон вассалы киевского князя, застают на полоцком столе князя Давида Всеславича. Быть может, он и правил со времени смерти отца; сведения о Полоцкой земле в летописях отрывочны.

Удар четырех киевских армий, шедших с разных сторон, был назначен на 11 августа 1127 г. Полоцкие города сдавались один за другим; сын полоцкого князя Брячислав «быв бо посреде пути и остраився, не мога пойти ни семо ни онамо» и сдался вместе с войском. Тогда в Полоцке произошел переворот: «И тако полочане, сътснувшеси, выгнаша Давида и с сыньми и поемше Рогволода идоша к Мстиславу [великому князю киевскому], просяще ѿ [Рогволода—Бориса] собе князем и створи волю их Мстислав, и поимше Рогволода [Бориса] вешоша ѿ Полотъску»⁵⁴.

Князь Рогволод (крестное имя Борис) княжил очень недолго и умер в следующем году: «В лето 6636. Преставися князь полотъскый Борис». Вот с именем этого-то Бориса и должны быть связаны Борисовы камни близ Полоцка на Двине и на южных рубежах Полоцкой земли. Мы не знаем точной даты смерти Бориса; 6636 г. закончился в феврале 1129 г. Следовательно, максимальное время его княжения — август 1127—февраль 1129 г., а минимальное — август 1127—март 1128 гг. Так как кресты и надписи Бориса сделаны у самой столицы Полоцкого княжества и в дальних концах княжества, то можно думать, что они сделаны только после того как Борис стал князем в Полоцке, т. е. не ранее августа 1127 г.

По-разному решался вопрос о назначении камней с крупными торжественными надписями. Одни исследователи считали их пограничными знаками княжества, другие полагали, что заклинательные надписи должны были обезопасить судоходство на Двине и отвлечь беду от ладей, шедших по реке.

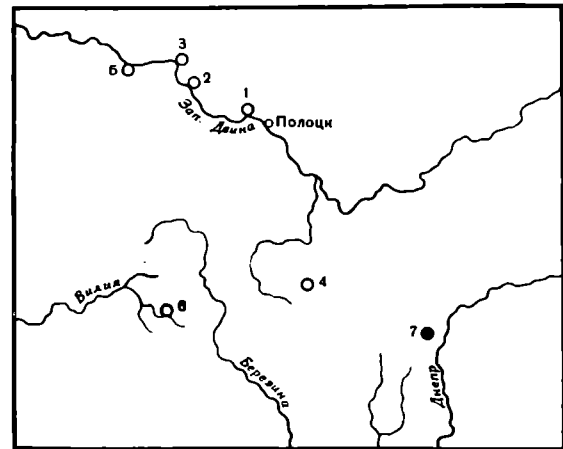

Схема расположения Борисовых камней:

- 1 — первый Борисов камень; 2 — второй Борисов камень;
3 — третий Борисов камень; 4 — четвертый Борисов камень;
5 — пятый Борисов камень; 6 — шестой Борисов камень;
7 — Рогволодов камень

⁵³ Из числа работ, не вошедших в библиографию А. С. Орлова, можно указать: В. П. Таранович. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР. — СА, вып. VIII, М., 1946, стр. 249—252. Карта, рис. 1, 3 и 4. На рис. 3, 4 камень ошибочно назван третьим.

⁵⁴ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 283—284. Хронология событий исправлена по данным Н. Г. Бережкова («Хронология русского летописания», М., 1963, стр. 134).

Оба предположения маловероятны, так как граница Полоцкого княжества не проходила посередине русла Западной Двины, и четыре камня из шести, таким образом, оказывались за пределами первой гипотезы. Вторая же гипотеза не может объяснить нахождения некоторых камней на суше, вдали от речных путей, и тоже должна быть оставлена. Однако факт высекания на камнях в разных концах Полоцкой земли за очень короткий срок нескольких крупных крестов и монументальных надписей заслуживает внимания.

Следует напомнить, что подобные заметные камни, начиная с глубокой неолитической древности, являлись нередко предметом особого почитания и поклонения. Известно много этнографических примеров принесения жертв у таких камней вплоть до XIX в.

Один из камней с именем сына князя Бориса (см. надпись 1171 г., № 29), оказывается, был дольменом, т. е. явно культовым объектом⁵⁵. Рассматриваемый сейчас камень, по сообщению А. Сапунова, носил в народе наименование Борис-Хлебник, а это означает, что с именем Бориса в этом случае ассоциировался древний аграрный праздник первых яровых всходов, к которому еще в XII в. приурочили день святых Бориса и Глеба (2 мая)⁵⁶.

Борисоглебский цикл аграрных обрядов хорошо известен во всех восточнославянских областях. Какие же причины могли побудить князя Бориса Всеславича за свое недолгое княжение покрыть столько камней заклинательными надписями?

Летопись дает нам ответ на этот вопрос. Оказывается, все месяцы княжения Бориса в Северо-Западной Руси свирепствовал страшный голод, начавшийся летом 1127 г., как раз тогда, когда в результате разных событий князь Борис заменил изгнанного Давыда.

Уже весна предвещала несчастье: снег лежал долго, до Яковлева дня (30 апреля), и половодье было большим, «а на осень уби мороз врьшь всю и озимице и бы голод и церес зиму — ржи осминка по полугривне». Полоцк и Новгород составляют одну климатическую зону; то, что происходило на Волхове, должно было происходить и на Западной Двине.

На следующий 1128 год бедствие приняло ужасающие размеры: «в се же лето люте бяше — осминка ржи по гривне бяше»; люди ели липовые листья, березовую кору, древесную труху, истолченную с половой и соломой, лишай, мох: «И тако другим падшим от глада, трушие по улицам и по торгу и по путям и всюду. . .». Были наняты рабочие, чтобы очистить Новгород от мертвых, но они не могли вынести смертного смрада. «Туга, беда на всех»: родители даром отдавали своих детей иноземным купцам в рабство, «чадо свое въсажаше в лодью даром гостем», лишь бы сохранить им жизнь — «ово их изомроша, а друзии разидошася по чужим землям. И тако по грехом нашим погыбе земля наша. В се же лето вода бяше велика в Волхове [потопи люди и жита] и хором много сноси. И князь Полотский умре Борис Всеславичъ и Завид посадник новгородский умре. . . Дьмитровиць. . .»⁵⁷.

Все надписи на Борисовых камнях сделаны в это страшное время. Имя Бориса, связанное с весенним

аграрным молением об урожае, должно было, по мнению полочан, искупить их грехи и обеспечить этот урожай.

Вполне возможно, что в княжение Всеслава, князя-волхва, особенно оживились языческие обычаи, и камень Хлебник и сотни других почитаемых камней были, по всей вероятности, объектами языческих молений.

Из «Слова о ведре и казнях божьих» XI в. мы знаем, что церковь считала каждый неурожай результатом гнева грозного и страшного бога, каравшего главным образом за приверженность старым языческим богам, старым народным обрядам. Места древнего культа нужно было освятить, поставив на них знаки отречения от язычества, знаки покорности христианскому богу. И это сделал князь Полоцкой земли, в которой, как и во всей Руси, вероятно, свирепствовал небывалый голод. На древних камнях появились огромные кресты и надписи, призывающие помощь бога его рабу Борису, испукавшему попустительство отца древнему волхованию. Моления у этих камней могли быть адресованы языческому Дажьбогу или новому богу — Саваофу, но сущность их оставалась одна и та же — это были моления о хлебе, оставившие нам память в названии некоторых камней.

Огромные кресты с «Голгофой» внизу ставились обычно на алтарях и на напрестольных платах-антиминсах. Изображение их на камнях как бы символизировало превращение языческих алтарей в христианские. Наиболее вероятно, что кресты и заклинательные надписи на камнях изготавливались в начале мая 1128 г., в дни борисоглебских аграрных празднеств.

Сын князя Бориса Роговод «доспел» аналогичный крест и надпись именно в начале мая (см. надпись № 29).

№ 21

1128 г.

Табл. XIV, рис. 3—4
О р л о в, № 69, стр. 54—56

Второй Борисов камень, около 11 м в окружности, расположен километрах в 40 от Полоцка. Надпись на нем сохранилась лучше всех других:

ни ка
гї позї рѣвѣ ско
емѣ борисоу

Надпись выбита очень четко и ясно. Писец применял I десятиричное там, где обычно писалось Н.

Датировка надписи обоснована при описании надписи № 20.

№ 22

1128 г.

Табл. XIV, рис. 5
О р л о в, № 70, стр. 56—58

Третий Борисов камень находится в русле Десны в 2 км от второго. Это валун около 17 м в окружности. Высота высеченного на нем креста — более 3 м.

Надпись сохранилась плохо:

гн по[м]о скок[м]ѣ
эн р[ѣвѣ] во[рис]ѣ

Дата надписи обоснована выше (см. № 20).

№ 23

14 июля
1133 г.

Табл. XIII, рис. 3
О р л о в, № 15, стр. 24—25

Надпись на стержневском каменном кресте, поставленном новгородским боярином Иваном Павловичем в вер-

⁵⁵ Л. В. Алексеев. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины. — «Труды Прибалтийской экспедиции», т. 1, М., 1959, стр. 300.

⁵⁶ Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли Полян. — СА, 1962, № 4, стр. 82.

⁵⁷ «Новгородская первая летопись», стр. 21, 22. В квадратных скобках — из Лаврентьевской летописи, стр. 284.

ловьях Волги, при впадении ее в озеро Стержь. Высота креста 167 см.

Надпись:

к [лѣт]о \overline{SXMI}
 л м(ѣ)с(а)ца и
 калл дѣ д(е)нь по
 уахъ рѣти рѣк
 ѣ сѣ азъ иванко
 паклокѣць
 і кр(е)сть сѣ и
 .остак[і]уъ

В транскрипции раскрыты лигатуры. Одна лигатура совершенно необычна, так как соединяет два разных слова, что может объясняться лишь стремлением к ровности всех строк — $\overline{рытирѣк}$ -ѣ. Здесь Н и Р связаны в одну лигатуру. Две лигатуры есть в слове иванко. Писец часто употребляет І десятиричное вместо Н. В отчестве «Павловиць» явно новгородское поканье.

Через год после установки креста, отмечавшего начало каких-то гидротехнических работ в истоках волжского речного пути, Иванко Павлович получил новгородское посадничество во время похода на Суздаль: «и на томъ же пути отяша посадничество у Петрила и даша Иванку Павловицю»⁵⁸.

Иванко Павлович погиб в битве при Ждане Горе в 1135 г. вместе со своим соперником Петрилой Микульчичем. То, что Иванко еще до посадничества занимался совершенствованием водных путей, может косвенно указывать на его место в новгородской администрации — он мог быть сотским одной из юго-западных сотен Новгородской земли.

№ 24

1139—1151 гг.
1139 г.?

Табл. XXIX, рис. 1—2
О р л о в., № 20, стр. 30—31

Серебряная задравная чара черниговского князя Владимира Давыдовича. Диаметр 32 см. Найдена была при раскопках татарской столицы Сарая Берке, куда попала, вероятно, после взятия татарами Чернигова в 1239 г. Круговая надпись резана по серебру двойным контуром; фон сплошь заштрихован граверным резцом. Рисунками процветшего креста надпись расчленена на четыре части:

л се Уара кня[жа] володимиро
 на дакыдок[н]уа кто из нее
 нь[е] тому на здоронье а хвала
 бога [и?] своего усподара келанкого кня[жа]

Надпись очень своеобразна и является первым по времени примером сознательного и последовательного применения вязи. Недостаток места заставляет мастера прибегать и к пропуску букв, и к малым буквам (вдвое меньше обычных), и к расположению букв одна под другой. Все эти особенности проявились во второй половине надписи. А. А. Мединцевой удалось установить следы первоначальной черновой разметки всей надписи (см. рисунок на стр. 29): мастер простым деловым почерком написал весь текст по горловине сосуда, а затем сразу стал резать буквы более крупного размера торжественным шрифтом. Ни ровностью, ни изяществом его буквы не отличаются, напоянная отчасти работу новгородца Косты, хотя они и

⁵⁸ «Новгородская первая летопись», стр. 23.

выполнены в иной манере. Черниговский мастер тоже работал торопливо.

Хронологически естественнее всего связывать изготовление задравной княжеской чары, из которой вкруговую пили на пирах здоровье господаря и всех его гостей, с моментом вокняжения Владимира Давыдовича в Чернигове, так как только после этого он мог именовать себя «великим князем».

Торопливость выполнения великокняжеского заказа и скромность оформления дворцовой чары, может быть, объясняются внезапностью вокняжения Владимира в Чернигове. До 1139 г. черниговским князем был Всеволод Ольгович, пытавшийся несколько раз овладеть Киевом. Для войн с киевским князем Ярополком ему нужна была поддержка «всей братьи», и в первую очередь родного брата Игоря Ольговича, княжившего, по всей вероятности, в Новгороде Северском. Поэтому в случае овладения Киевом он «Игореву обещал издавна дати под собою Чернигов» (Ипат. лет.). Когда же после смерти Ярополка Всеволод овладел Киевом (5 марта 1139 г.), то он, по своему обычаю, «свади братью» и нарушил обещание — черниговским князем совершенно неожиданно он поставил своего двоюродного брата Владимира Давыдовича. Немедленно после нового распределения столов начались усобные войны, и новому черниговскому князю было, очевидно, не до утвари. Наиболее вероятным временем изготовления задравной чары с надписью является март 1139 г.

Надпись на чаре очень важна для историков тем, что называет черниговского князя великим, опровергая тезис М. Д. Приселкова, что «до 1186 г. . . ни один еще русский князь не носил титула великого князя»⁵⁹.

№ 25

1 сентября
1148 г.

Табл. XLII
О р л о в., № 16, стр. 25—26

Антиминс, церковный напестольный плат из простого грубого холста с надписями по краям. Был обнаружен не на своем первоначальном месте (т. е. не в той церкви, которую освящали при помощи этого антиминса), а в Новгороде, в дворцовой церкви Николая на Ярославовом дворе. Плат квадратный; сторона его равна «локтю» в 37 см. В центре нарисован большой крест.

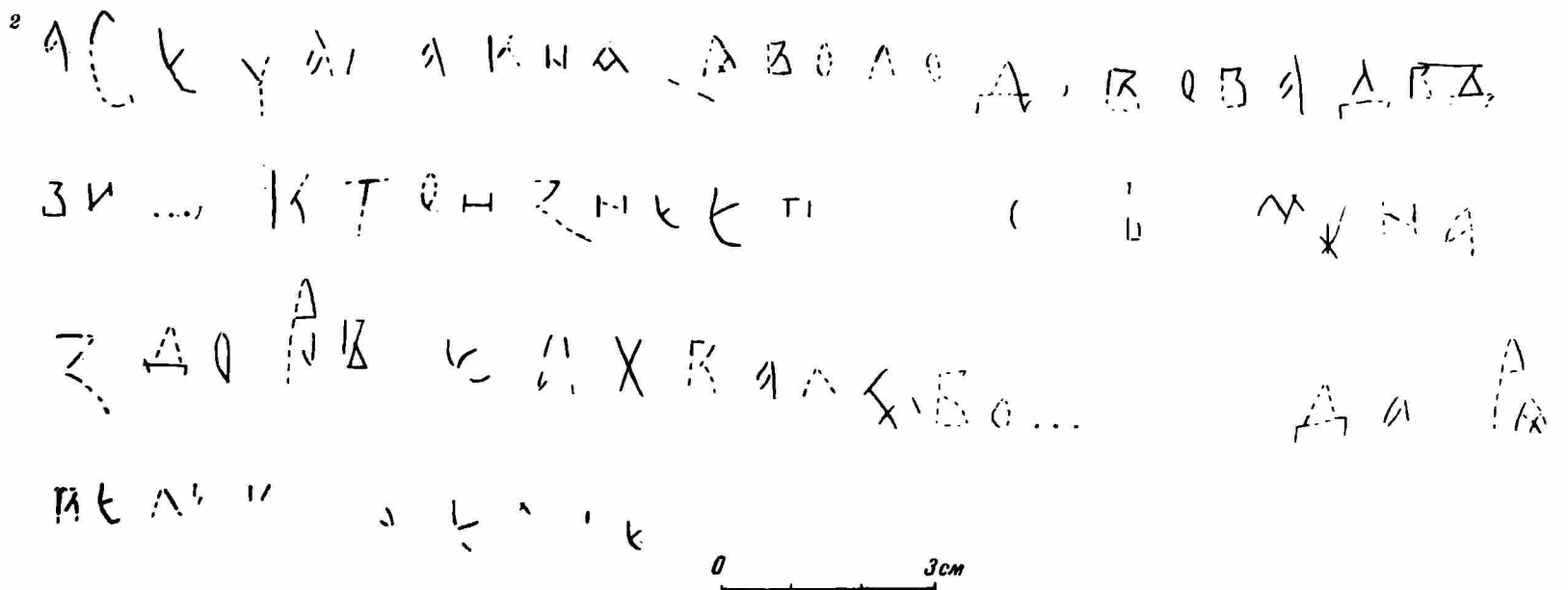
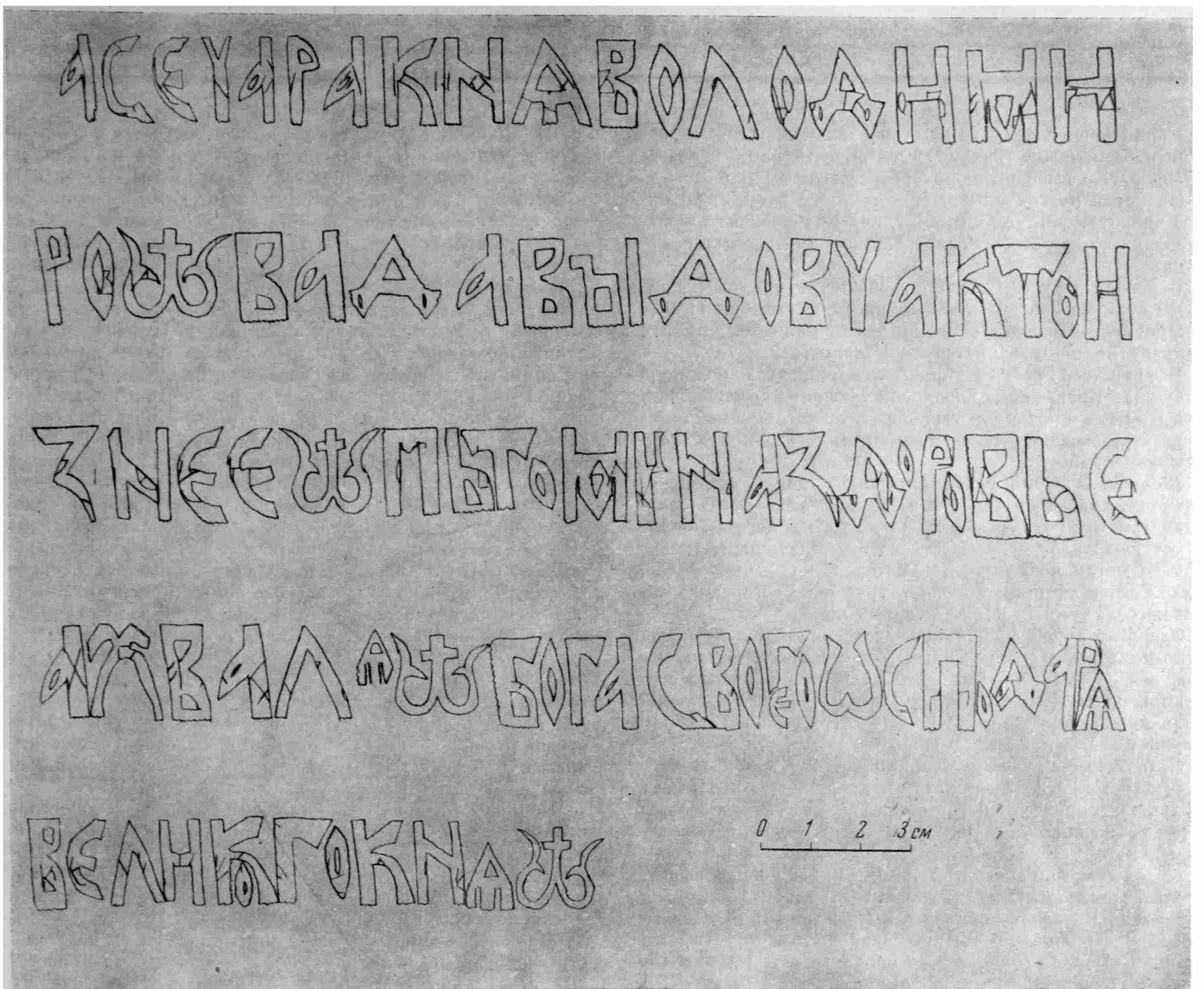
Надпись читается почти полностью, но дата уже к 1913 г. стерлась. Ниже в тексте надписи вставлена в квадратных скобках та дата, которую зафиксировали первые исследователи, видевшие плат в 1858—1866 гг.

И. И. Срезневский дал на своем рисунке дату с пропуском цифры десятков — 66?7, но так как указан 12 й индикт, то дата определяется бесспорно: это или 6657 г. или 6687 г. Сочетание имен Юрия Долгорукого, Нифонта и Нестора заставляют признать первую дату и отбросить вторую⁶⁰.

жертвникъ с(к)а(о)го м(ѣ)с(а)ца
 георгия ск(а)п(е)нъ ѿт нифонта
 архиепископа новгородскаго
 пожеланнѣмъ епископа ростонъ
 скъго не(сто)ра при в(ла)гоу
 стивѣмъ князи георгии с(ы)ноу
 мономахоу м(ѣ)с(а)ца
 септѣбра в.д. къ лѣт(о) [с̄ х̄ н̄ з̄]
 инд(н)кта в̄ і

⁵⁹ М. Д. Приселков. История русского летописания. Л., 1940, стр. 81.

⁶⁰ См. Ф. Морозов. Антиминс 1149 г. — ЗОРСА, т. XI, Пг., 1915, стр. 204—205. Автор ошибочно переводит дату.

Прорись надписей на чаре Владимира Давыдовича (1) и реконструкция второй, процарапанной надписи (2)
(рисунок с натуры А. А. Мединцевой)

Надпись по своему характеру очень близка к рукописным, книжным. Только дуги над титлами сделаны угловато, что вызвано шероховатостью материала.

Несмотря на исчерпывающую полноту даты, содержащую число, месяц, год и индикт, она не может быть переведена на наше летоисчисление без дополнительных разъяснений.

Переводя дату — 1 сентября 6657 г. — обычным, принятым на Руси способом, мы получаем 1 сентября 1149 г.

При сопоставлении с летописными данными принять эту дату не представляется возможным.

В августе 1149 г. Юрий Долгорукий вел большую битву за Киев, а архиепископ Нифонт, выступавший в свое время против поставления русского митрополита Климента, был арестован Климентом и сидел в Печерском монастыре.

23 августа Юрий разбил киевского князя под Переяславом, дня через два был в Киеве и лишь тогда освободил своего друга Нифонта из монастырского заточения. За оставшиеся 5—6 дней августа ни князь, ни архиепископ не могли доскакать до Ростово-Суздальской земли, чтобы там, в епархии епископа Нестора Ростовского заняться освящением новой церкви.

Следовательно, мы должны пересчитывать 6657 год не по мартовскому, а по сентябрьскому счету, принятому тогда в Византии, т. е. вычитать не 5508, а 5509. Это особенно вероятно еще и потому, что Нифонт был греком и для него сентябрьский счет был естественен. Тогда мы получаем 1 сентября 1148 г.

Летописные сведения подкрепляют эту дату: «В лето 6656 [1148] . . . В то же лето ходи архиепископ Нифонт к Суздалью мира деля к Юргеви; и прият и с любовью Гюрги и церковь освати Богородицю великим священием. . .»⁶¹

Приехав к Юрию Долгорукому, архиепископ Нифонт, помимо своих прямых дипломатических дел, занимался и освящением новых церквей в княжестве Юрия. Неясен вопрос о том, какую именно церковь святил Нифонт. Летопись говорит о церкви Богородицы, что не подходит к рассматриваемому нами антиминсу.

Н. Н. Воронин считает, что в летописи речь идет об Успенском соборе в Суздале, построенном Мономахом около 1102 г. и отремонтированном при Юрии в 1147 г., что и вызвало новое освящение в 1148 г.⁶² Относительно антиминса 1148 г. Н. Н. Воронин высказал такое предположение: «Вероятно, что в северном притворе собора [Спасского в Суздале] был издавна придел, предполагавшийся при Нифонте к посвящению в честь патрона Долгорукого — Георгия, но он был посвящен Спасу; изменение посвящения и повело к тому, что антиминс вместе с Нифонтом вернулся в Новгород»⁶³.

Предположение несостоятельно по трем причинам: во-первых, в соборе Спаса не может быть придел Спаса, так как ему посвящен главный алтарь. Во-вторых, Н. Н. Воронин ошибочно считает, что слово «жертвенник» на антиминсе означает освящение бокового, подсобного помещения. Жертвенник — это и есть алтарь вообще, престол, независимо от того, находился ли он в средней апсиде или в той боковой апсиде, которая тоже носила название жертвенника, что и смутило, очевидно,

Н. Н. Воронина⁶⁴. Третьим пунктом является предположение, что наименование придела будто бы на ходу изменено и Нифонт увез антиминс обратно в Новгород, где и поместил его в придворной церкви. Если антиминс не был освящен или, точнее, если при его помощи не была освящена церковь, то он оставался в глазах церковников всего-навсего куском холста и не мог быть помещен в церкви.

Точная дата на антиминсе (совпадающая с летописными данными о действительном пребывании Нифонта в Суздальщине) может дать нам указание на точное время постройки одного из храмов Георгия во Владимир-Суздальской Руси. Таких храмов два: церковь Георгия во Владимире и Георгиевский собор в Юрьеве Польском. Относительно их датировки нет полной ясности. Н. Н. Воронин относит первую к 1157 г., а второй — к 1152 г., опираясь в обоих случаях на поздние летописи. Рассмотрим летописную статью 1152 г. в редакции 1408 г.: «Юрьи Володимеричь в Суздальской земли многи церкви създа: на Нерли святую мученику Бориса и Глеба, а в Суздале постави святого Спаса, а в Володимире святого Георгия и град Юрьев заложил и церковь святого Георгия камену и Переяславль переведе от Клешина и заложил велик и церковь постави святого Спаса в Переяславле»⁶⁵.

Здесь перед нами обычное перечисление всего, что сделал князь достойного к определенному сроку, а не точная дата всех построек 1152 г. В лучшем случае этот год можно принять как *terminus ante quem*. Обе интересующие нас церкви Георгия в этот перечень включены, но для каждой из них существует в других источниках и более детальный расчет времени постройки.

Церковь Георгия на княжьем дворе во Владимире поставлена «за 30 лет до Богородичина ставления», т. е. Успенского собора Андрея, построенного в 1160 г. Получаем дату — 1130 г.⁶⁶ Очень вероятно, что Юрий начал свое строительство с дворцовой патрональной церкви в своем новом городе Владимире.

Другой летописный памятник определяет дату постройки так: «по неколикох летех приде [в Суздальщину] сын его Юрьи Долгоруки. . . и постави церковь святого Юрья каменую и поеха в Киев»⁶⁷.

Действительно, первое появление Юрия на киевском юге относится ко времени, очень близкому к постройке Георгиевской церкви — в 1132 г., когда умер его брат Мстислав, Юрий впервые стал «долгоруки» и потянулся к Переяславлю Русскому, прокняжив там всего восемь дней.

Дата 1157 (6665) г. неизвестно откуда взята в поздней летописи Авраамки и маловероятна, так как Юрий умер в начале 6665 мартовского года, а последние три года жизни безотлучно провел на юге Руси. Как бы то ни было, но к церкви Георгия во Владимире антиминс Нифонта 1148 г. не имеет никакого отношения. Остается Георгиевский собор в Юрьеве Польском, разобранный при князе Святославе Всеволодиче в 1230 г., после сильного землетрясения 3 мая: «Того же лета Святослав князь в Юрьеве руши церковь святого Юрья каменую. Также же обвет-

⁶⁴ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958, стр. 889; Е. Голубинский. Указ. соч., т. I, вторая половина, стр. 198.

⁶⁵ «Новгородская четвертая летопись». — ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 8. После перечисления построек добавлено: «скончался великий круг миротворенный». Тринадцатый великий индиктион (цикл в 532 года) закончился в 1408 г.

⁶⁶ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 91. Автор не согласен с этой датой.

⁶⁷ ПСРЛ, т. XVII, стр. 1.

⁶¹ «Новгородская первая летопись», стр. 214.

⁶² Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. I. М., 1961, стр. 66.

⁶³ Там же, соч., стр. 64.

Сюан новгородского Софийского собора

шала и поламалася; юже бе создал дед его Юрги Володимеричь и святил великим священъем». Последние слова напоминают нам летописные сведения о поездке Нифонта в Суздальскую землю в 1148 г., когда он тоже святил церковь «великим священъем» (архиепископ и епископ).

В Тверской летописи дата постройки первого Георгиевского собора определяется отсчетом лет от ее окончательного уничтожения: «стояла та церковь 90 лет без лета»⁶⁸.

⁶⁸ Н. Н. Воронин. Указ. соч., т. II, стр. 61. ПСГЛ, т. XV, стр. 355.

Концом функционирования старой церкви можно считать освящение новой одноименной церкви, что произошло в 1234 г. Отсчитывая 89 лет, мы получаем 1145 год. Этот год следует считать годом закладки первоначального Георгиевского собора в Юрьеве Польском.

Достроен же и освящен «великим священъем» двух архиереев он был 1 сентября 1148 г., когда архиепископ Нифонт гостил в Суздальской земле у «благочестивого князя Георгия, сына Мономахова».

Антимис 1148 г. является наиболее надежным источником, определяющим дату окончания постройки какой-то Георгиевской церкви в Ростово-Суздальской земле един-

ственной церковью, где мог быть этот антиминс, оказывается Георгиевский собор в Юрьеве Полском. В список же построек под 1152 г. он попал лишь потому, что к моменту этой регистрации он уже был построен⁶⁹.

* *
*

К эпохе архиепископа Нифонта относится замечательный сион новгородского Софийского собора (Орлов, № 10). На его двенадцати створках изображены апостолы; около них — выпуклые чеканные колончатые надписи.

В. Л. Янин очень остроумно доказал связь сиона с Нифонтом (1130—1156 гг.)⁷⁰.

№ 26

Около 1152 г.

Табл. XXX, рис. 1—8
Орлов, № 43, стр. 41

Серебряный потир из Преображенского собора в Переяславле Залеском. Красивое изделие XII в. с шестью гравированными медальонами. В медальонах — деисус: Иисус Христос, богородица, Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил и особо, вне симметричного деисусного чина, — святой Георгий, патрон Юрия Долгорукого.

Местное предание считает этот потир вкладом Юрия в переяславский собор, построенный в 1152 г.

Евхаристическая надпись (см. № 16 и 17) стандартна по содержанию. Крупные буквы удлиненных пропорций (около двух квадратов) сделаны четко и чисто. Особенности следующие: буквы а, л, ы и ѡ имеют глаголеобразное покрытие, отходящее влево от верха буквы. Буква и с фигурной изогнутой переключной; у буквы Н иногда переключная переклнута; у буквы Г есть отчерк горизонтальной черты влево, за мачту, что делает ее похожей на букву Т. Омега с низкой узорчатой серединой. Петли букв Р, В, Ъ, вырезаны в виде правильных секторов. Буквы ђ и з полностью уместены в строке.

Эпиграфические данные подтверждают предание и позволяют считать это великолепное русское изделие действительно даром князя Юрия, патрон которого помещен в дополнение к деисусному чину.

№ 27

1161 г.

Табл. XXXII, рис. 1—4;
Орлов, № 18, стр. 28—29

Богато украшенный напрестольный крест работы мастера Лазаря Богши, пожертвованный княжной Евфросиньей Георгиевной Полоцкой в Спасский женский монастырь в Полоцке.

Этому кресту посвящена большая специальная работа Л. В. Алексеева с исчерпывающей библиографией⁷¹.

Надписи сделаны на всех боковых гранях и на лицевой стороне. Надписи, резанные вглубь по серебру, представляют собой среднее между обычными надписями на пергамене и берестяными грамотами.

⁶⁹ В Новгороде антиминс мог оказаться лишь после 1234 г., когда был освящен новый собор. Его мог, например, привезти с собой в Новгород Александр Невский, начавший княжить там в 1236 г. («Новгородская первая летопись», стр. 285).

⁷⁰ В. Л. Янин. Из истории русской художественной и политической жизни XII в. — СА, 1957, № 1, стр. 113—131.

⁷¹ Л. В. Алексеев. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. — СА, 1957, № 3, стр. 224—244.

Подпись мастера Лазаря Богши на кресте Евфросиньи Полоцкой (увеличено в 3 раза)

† въ лѣт(о) .5. н .χ.Ѡ.Ѡ покладакъ ѡфросинья усть
нын кр(е)стъ . въ монастыри своемъ . въ цркви . с(ка)-
Т(о)го
сп(а)са . устьнок дрѣво бесцѣнно ксть . а кованък вго
злото . н серебро . н камѣнье . н жнньюгъ . въ . р . грне
нъ . а л Ѡ . грнегъ . да нѣ изнесѣт
вса из монастыра . нкогдаже еко ни продат
н . ни ѡдаті аще се кто прѣслоушакъ . изнесѣтъ
н Ѡ монастыра да не боудн кмоу помощникъ
устьнын кр(е)стъ ни въ съ вѣкъ ни [в]ъ . б . оуд[оу]
цинн . н да боудт проклатъ с(ка)тоу жнкоткора
щю трощю . н с(ка)тымн ѡтцн . т . н . н семню
съборъ с(ка)тыхъ отць . н боудн кмоу [оу]уастъ съ
нюдоу . нже прѣда х(рн)с(т)а . кто же дръзнеть сътко-
рнтн

№ 30

1192 г.?

Табл. XXIV, рис. 3

Надпись на амфоре-корчаге из Пинска⁷⁴:

[а]рополче вино

Надпись процарапана после обжига. Недостающая начальная буква восстанавливается бесспорно.

Фрагмент корчаги был найден при раскопках в Пинске на территории княжеского дворца XI—XII вв. Т. В. Равдина связывает эту надпись с князем Ярополком Изяславичем (убит в 1086 г.), владевшим Владимиром Волынским и временно Туровом; предполагается, что и Пинск мог входить в его княжество. Однако был еще один князь Ярополк, непосредственно связанный с Пинском, но живший на сто лет позже. Уточнение даты позволит решить возникшую дилемму.

Эпиграфическая дата надписи очень широка (XI—XII вв.) и не может служить основанием для проверки.

Археологическая датировка тоже расплывчата, но некоторые основания все же дает. Культурный слой Пинска делится на шестнадцать горизонтальных пластов: надпись найдена в десятом. Заметный по вещевым находкам рубеж домонгольской эпохи и эпохи татарского ига должен проходить где-то на уровне восьмого-девятого пластов, т. е. выше интересующей нас находки⁷⁵.

В одном горизонте с надписью обнаружено большое количество фигурной майолики для своеобразной керамической мозаики, характерной для конца XII в. (во Владимире 1185—1189 гг., в Суздале — 1194 г.). Тем самым время фрагмента с надписью определяется как конец XII в. Именно в это время и упоминается пинский князь Ярополк Георгиевич, справлявший свою свадьбу в Пинске в 1192 г.⁷⁶ Не ему ли и принадлежало «Ярополче вино», налитое в корчагу?⁷⁷

№ 31

1192 г.

Табл. XXIV, рис. 1—2

Большая надпись-граффито, составленная как бы из одних фигурных инициалов с плетением и личинами. Обнаружена в алтарной части Софийского собора в Киеве (в диаконнике)⁷⁸. От надписи уцелело менее половины;

⁷⁴ Т. В. Равдина. Надпись на корчаге из Пинска. — КСИМК, вып. 70, 1957, стр. 150—153; Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика XI—XIV вв., стр. 47—48.

⁷⁵ Т. В. Равдина проводит этот рубеж между шестым и пятым пластами (см. стр. 101 указ. соч.), но приведенная ею стратиграфическая таблица должна быть истолкована по-другому: шиферные пряслица, как показывает новгородская стратиграфия, продолжают бытовать после монгольского нашествия еще многие десятилетия, а корчаги киевского типа обрываются более резко на середине XIII в. По отношению к Пинску Т. В. Равдина провела рубеж ровно по горизонту последних находок пряслиц в шестом пласте, и он оказался оторванным от верхних, последних по времени находок корчаг восьмого пласта. Наиболее вероятным рубежом, отвечающим времени Батая, является девятый пласт. Этому соответствуют и вещевые находки.

⁷⁶ ПСРЛ, т. II, стр. 141.

⁷⁷ Исторические соображения не позволяют признать хозяином вина Ярополка Изяславича, стольным городом которого был Владимир Волынский; лишь недолго в его владении был Туров, отошедший к его брату. При перечислении «всей его жизни», т. е. его домена, упоминаются земли на Волыни и под Киевом, очень далекие от пинского Полесья (ПСРЛ, т. II, стр. 82).

⁷⁸ Б. А. Рыбаков. Именні написи XII ст. в Київському Софійському соборі, стр. 56—61.

об этом можно судить по местоположению изображенного епископа без нимба, нарисованного над надписью.

[гн] помози март...

Несмотря на фрагментарность надписи, есть ряд данных, позволяющих датировать ее с точностью до года:

1. Надпись содержит обычную формулу: «Господи, помози». Март... — начало какого-то имени (Мартин, Мартемьян, Мартирий);

2. Надпись есть погрудное изображение бородастого мужчины без нимба, но в епископском полиставрии, что определяет заказчика надписи как епископа;

3. Надпись вся выполнена великолепными заглавными буквами тератологического стиля XII—XIII вв.;

4. Просматривая все материалы о русских епископах XII—XIII вв., которые могли бы иметь отношение к торжественной записи в Софии Киевской, мы находим только одно имя — Мартирия Новгородского, ставленника боярской партии, приглашенного в Киев митрополитом «с великою честью» в 1192 г. и помещавшего впоследствии на своих печатях киевскую оранту.

Возможно, что одним из элементов «великой чести» было изготовление огромной полутораметровой надписи из инициалов в ризнице Софийского собора в честь новопоставленного архиепископа.

Надпись выполнена Яковом чернецом, подпись которого расположена рядом.

№ 32

Около 1194 г.?

Табл. XV, рис. 5

Надпись на белокаменной плите из кладки Рождественского собора в Суздале 1222—1225 гг.⁷⁹

Надпись представляет собою незначительную часть «похвалы кресту» (см. № 28). Уцелевшие слова:

кр(ес)тк
храньникъ
ксен кселе[ннос]

[церкови]ое шкрасе[н]ик кр(е)стк...

Здесь дважды применены лигатуры. Мастер пропустил букву и в слове «украшение». Надпись сделана хорошим резчиком, добивавшимся равномерного утолщения букв, как бы подражая нажиму пера. По пропорциям и четкости букв надпись близка к потиру Юрия Долгорукого (см. № 26).

Н. Н. Воронин считает, что надпись относится ко времени ремонта Суздальского собора епископом Иоанном при Всеволоде Юрьевиче (1194 г.).

№ 33

До 1177 г.?
До 1216 г.?Табл. XXXIII, рис. 1—2
О р л о в, № 81, стр. 65—66

Шлем Феодора, найденный на месте Липицких битв близ Юрьева Польского. Верх шипака украшен четырьмя чеканными из серебра изображениями святых с подписями: IC XC, Георгий, Василий и Федор. На серебряной прилбнице — «челе» изображен архангел Михаил и вокруг него сделана черневая надпись «торжественным» шрифтом:

⁷⁹ Н. Н. Воронин. Новые памятники русской эпиграфики XII в. — СА, т. VI, М.—Л., 1940, стр. 311—313.

кѣлнѣн архистратиге г(оспoде)и[ъ?] |
 мнѣхлане помози рабѣ своемѣ ѿбѣи |
 дорѣ

Надписи на шишаке и челе сделаны разными руками: на шишаке омега низкая, широкая, а на челе — с высокой серединой. Сильно различаются начертания букв Р, О, В, Х и стиль самих чеканных изображений. Так, например, одежда несравненно лучше моделирована у архангела, чем в поясных фигурах наверху; все нимбы верхнего ряда украшены завитками, а у Михаила нет этих завитков; совершенно по-разному изображены волосы. Чеканщик верхнего ряда плохо справлялся с изображением рук, а руки Михаила сделаны хорошо. В то же время в верхней и нижней чеканке есть объединяющая черта — рубленый рельефный ободок, создающий единство окаймляемых им изображений.

Эпиграфически все части серебряного убранства шлема наиболее близки к нашей третьей хронологической группе (1133—1194 гг.), хотя содержат и ряд черт четвертой группы (1211—1240 гг.).

А. Н. Оленин еще в 1832 г. связал шлем с князем Ярославом—Федором Всеволодичем, бежавшим с Липицкой битвы 1216 г. в одной «первой сорочице», без доспеха. А. В. Арциховский обратил внимание не только на надпись на прилбице, но и на подбор святых на шишаке (Георгий, Василий и Федор), считая их патронами самого Ярослава—Федора и его братьев. В. Л. Янин убедительно опроверг это мнение и высказал верную мысль о том, что первоначальным владельцем шлема был какой-то князь XII в., а Ярослав—Федор был его последним владельцем⁸⁰. Определяя владельца шлема, а тем самым и время его изготовления, мы должны учитывать, что было две Липицких битвы: первая 27 июня 1177 г. и вторая — в 1216 г.

Во второй битве участвовал князь Ярослав Всеволодич, носивший крестное имя Федора, что и давало основание связывать с ним шлем с именем Федора на челе. Предположение В. Л. Янина, что первоначальным владельцем и заказчиком шлема был сын Юрия Долгорукого Мстислав (упоминается с 1149 по 1162 гг.) несостоятельно, а допущение, что последним владельцем, потерявшим шлем на поле битвы в 1211 г. был Ярослав—Федор при таком построении маловероятно: В. Л. Янин считает, что Ярослав—Федор выбрал доспех дяди из семейного арсенала ввиду совпадения крестных имен. Но, во-первых, мы не знаем крестного имени Мстислава Юрьевича, а, во-вторых, племяннику трудно было рыться в арсенале своего дяди, так как дядя (Мстислав Юрьевич) в 1162 г. уехал в Византию, где, по-видимому, и умер.

Шлем Федора мог быть оставлен на поле Липицкой битвы не в 1216 г., а в 1177 г., когда там был побежден князь Мстислав Ростиславич Безокий. Его крестного имени мы не знаем так же, как и имени Мстислава Юрьевича, но в Радзивилловской летописи победа над Мстиславом Безоком символически изображена при посредстве стяга, поднятого победителями (см. рисунок). На стяге монограмма

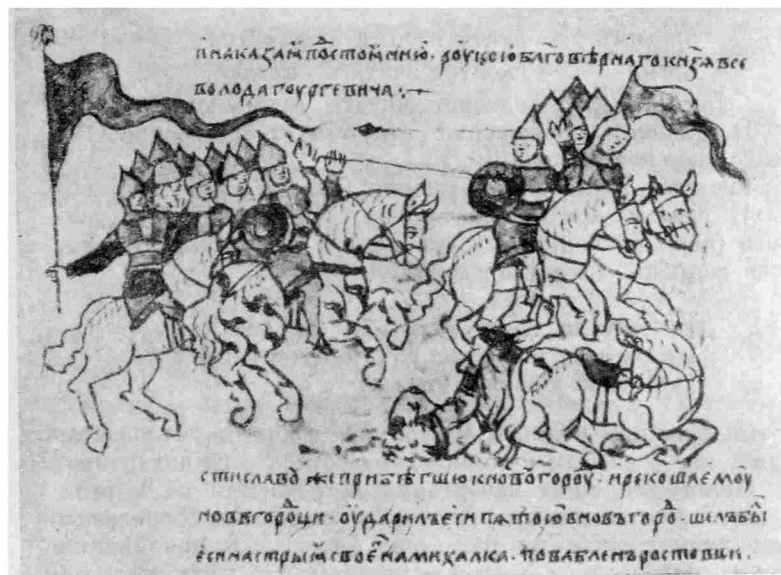
Гнездо носил имя Дмитрия; день битвы был днем Симеона, как отмечает летописец. Имя Федора может быть связано

⁸⁰ В. Л. Янин. О первоначальной принадлежности шлема Ярослава Всеволодича. — СА, 1958, № 3, стр. 54—60. См. разб. Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика. . . , стр. 45—47.

только с побежденным Мстиславом, внуком Юрия Долгорукого (упоминается с 1160 г., умер в 1178 г.).

Три верхних изображения на шлеме вполне объяснимы, так как это патроны семейства: Федор — патрон самого владельца, Георгий — деда (Юрия Долгорукого), Василий — прадеда, родоначальника Мономашичей — Владимира Мономаха.

Минусом этой гипотезы является то, что мы не знаем крестного имени отца Мстислава—Федора, князя Ростислава Юрьевича. Если он носил имя Михаила (как Ростислав Смоленский) или Василия, то подбор патрональных святых подтверждал бы эту гипотезу.

Миниатюра Радзивилловской летописи. Липицкая битва 1177 г.

Если отца князя звали Ростиславом—Михаилом, то приведенная выше схема патрональных святых остается в силе, а вынесение архангела Михаила, патрона отца князя, на чело объясняется тем, что Михаил — «великий архистратиг», «небесных сил воевода», т. е. прежде всего патрон всех полководцев.

Если же отец князя именовался Василием, то подбор патронов приобретает большую стройность: на челе — патрон полководцев (не связанный с чьим-либо именем), а наверху — патроны самого князя, его отца и деда.

При дальнейшей разработке этих вопросов следует остановиться и на этой гипотезе, но при современном состоянии наших знаний трудно решить, в какой именно Липицкой битве был брошен шлем Федора — в 1177 г. предполагаемым Федором—Мстиславом Ростиславичем или в 1216 г. достоверным Федором—Ярославом Всеволодичем.

№ 34

Около 1218 г.?

Табл. XXI, рис. 2—3

Надпись-граффито, обнаруженная при раскопках развалин храма XII в. в Смоленске⁸¹.

Надпись трехстрочная и дошла до нас почти целиком. Сохранилось начало первых двух строк и, по всей вероятности, конец третьей.

⁸¹ Н. Н. Воронин. Смоленские граффити. — СА, 1964, № 2; Б. А. Рыбаков. Смоленская надпись XIII в. о «врагах игумнах». — СА, 1964, № 2.

Первая строка оборвана на полуслове: «даж. . .», очевидно было написано — «даждь». Вторая строка: «истратит»; нужно — «истратити». В начале последней строки должен был стоять предлог «до».

Графика надписи своеобразна: автор применяет перевернутое У, перевернутое Ц и пишет букву К с хвостиками в левую сторону, что делает ее похожей на В.

Особенностью надписи является постоянное применение Ъ и Ь для изображения глухих:

помъзи — вместо «помози»,
великъму — вместо «великому»,
нь — вместо «не».

В трех случаях для обозначения глухих автор воспользовался титлами:

врагомъ — следует читать върагомъ,
кънѣца — следует читать кънѣца,
игумьмъ — следует читать игумьмъ.

В надписи совершенно отсутствует написание ОУ, везде замененное одним У.

Раскрыв титла и сокращения (дано в круглых скобках), сделав предположительные дополнения утраченного (дано в квадратных скобках) и разделив на слова, всю надпись можно представить так:

гн помъзи дому келнкъму нь даж[дъ]
в(ъ)рагомъ игумьн(ъ)мъ истратит[и кто?]
[до] кън(ъ)ца ни канмате

Содержание надписи настолько необычно, что заставляет нас с особым вниманием отнестись к ее датировке.

Некоторые виды начертаний встречаются во многих наших хронологических группах и тем самым бесполезны для хронологических расчетов; другие же появляются только на короткий срок и становятся для нас хорошими ориентирами.

Отобразив в интересующей нас надписи буквы, наиболее подверженные хронологическим изменениям, и сопоставив их с нашими хронологическими графиками, мы получим следующее распределение аналогий (см. в «Приложениях» хронологический график и статистическую таблицу для надписи о «врагах игуменах»). Наибольшее количество аналогий падает на четвертую группу, т. е. на первую половину XIII в. Есть отдельные черты, характерные (по известным нам пока материалам) для третьей четверти XIII в. (буквы Ж, К и У). Ни одной черты XIV в. здесь нет, хотя в надписях середины и второй половины XIII в. они обычно уже бывают заметны. Обилие аналогий с надписями второй группы, т. е. XI—XII в., нас не должно смущать, так как в трех случаях из четырех эти же самые начертания букв доживают до четвертой группы. Это относится и ко всем трем аналогиям с начертаниями третьей группы.

Таким образом, эпиграфически смоленскую надпись следует датировать временем, близким к надписям четвертой группы (1211—1240 гг.).

Сопоставление с рукописными книгами дает нам наиболее полную аналогию в почерке евангелия 1215 г.⁸²

Обращение к новгородской бересте дает нам ту же дату — начало XIII в. Некоторые элементы, свойственные смоленской надписи, появляются в грамотах, связываемых с ярусом № 17 (1177—1197 гг.), но наиболее полные аналогии дает ярус № 16 (1197—1224 гг.). Особенно близка к этой надписи грамота № 108: здесь есть

⁸² Я. И. Трусевич. «Изборник 1905 г.», вып. I, 140 азбук и образцов рукописей X—XIV вв., л. V.

и перекрещенное У, и К с загнутыми влево хвостиками, и В, чрезвычайно близкое к начертанию смоленской надписи⁸³.

Таким образом, три категории наших источников дают сходную дату смоленской надписи:

эпиграфика — 1211—1240 гг.

палеография — около 1215 г.

берестяные грамоты — 1197—1224 гг.

Вернемся к содержанию надписи. Когда речь идет о смоленской жизни в начале XIII в., то слова «враги игумены» сразу же воскрешают в памяти яркие и полные драматизма события, изложенные в житии Авраамия Смоленского, которые происходили между 1213 и 1225 гг. Тогда проповеди Авраамия вооружили против него духовенство, организовавшее в Смоленске судилище: «Игуменом же и ереом, аще бы мощно — жива его пожрети»⁸⁴.

Авраамий Смоленский обращался с проповедью к разным социальным слоям, в том числе и к «малым» людям, к рабам и рукодельным. Для проповедей он привлекал, кроме канонической литературы, и апокрифические «глубинные книги» и сборники вроде «Златой чепи», содержавшие ряд обличений духовенства как «волков» и «лихих пастухов». Исследователи считают, что «Златая чепь» возникла не без связи с западноевропейскими еретиками вальденсами⁸⁵.

Проповедь Авраамия привлекла к нему широкие массы городского населения: «уже весь град к собе обратил есть!», упрекали его церковники.

Опасного проповедника то выгоняли из монастыря, то запрещали проповедь в Смоленске, а в конце концов над ним был устроен суд на епископском дворе. На первом месте в перечне судящих всегда стоят игумены. Они предлагали различные варианты смертной казни:

«Инии глаголють: «Заточити!»

А инии: «К стене ту пригвоздити и зажещи!»

А друзии: «Потопити!»⁸⁶.

За еретика вступились князь и бояре, «игуменом же и ереом, аще бы мощно — жива его пожрети».

По упоминанию исторических лиц в житии Авраамия это судилище можно отнести к 1213—1225 гг.

Уточнению датировки может содействовать указание автора жития на то, что в момент суда начиналась, а после суда особенно усилилась необычайная засуха.

Данные дендрохронологических анализов определяют время сильной общеевропейской засухи в 1217—1222 гг. По новгородским материалам, наиболее близким к Смоленску, время наибольшей засухи можно отнести к 1218—1220 гг.

Надпись-граффито, датируемая эпиграфически временем около 1211—1224 гг. (самая широкая дата 1197—1240 гг.) очень близка по времени к событиям, происходившим в 1213—1225 гг. или более узко — около 1218 г. «Враги игумены» этой надписи подробно описаны в житии Авраамия Смоленского.

Надписи, подобные разбираемой, делались, несомненно, сторонниками Авраамия, боявшимися, что враги игумены могут «до конца истратити» их.

⁸³ А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953—1954 гг. М., 1958, стр. 37—38.

⁸⁴ С. П. Розанов. Жития преподобного Авраамия Смоленского. СПб., 1912, стр. 10.

⁸⁵ Н. П. Попов. Памятники литературы стригольников. — «Исторические записки», т. VII, М., 1940, стр. 34—58.

⁸⁶ С. П. Розанов. Указ. соч., стр. 10.

№ 35

1211—1228 гг.
1211 г.?Табл. XXXI—XXXII, рис. 5—6
О р л о в, № 80, стр. 64—65

Крест воздвизальный новгородского архиепископа и писателя Антония (Добрыни Ядрейковича). Крест богато украшен чеканными изображениями, растительным орнаментом, напоминающим орнамент на шлеме Федора, и вставками византийской перегородчатой эмали. В его центральной части находился крестик «с частицами животворящего древа», т. е. с кусками дерева, считавшегося частью того креста, на котором был распят Христос. На боковых гранях по серебру вычеканена двойным контуром надпись, частично разрушенная:

господи помози рабу скоумъ антонъ архї
[епископ]ъ новгородскѣмъ дакъюмъ крѣ.....п
крѣсть [с(ка)тон со]ѣни:

Особенностями надписи являются буквы Н с маленьким отрогом, идущим вниз от середины перекладины. Буква а имеет покрытие, идущее влево (как на потире Юрия). Буква ъ дана с опущенными вниз концами. После слова «давшему» идут неясные буквы. Возможно, что здесь было написано слово «крест», но оно повторено на другой грани очень четко и ясно.

Антоний стал архиепископом в 1211 г., после того как новгородцы прогнали архиепископа Митрофана. «Тѣгда же бяше пришъл, преже изгнания Митрофана архиепископа, Добрына Ядрейковиць из Цесаряграда и привезе с собою гроб господень». Князь Мстислав и « вси новгородьци » поставили Добрыню архиепископом под именем Антония.

В 1219 г., воспользовавшись временным отъездом владыки, «новгородьци же въведоша архиепископа Митрофана в двор опять на стол, а к Онтонию послаша: „пойди, где ты любо!“».

В конце концов оба архиепископа отправились в Киев, и Митрофан вернулся в Новгород, а Добрыне—Антонию пришлось принять новую епархию в Перемышле.

В 1223 г. Митрофан умер и был «введен во двор» Арсений. В 1225 г. «приде архиепископ Антонии ис Перемышля в Новгород и седе на своемъ столе и ради быша новгородьци своему владыце»⁸⁷.

Каким образом Арсений был оттеснен с владычного стола, летопись не сообщает. В 1228 г. Антоний будто бы «по своей воли» ушел с кафедры в Хутынский пригородный монастырь; его сменил тот же Арсений. Но осенью 1228 г. начались стихийные бедствия: долго не устанавливалась зима, с августа по декабрь шли непрерывные ливни: «ни сена людем бяше лъзе добыти, ни нив делати».

«Простая чадь» Новгорода считала виновником всех бед владыку Арсения: «Того дея стоять тепло дълго, выпроводил Антония владыку на Хутино, а сам сел, дав мзду князю»⁸⁸.

Арсения «аки злодея пѣхающе в шию выгнаша; и на мале ублюде бог от смерти: затворися в церкви святых Софя»⁸⁹. Антоний в третий раз стал архиепископом Новгорода. На владычном дворе восставший народ посадил двух представителей — Якуна Моисеевича и Никифора

щитника. И все же, несмотря на этих представителей, с Антонием вскоре что-то случилось: в 1229 г. князь Михаил сказал новгородцам: «Се у вас нету владыкы, а не лепо быти граду сему без владыце; оже бог казни свою възложил на Онтония, а вы сочите такового мужа в поех ли, в ыгуменах ли, в череньчих ли»⁹⁰.

Какова была эта «казнь» и когда пришлось оставить кафедру Антонию в последний раз, мы не знаем, но, очевидно, это было вскоре после восстания 1228 г., а может быть и в связи с ним.

Добрыня Ядрейкович, когда он еще не был владыкой Антонием, ездил в Царьград (1200—1204 гг.) и составил «Книгу паломник» или «Странник», описывающую Константинополь и его достопримечательности. Книга Добрыни—Антония представляет большой интерес, так как описывает Царьград накануне разгрома его крестоносцами в 1204 г.

Крест Антония естественнее всего датировать началом его владычества, т. е. 1211 г. Прикрепленные к кресту византийские эмали и реликвии, вероятно, являются следами поездки Добрыни в Царьград.

№ 36

Около 1230 г.

Табл. XXXIX, рис. 1—4
О р л о в, № 64, стр. 51—52

Южные врата Рождественского собора в Суздале, построенного в 1222—1225 гг. и отделанного в 1230—1235 гг.

На 28 медных пластинах представлены ветхозаветные сцены, снабженные пространными надписями в три—пять строк. Надписи сделаны способом золотой наводки на медные листы, т. е. процарапаны острием по резервирующему слою воска и покрыты затем золотой амальгамой.

Форма букв сознательно воспроизводит книжное письмо. Судя по почерку, над пластинами работали два (а может быть и более?) мастера. Их начертания различаются деталями: так, один из них перечеркивал мяты букв (Ѡ ѡ), применял изредка лигатуры. Второй мастер делал у буквы Г небольшой отчерк от конца перекладины не вниз, а налево вверх; у него несколько больше интервалы между буквами. Пластины обоих мастеров размещены без определенного порядка.

Е. С. Медведева устанавливает дату этих врат — 1230—1233 гг., когда расписывали собор⁹¹.

Все сюжеты врат связаны с ветхозаветными мифами об архистратиге Михаиле, о победах его над врагами. Изображения святых на оковке центрального столба все проникнуты «ратным духом»: шесть медальонов содержат изображения святых воинов (Георгий, Федор Стратилат, Федор Тирон, Дмитрий Солунский, Нестор, Евстафий); два медальона посвящены врачам-целителям (Кир и Иоанн); в одном — пророк Даниил, вдохновлявший войска на бой с персами, и в последнем медальоне — три отрока в печи, как символ мужества и твердости убеждений.

Возможно, что декорация собора, постройка которого началась почти одновременно с битвой на Калке, отражала в какой-то мере это тревожное время накануне ожидавшихся больших военных событий.

⁸⁷ «Новгородская первая летопись», стр. 52, 60, 64.⁸⁸ Там же, стр. 67.⁸⁹ Там же, стр. 272.⁹⁰ Там же, стр. 68.⁹¹ Е. С. Медведева. О датировке врат Суздальского собора. — КСИИМК, т. XI, М.—Л., 1945, стр. 110.

№ 37

Около 1230 г.

Табл. XXXIX, рис. 5—6
Орлов, № 64, стр. 51—52

Западные двери Рождественского собора в Суздале (см. описание № 36). Золотая наводка 28 пластин исполнена совершенно иной рукой, чем на пластинах южных врат. В художественном отношении они превосходят работу мастеров, работавших над южными дверьми. Сюжеты

Надпись при скульптурном изображении святого Георгия
за порталом Георгиевского собора в Юрьеве Польском

здесь новозаветные и апокрифические. Орнаментальное обрамление южных и западных врат — очень разнообразное и тонкое по выполнению; оно объединяет те и другие врата и свидетельствует об их синхронности.

Надписей здесь очень мало. Это скорее подписи к изображениям, сюжет которых предполагается лучше известным зрителю, чем библейские сцены. Например: «Воскрѣшение Лазарево», «Зачатие», «Гроб господень» и т. п. Раскрытия сюжета здесь нет.

Почерк иной, чем на южных вратах, и единый для всех пластин. Таким образом, можно говорить о трех мастерах или подмастерьях, выполнявших надписи. В дальнейшем необходимо сопоставить эпиграфические наблюдения со стилистическими.

Особенностями письма здесь является написание окончаний в виде своеобразной лигатуры **нѣ**

нѣскрѣщенк

Кроме того, буква Р здесь всегда опускается ниже строки. Дата, как и для № 36, определяется широко: 1222—1233 гг., а более узко — около 1230 г.

№ 38

30 июля (так!)
1234 г.Табл. XVI, рис. 1
Орлов, № 83, стр. 67—68

Летописная запись на белом камне о сооружении огромной скульптурной композиции на внешней стене Георгиевского собора в Юрьеве Польском.

Правая часть надписи разрушена⁹².

Надпись резана по камню вглубь очень тщательно и красиво. Пропорции букв вытянутые.

Транскрипция дается с восстановлением утраченной правой части:

м(ѣса)ца июна нѣ · л · д[ень кѣ лѣто **СѢ МѢ** на]
памл(ть) с(ка)т(о)го іу(ана) конн[ин]
ка поставленъ кр(ес)тъ [си]
с(ка)тославъ мь всево[до]
днѹемь амн[нь]

Хронологические недоразумения, связанные с этой надписью, разобраны выше в разделе о датах и способах их написания.

Запись года была в свое время известна исследователям и читалась неясно: **СѢ МѢ** (1224) или **СѢ МѢ** (1234).

Так как летописная дата окончания работ — **СѢ МѢ** — точно совпадает со вторым вариантом, то ее и нужно принять. В 1224 г. на этом месте еще стоял собор, построенный Юрием Долгоруким в 1148 г. (см. № 25). Резчик ошибся при написании месяца и вырезал «июня», тогда как день Иоанна Воина приходится на 30 июля.

Летопись сообщает о завершении работ так: «В лето 6742 [1234]. Благоверный князь Святослав Всеволодичъ сверши церковь в Юрьеве святого мученика Георгия и украси ю»⁹³.

№ 39

15 августа
1234 г.Табл. XVI, рис. 2
Орлов, № 84, стр. 69

Каменный крест, вмонтированный в крепостную стену Новгородского Кремля. Буквы вырезаны вглубь.

г(оспо)дн сп(а)си и по
милн · рѣв с
коего съмев
на грешнаг
о уърнѣца · ор
кажа · манас
тыра · амннъ
д поставленъ
с(ка)тъи кр(ес)тъ си
к лѣто **СѢ МѢ**
м(ѣса)ца августѣ

⁹² См. выше, стр. 9.

⁹³ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 437.

к ѿ і д(ень) на память
с(ва)тыа в(огороди)ца
оуспение клад[ы]н[и]ца⁹⁴

Трудно сказать, что именно побудило аркажского монаха Симеона поставить крест на «госпожин день». Текст надписи не связан с новгородскими событиями 1234 г. (битва с литовцами) и носит чисто личный характер.

Дата 15 августа 6742 (1234) г. не вызывает сомнений.

№ 40

1230—1234 гг.

Рисунок на стр. 38

Надписи на скульптурных рельефах Георгиевского собора в Юрьеве Польском, построенном в 1230—1234 гг.

Надписи, именующие святых, сделаны четко и ясно, но совершенно иной рукой, чем Святославов крест этого же собора (см. надпись № 38).

№ 41

1239—1240 гг.

Табл. XXXIII, рис. 3—4

Кресты-энколпионы, литые в одной литейной форме с «зеркальными» (т. е. обратными) изображениями и надписями. Представляют собою превосходный датирующий материал, так как встречаются во всех южнорусских городах в слоях Батыева пожара 1239—1240 гг.⁹⁵

Кресты этого типа состоят из двух створок, скрепленных осями; носили их на шнурах или мелкоплетеных серебряных цепочках поверх одежды.

Концы креста оформлены в виде четырех круглых медальонов с изображениями святых (Никола, Григорий, Петр, Василий, Козьма, Дамьян). На одной створке — изображение богородицы, а на другой — распятие. Надпись около богородицы:

с(ва)таа бого(родн)це помаган

Мастер ошибочно написал «бобоце».
Надпись под распятием:

хр(ес)тъ	кр(ес)тъ
наль	наль
похнала	с[т]ѣшеник

Скульптурные изображения сделаны тщательно и изящно; они напоминают хорошие образцы сфрагистической чеканки XII—XIII вв. Удивляет то, что этот хороший мастер резал литейную форму прямо, как бы без учета того, что из-за этого на отливке все буквы будут в «зеркальном», перевернутом виде. Ошибка могла быть обнаружена при первых же отливках, но мастер изготовил в этой форме сотни энколпионов, разошедшихся по многим южнорусским городам, а после татарского разгрома попавших и в татарские становища на Волге (Увек), и на Северный Кавказ, и в Западную Европу⁹⁶.

⁹⁴ Последних трех строк на нашем изображении (табл. XVI, рис. 2) нет. (См. А. С. Орлов. Указ. соч., стр. 69).

⁹⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 462, рис. 123, стр. 527—528.

⁹⁶ Они есть, например, в средневековом отделе Ватиканского музея в Риме. Зеркальность надписей затрудняла чтение, и эти энколпионы иногда принимались за греческие. Энколпион 1230-х годов был найден в могиле одного католического епископа вместе с железом-пасторалом, потиром и дискосом. См. W. Hensel. *Studia i materialy do osadnictwa Wielkopolski Wczesnohistorycznej*, II. Poznań, 1953, стр. 59, табл. IV. Русские обратные надписи приняты автором за греческие.

Местом их изготовления надо, очевидно, считать Киев, откуда много таких крестов быстро разошлось еще до нашествия Батыя, так как они встречены в слоях пожарищ, связанных с нашествием. Возможно, что и необычная, уникальная для русской пластики формула «святая богородица, помогай!» и обратная надпись (им нередко приписывалось магическое значение) прямо связаны с татарским нашествием. И мастер, начавший массовое изготовление крестов с необычным заклятием, и его заказчики и покупатели, очевидно, уже знали о действиях страшного врага, о грозившей им неотвратимой опасности.

Быть может, эти кресты изготавливались тогда, когда в Киеве уже знали о разгроме Северо-Восточной Руси в 1237—1238 г., или тогда, когда татары, разгромив левобережные города, Переяславль и Чернигов, впервые подошли в 1239 г. к Киеву и смотрели на него с другого берега Днепра.

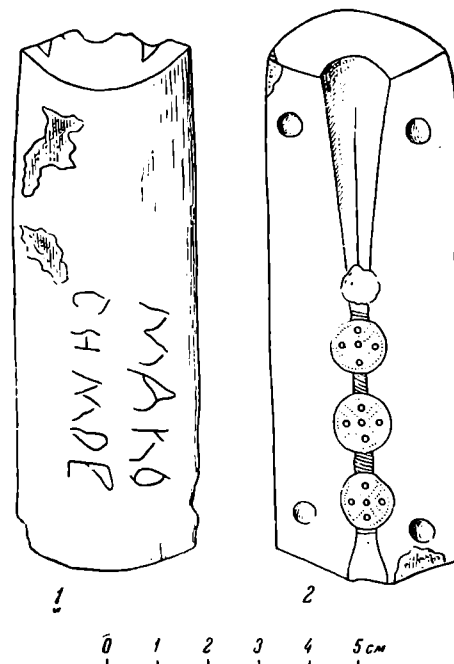
Между этим приходом Менгу-каана и осадой Киева Батыем в конце 1240 г. прошло полтора года. За это время и могли быть изготовлены кресты нового типа, археологические находки которых отмечают печальные судьбы русских людей XIII в., погибших в огне сожженного Киева, зарубленных на стенах многих городов, увезенных в полон в Золотую Орду или вынужденных бежать в Польшу, Германию, Италию.

№ 42

Около 1240 г.

Рисунок

Надпись мастера Максима на литейной форме для отливки трехбусинных височных колец. Найдена М. К. Каргером при раскопках развалин Десятинной церкви в Киеве⁹⁷.

Литейная форма (1) с надписью мастера Максима (2)

⁹⁷ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М., 1958, рис. 86, стр. 385.

Надпись наскоро процарапана на внешней стороне формы:

мако
симок

Характерна замена Ъ на О. Писавший хотел, вероятно, написать

макъсимокъ

Мужской род здесь очень интересен, так как заставляет искать неизвестное нам древнерусское обозначение литейной формы среди слов мужского рода вроде «колыбь».

№ 43

1237 г.?

Табл. XXXIV, рис. 3—4

Серебряная панагия (гривна) из коллекции Н. М. Постникова⁹⁸. Литая выпуклая надпись идет на лицевой стороне вокруг изображения ангела с венком:

с(ка)ты мнханаъ архистратигъ
н(е)б(е)н(ъ)хъ снаъ воккода

Технически надпись на литейной форме (или на восковой модели) была сделана плохо, и буквы получились кривыми и невыразительными. На оборотной, более плоской, стороне надпись идет вокруг изображения Иоанна Предтечи, стоящего между древом и своей отрубленной головой:

iw(анигъ) копикеть гл(агол)а
покантеса вр(а)тъа оуже бо
приблнжиса ц(арст)ко н(е)б(е)ное

Надпись тоже сделана небрежно. Буква Б дважды написана как В (в слове «бо» и в слове «приблизися»).

Все изделие хорошо сохранило следы технологии его изготовления: первоначально хорошим мастером была сделана восковая модель лицевого медальона с изображением ангела, напоминающего античную Нику — Победу. Образцом мог послужить резной каменный медальон, вероятно, византийской работы, оказавшийся в ставке Батия в Увече⁹⁹. Скопирована вся композиция и детали:

только на серебряной копии добавлены буквы **ар**, т. е. «ангел господень».

Затем была сделана (менее тщательно) восковая модель второго медальона с грубоватым изображением Иоанна. После этого мастер соединил обе восковых модели плоскими сторонами и нарастил широкие поля, предназначенные для надписи на лицевой стороне, выполнив и самую надпись.

Следы наращивания полей на восковой модели изделия очень хорошо видны на оборотной стороне. Поля оборотной стороны на модели (до отливки) были чистыми, без надписи. Надпись была сделана уже на готовой серебряной отливке.

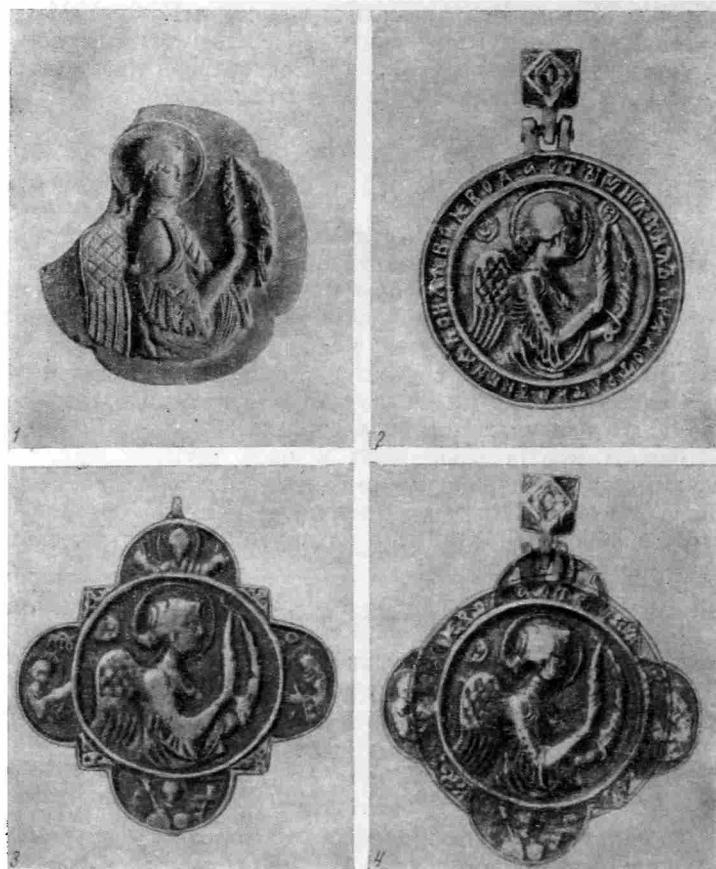
Предостерегающий текст надписи, напоминающей о приближении последних времен, известен и летописцам,

⁹⁸ А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937; В. А. Рыбаков. Русская эпиграфика. . . стр. 50—51, рис. 3.

⁹⁹ «Новые приобретения Саратовского музея». — «Известия археологической комиссии», вып. 53, стр. 103, рис. 30.

писавшим о татарском нашествии: «се приближися время, егда было нужно о грехах прежних каяться» (1235 г.)¹⁰⁰.

При определении времени и возможного заказчика панагии нужно учитывать не только ее хронологическую близость ко времени нашествия Батия (надпись о приближении конца, наличие очень близкой аналогии или даже прототипа в слое татарского городища), но и то, что ее владелец, по всей вероятности, уцелел во время татарского разгрома. Этот последний вывод можно сделать из того, что в древностях Северо-Восточной Руси есть старая копия панагии, изготовленная примерно в XIII—XIV вв. Копировщик использовал только одну сторону с ангелом и добавил с боков четыре изображения (см. рисунок).

Каменный медальон, найденный в Увече (1); серебряная панагия из коллекции Н. М. Постникова (2); медная копия панагии, изготовленная в XIII—XIV вв. (3); совмещенная фотосъемка серебряной панагии и медной копии (4)

Копия панагии сделана механически, путем оттиска в глине. Для проверки этого М. М. Успенским была произведена совмещенная фотосъемка по двум негативам — самой панагии и ее копии. Единный отпечаток с двух совмещенных негативов показал, что все детали бронзовой копии полностью восходят к серебряному оригиналу (см. рисунок, 4). Серебряная панагия (или гривна) с именем Иоанна могла принадлежать какому-то знатному лицу с тем же именем, возможно полковнику (лицевая сторона содержит надпись о «воеводе небесных сил архистратиге Михаиле», изображенном с нагрудным

¹⁰⁰ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. III, стр. 462.

венком). Судя по надписи, гривна изготовлена тогда, когда уже знали о приближении каких-то «последних времен», очевидно, нашествия Батые; искать заказчика гривны можно только среди лиц, участвовавших в борьбе с татарами, но уцелевших после разгрома.

Если владельцем гривны был князь, то единственным лицом, удовлетворяющим всем требованиям, является князь Иван Стародубский (1197—1246 гг.), сын Всеволода Большое Гнездо¹⁰¹, оставшийся в живых после боев с Батыем. Во время поездки его брата Ярослава в Каракорум к хану Иван заменял его в качестве великого князя. К нему было адресовано послание папы Иннокентия IV, написанное после Лионского собора 1245 г.

Гривну Ивана Всеволодича естественнее всего датировать временем, непосредственно предшествующим походу Батые на Владимиро-суздальское княжество, т. е. 1237 г.

№ 44

6 июля 1271 г.

Табл. XV, рис. 3—4
Орлов, № 82, стр. 66—67

Надгробие монаха Зиновия из Смядынского монастыря в Смоленске. Надпись вырезана на куске гранита неправильной формы. Почерк очень своеобразный, с явными чертами второй половины XIII в.

м(ѣса)ца юла з д(е)
нѣ прѣставна
оса рабѣ в(о)жні
зенькні уъ
рнѣрнзѣць

Мастер путал места Ъ и О («преставилося», «чърнъ-ризьць»). Буква л с петлей, образованной двумя параллельными линиями и і десятиричное с перекрестием напоминают грамоты Овфима, датируемые временем около 1263 г.

На оборотной стороне — дата, разбор которой произведен выше (см. стр. 10).

$\bar{B} + \bar{\Theta} A = 12 \text{ сотен} + 71 = 1271.$

Интерес этой даты в том, что она исчислена не «от сотворения мира», а по нашей эре.

№ 45

7 октября
1279 г.

Табл. XXV, рис. 3—4
Орлов, № 79, стр. 63—64

Надпись-граффито в церкви Спаса в Нередицком монастыре близ Новгорода. Дата в настоящее время утратила цифру сотен, но она была хорошо зафиксирована исследователями XIX в.

Надпись сделана короткими строками по три—пять букв; здесь для удобства чтения строки не соблюдаются:

въ лѣ(то) з с[ψпз] м(ѣса)ца мрта[бра] в · з
прѣставна ра[бѣ] в(о)жнн кюрна

¹⁰¹ Иван Всеволодович был назван во имя Иоанна Крестителя, что и позволяет связывать с ним панагию с изображением Иоанна Крестителя (см. ПСРЛ, т. II, стр. 152).

на и(а)мат(ь) ск(а)тог(о) сергнѣ
л дѣв[а]тъин д[ень] жена в[го]
прѣста[вила]са в[ксн]инѣ
гн помози рабоу свокомоу кюрноу
и вксеннѣ

Дата совершенно ясна — 6787 г. (1279) г., 7 октября. У Орлова дата ошибочно переведена как 1278 г.; данных для этого у нас нет.

№ 46

Март
1329 г.

Табл. XXXV, рис. 1—2
Орлов, № 119, стр. 84

Потир новгородского архиепископа Моисея. Чаша его выточена из агата (яшмы?), оправлена в позолоченное серебро, украшена самоцветами и сканными накладками. Ножка и поддон потира тоже богато украшены.

По верхнему венчику чаши на гладком фоне двойным контуром идет евхаристическая формула («пийте от нея вси. . .»), см. № 16 и 17).

Стандартная по содержанию, надпись крайне интересна по форме — это самый ранний образец русской вязи.

От отдельных лигатур писец-резчик перешел к связыванию многих букв и к широкому пользованию двумя масштабами букв. Малые буквы, помещенные внутри обычных, или под перекладинами, или одна над другой, составляют 27% общего числа букв. Основные буквы — вытянутых пропорций, достигающих 2 1/2—3 квадратов.

В этом верхнем поясе помещены шесть медальонов, рассекающие надпись (см. рисунок). Они представляют деисусный чин, но с необычным нарушением канона: архиепископ-заказчик по левую руку центральной фигуры Христа поместил не Иоанна Предтечу во власянице, как это было повсеместно принято, а просто святого Ивана в обычных одеждах. Надпись агнвсѣ ѿанѣ и одежда святого явно свидетельствуют об отходе от предписанного канона, вытекавшего из содержания евангельских мифов. В дополнение к пяти членам деисусного чина (Христос, богородица, Иоанн, два архангела) здесь, как и на потире Юрия Долгорукого, шестым изображен патрон заказчика. Для Долгорукого это был святой Георгий, а для архиепископа — агнвсѣ моістын. Его изображение, в отличие от изображений архангелов, окружено такой же пышной рамкой, как медальоны с богородицей и Иваном.

По узорчатому серебряному подзору, идущему по низу оковки устья чаши, сделана надпись-летопись. Пропорции букв здесь совершенно иные, более приземистые. Линии прочерчены резцом с 8—10 поворотами на протяжении одной мяты буквы. Это создает особый эффект, делая двойные контуры букв слегка волнистыми. Лигатур здесь нет, элементов вязи тоже нет.

в лѣто · s · w · ā · z · м(ѣса)ца марта
созданъ вѣша сѣ · д · ѣ · с · і
х(рст)олквнкѣмъ археп(ско)по
мъ новгоро(д)скѣм · моісѣк(м)

Очевидно, по причине пользования неясными рисунками некоторые авторы ввели в литературу неверные даты потира Моисея:

А. С. Орлов — 6838 г. = 1330 г.

» 1328 г.

М. И. Михайлов — 1323 г.

Шесть медальонов, расположенных по краю потира архиепископа Моисея

Дата здесь предельно ясна: $\text{с} \cdot \text{в} \cdot \text{л} \cdot \text{з} = 6837$ г. Так как указан месяц март, то эта дата должна переводиться как 1329 год.

Точно так же, по обычному мартовскому счету переводятся и летописные статьи Новгородской летописи эпохи новгородского архиепископа Моисея¹⁰².

Обращение к летописям объясняет нам загадочное отступление главы новгородской церкви от веками установленного и ставшего обязательным порядка в изображении деисусного чина.

В конце того самого месяца марта, которым помечен сосуд Моисея, Новгород стал свидетелем пышного съезда русских князей. Сюда приехал прочно утвердившийся на великом княжении Иван Калита; с ним прибыли побежденные тверские князья, князь суздальский «и иных много русских князей». Прибыл и митрополит всея Руси грек Феогност.

Приезд Ивана Калиты 26 марта 1329 г. был не простым: во-первых, он «прииде в Новъгород на стол», а во-вторых, для Новгорода решался важный вопрос об автономии Пскова. Во Пскове год тому назад сел князь Александр Тверской, бежавший от войск Орды и Москвы. Владыка Моисей, тысяцкий Авраам и московские послы пытались удалить его оттуда, но безуспешно¹⁰³.

И вот в 1329 г. Новгород принимал у себя Ивана Калиту, ставшего после разгрома Твери самым могущественным князем Руси. Задача новгородского боярства состояла в том, чтобы направить эту силу на дерзких псковичей, решительно отстаивавших независимость своей республики.

Великий князь, причащаясь в Софийском соборе из нового, только что изготовленного в марте месяце к его

приезду потира, должен был оценить любезность новгородского архиепископа, заменившего обычное изображение Иоанна Предтечи с его характерными атрибутами неопределенным «святым Иваном». Ведь Моисей хорошо должен был знать, что патроном Ивана Даниловича Калиты был не Иоанн Креститель и не Иоанн Воинник, а Иоанн Лествичник. В этом же 1329 г. в Московском кремле Калита построил церковь Ивана Лествичника, названного в летописи «Иван святой»¹⁰⁴.

Что знает, не придал ли мастер, делавший потир, портретного сходства с великим князем Иваном тому благообразному и богато одетому мужу, около которого вырезана надпись $\text{а} \cdot \text{г} \cdot \text{и} \cdot \text{с} \cdot \text{в} \cdot \text{с} \cdot \text{ь} \cdot \text{и} \cdot \text{к} \cdot \text{а} \cdot \text{н} \cdot \text{а}$?

Цель новгородского боярства была достигнута: сначала митрополит Феогност «прокля плескович», а затем «пойде князь Иван со всеми князьями и с новгородци на Плесков ратью». Поход окончился победой соединенных сил Новгорода и Калиты с его вассалами¹⁰⁵.

Установление правильной даты потира Моисея — март 1329 г. — позволило сопоставить его иконографические особенности с летописными сведениями от 26 марта 1329 г.

№ 47

1336 г.

Табл. XL, рис. 1—5
Орлов, № 120, стр. 84—86

Васильевские врата Софийского собора в Новгороде. Были вывезены Иваном Грозным в Александровскую Слободу (город Александров), где находятся и в настоящее время.

Надписи сделаны золотой наволкой на медь. Датирующая надпись находится на центральном столбике врат.

¹⁰² Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 283.

¹⁰³ «Новгородская первая летопись», стр. 342.

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. VIII, стр. 244.

¹⁰⁵ «Новгородская первая летопись», стр. 342.

къ лѣт(о) s-w-mA- ннднк(т) лѣт д
 испсангы дкерн снз пожелѣ[инѣ]
 мь в(о)олювнкого архукип(нско)па но[вгор]
 одьского каснава . . .

Далее сообщаются имена великого князя Ивана Даниловича, посадника Федора Даниловича и тысяцкого Авраама.

Вслед за этой «летописью» идет молитва, авторство которой приписывается владыке Василию.

Датирующая надпись сделана крупными буквами (до 36 мм), молитва и надписи на отдельных пластинах — буквами помельче. Надписи малыми буквами подражают книжному письму.

26 пластин «Васильевских врат» заполнены самыми разнообразными сюжетами, представляющими большой историко-культурный интерес¹⁰⁶.

№ 48

13 июля
1340 г.

Табл. XXV, рис. 5
О р л о в, № 122, стр. 87

Запись на листе кровельной позолоченой меди из Успенского собора во Владимире. Острием ножа здесь вырезана надпись, напоминающая новгородские берестяные грамоты:

къ лѣ(то) ≠ s-w-m-n m(ѣса)ца июлѣ къ гѣ
 на память с(ка)т(о)го ап(осто)ла акулы громя
 бы(сть) и земля потрясеса

Запись интересна тем, что сведения о землетрясении 13 июля 1340 г. не попали ни в одну из наших летописей.

№ 49

8 декабря
1343/1344 гг.

Табл. XXXV, рис. 3
О р л о в, № 124, стр. 88—89

Оклад евангелия великого князя Семена Ивановича Гордого. На серебряных досках по краям оклада вырезана летопись; буквы двойного контура на черневом фоне:

к лѣ · s · w · n · k · м(ѣса)ца декабря
 а п · на · т · д(е)нь на память с(ка)т(о)го м(у)ч(е)н(н)ка
 сана создано бы(сть) кк(а)нг(е)лнк се бл(а)го
 вѣрныма князьма влнкнма семономъ иконок

Писец широко применял титла, а в конце надписи, где ему осталось уже мало места, лигатуры и вязь.

Дата 6852 г. обычно переводится как 1343 г., так как исследователи исходят из сентябрьского или «ультрамартовского» счета лет. В этом, однако, у нас нет уверенности, так как Новгород, например, пользовался в эти годы обычным мартовским счетом, по которому декабрь 6852 г. был бы 1344 г.¹⁰⁷, а счет московских летописей совпадал с новгородским.

Возможно, что первоначально евангелие предназначалось для старого Успенского собора, роспись которого закончили в этом же 6852(1344) г.¹⁰⁸ 26 октября 1344 г. князь Семен Иванович вышел из Орды; по случаю благополучного окончания поездки он мог 8 декабря, по приезде в Москву, пожертвовать богатую книгу.

¹⁰⁶ См. В. Н. Лазарев. Васильевские врата. — СА. т. XVIII, 1953, стр. 386—442.

¹⁰⁷ Н. Г. Бережков. Указ. соч., стр. 285.

¹⁰⁸ ПСРЛ, т. VII, стр. 209.

№ 50

1324—1330 гг.
1352—1359 гг.

Табл. XLIII, рис. 1—2
О р л о в, № 126, стр. 89—90

Вышитая шелком надпись на омофоре (одной из частей богослужебных одежд) новгородского архиепископа Моисея.

моисея архукипн
 скупѣ молитва
 мн скатыя софнѣ

Моисей дважды занимал новгородскую кафедру: в 1324 г. (оставив ее в 1330 г.) и в 1352 г., после смерти сменившего его в 1330 г. Василия. Во второй раз он ушел с кафедры в 1359 г. Вот к этим двум промежуткам времени и можно отнести его омофор.

№ 51

1359 г.

Табл. XLI, рис. 1—2
О р л о в, № 128, стр. 90—91

Людогощинский крест работы мастера Якова Федосова из церкви Фрола и Лавра в Новгороде.

Надписи рельефно резаны по дереву. Долгое время основная надпись была сильно закрашена и не поддавалась полному прочтению. В настоящее время представляется возможным не только полностью прочесть всю надпись, но и расшифровать последние две строки, написанные тайнописью и ранее не раскрытые (см. рисунок).

ВЛѢ 2 Ѡ · Ѵ · Ѵ · ННДН ВТ ·
 ПОС ТАВАЕ НЪ БЫ КРТЪ СН
 ГН · П · ХЕ ПОМНАУН ВСА ХРТЪ ЯНЫ ·
 НА ВСА КОМЪ МЪ СТЪ МОАА ШАСАТОБЪ
 ВЪ РОЮ УТЪ МЪ РАЦЕМЪ Н РАБОМЪ БЪ Ч
 НМЪ ПО МЪ ЗН ПОСТАВНВШН МЪ КРТЪ СН
 АНДГО ФНУА МЪ · НМНЪ НА П НСА ВШЕМУ
 Ф У П МЛА А С Р П Р А К С С Т Е Т В В В М А Р P M A
 И А С С · + · * P A ·

Прорись надписи на Людогощинском кресте

Характер изображений и текст надписи позволяют связывать крест с движением стригольников, для которых 1359 г. был годом облегчения, так как тогда ушел на покой их гонитель архиепископ Моисей. Надпись призывает божье благоволение на всех христиан «на всяком месте молящаяся тебе верою чистым сердцем. . .». Тезис «чистых сердцем», имеющих право обращаться к богу не в церкви, не через посредников, а «на распутиях градных», «на всяком месте», был тезисом чисто стригольническим. Изображения святых, обращавшихся непосредственно к небу, к богу (Илья в пустыне, Герасим в пустыне, Самсон, Симеон Столпник), или борющихся с драконом Зла, на кресте 1359 г. дополняют еретический смысл надписи.

Имя мастера, резавшего этот великолепный крест, зашифровано тайнописью, которую в настоящее время, когда крест очищен от наслоений красок, можно (см. таблицу) расшифровать.

Расшифровка тайнописи на Людогощинском кресте

фУ	ii	лл	дд	сс	рр	лк	сс	тс	гк	вв	лл	рр	лл	дд	сс	+
500 + 400 900	10 + 10 20	40 + 30 70	1 + 1 2	200 + 200 400	100 + 100 200	30 + 20 50	200 + 200 400	300 + 200 500	3 + 2 5	2 + 2 4	40 + 30 70	100 + 100 200	40 + 30 70	1 + 1 2	200 + 200 400	+
л	к	о	р	у	б	н	у	ф	е	д	о	г	о	к	у	+

Буквы записи, как и в современных им рукописях XIV в., зашифрованы по принципу деления надвое их цифрового значения: так, для того чтобы зашифровать букву Д, писец раскладывал ее числовое значение — 4 — на два слагаемых — 2+2 и получал буквенное выражение ВВ. Для того чтобы прочитать эти парные сочетания, достаточно сложить их числовое значение и написать букву, выражающую значение суммы: $\Phi + У = 500 + 400 = 900$.

Пользуясь этой системой, мы можем определить имя своеобразного художника, резчика по дереву, связанного, очевидно, со стригольнической общиной Людогощей улицы: «... и мне написавшему Якову сыну Федосову». Людогощин Яков Федосов — новое имя в списке русских скульпторов, ставшее нам известным благодаря эпиграфике.

Новая публикация изображений на кресте и их истолкование даны в статье В. Н. Лазарева и Н. Е. Мневой¹⁰⁹.

№ 52

1365 г.?

Табл. XXXIV, рис. 5—6
О р л о в, № 141, стр. 99—100

Два медных змеевика с литыми изображениями и круговыми надписями. Оба экземпляра совершенно одинаковы, так как отлиты в одной литейной форме¹¹⁰.

На лицевой стороне (там, где на ушке изображен крест) в центре — грубоватая фигура архангела Михаила, вокруг которой идет выпуклая надпись:

г гн номози равът скомн едотик амншь :

На оборотной стороне в центре — голова и восемь звериных (а не змеиных) голов на толстых шеях. Надпись:

+ гн номози равоу скомноу андрѣкн амншьк.

Буквы вырезаны грубовато, но очень четко и ясно; пространство для надписи рассчитано точно, что позволило избежать сокращений. Почерк, несомненно, XIV в. А. С. Уваров ошибочно связал эти змеевики с именем князя Андрея Александровича, внука Александра Невского¹¹¹.

¹⁰⁹ В. Н. Лазарев, Н. Е. Мневая. Памятник новгородской деревянной резьбы XIV в. (Людогощинский крест). — «Сообщения Ин-та истории искусств», 1954, № 4—5, стр. 145—165.

¹¹⁰ Б. А. Рыбаков. Из истории московско-нижегородских отношений в начале XV века. — МИА, № 12, М., 1949, стр. 186.

¹¹¹ «Каталог собрания древностей А. С. Уварова», отд. VIII—XI, М., 1908, стр. 105—106, рис. 96 (второй экземпляр, литой в одной форме с первым).

Поиски в летописях убеждают в том, что из всех известных нам Андреев XIII—XV вв. лишь у одного была жена Евдокия — это Андрей Александрович, младший из сыновей Александра Михайловича Тверского (правнук брата Александра Невского), родившийся в 1330-х годах и умерший в 1365 г. Надписи на змеевике позволяют сопоставить их с рукописями 1344—1389 гг., но содержат ряд архаизмов, что, может быть, объясняется провинциальностью изделия.

Стилистически и эпиграфически обе отливки змеевика современны князю Андрею Александровичу и жене его княгине Евдокии. Для русских змеевиков необычно наличие сразу двух имен, не оправданных изображениями. Что заставило Андрея и Евдокию поместить, вопреки обычаю, на своих змеевиках оба имени?

Обратимся к летописи. «Того же месяца [января] 12 день преставися боголюбивый князь Андрей Александрович и потом княгини его Овдотиа. Многое множество люди и бояр и священнического чину померло, мало ся их осталось»; «и бысть страх велий на всех», дополняет Никоновская летопись.

Князь и княгиня умерли в разгар страшной чумы, унесшей множество людей. Последние два года они должны были жить во все нараставшем страхе: мор из Бездежа на Кавказе шел в Европу. «И во все грады разыдеся мор силен и страшен. . . и опусте земля вся и порасте лесом и бысть пустыни всюду непроходимы»; «того же лета бысть сухмень велиа по всей земле и воздух куряшеса и земля горяше». На следующий год «мгла стояла пол-лета и зной и жары были велици; леса и болоты и земля горяше и реки пресхоша, иные же места водяные до конца иссохша и бысть страх и ужас на всех человецех»¹¹².

Чума, засуха, пожары и голод подобрались летом 1365 г. и к Тверскому княжеству. В этих условиях нам легче понять необычность двух грубоватых змеевиков, изготовленных для удельного князя и его жены. Змеевик изготовлялся торопливо, один на обоих супругов; поэтому и оба имени поставлены сразу. С одной модели мастер сделал две одинаковые отливки. Датировать их естественнее всего летом 1365 г., когда чума из Москвы перекинулась на Волок и в Тверь, когда «бысть страх и ужас» на князя Андрея и княгиню его Евдокию.

№ 53

1359—1388 г.
1376 г.?Табл. XVI, рис. 3
О р л о в, № 129, стр. 91—93

Белокаменный «Алексеевский» крест из Софийского собора в Новгороде. На кресте — рельефные раскрашенные (изначально) изображения: в центре — распятие; на верхней лопасти — благовещение; на левой лопасти —

¹¹² ПСРЛ, т. XV (Рогож, лет.), стр. 79 (1365 г.); т. XI, стр. 3. 4 (1364 и 1365 гг.).

рождество, а на правой — воскресение. Внизу композиция вознесения с богородицей — орантой в середине, стилизованными деревьями и фигурами двух апостолов около распятия и сцены благовещения. По контуру лопастей креста идет красивая, очень тщательно сделанная надпись, при обилии лигатур представляющая собой своеобразную полуязвь. Крупные буквы высотой до 3 см, строгих пропорций, достигают в высоту трех квадратов,

[къ лѣто СГ_] писанъ бы(сть) кр(ес)тъ сей в новг-
 ородѣ общаго лѣ · повеленіемъ в(ог)олюбиваго
 прес(в)ѣщ(ен)н(о)го арх(и)еп(ис)к(о)па
 олезна · и поставленъ · на поклонение · пракотригымъ
 хр(и)стіаномъ · арх(и)еп(ис)к(о)пу олезню · да[п]
 в(ог)къ многа лѣ[та] · и здравію · и сп(асе)нію · и
 дѣтелю его всему миру

По художественности исполнения надпись напоминает гравировку на серебре. Писец украшал буквы дополнительными завитками внутри петель, перечеркивал перекладины, изгибал язычки, тонко заострял подножия и навершия букв¹¹³.

К настоящему времени начало надписи утрачено. Дата креста, уже к XIX в. была наполовину уничтожена трещиной, и поэтому обычно ограничиваются датой архиепископства Алексея — 1359—1388 гг. Однако текст надписи в сопоставлении с летописными данными может помочь сужению даты. Обращает на себя внимание необычная фраза, помещенная на самой вершине креста: «Архиепископу Алексею дай бог многа лета и здравие и спасение и детем его, всему миру».

Обычно те лица, которые заказывали такие вкладные кресты или утварь, скромнее обращались к богу, писали просьбы, а не здравницы.

Данный крест, очевидно, поставлен не самим Алексеем (хотя и сказано, что его повелением), а новгородцами, теми «детьми его и всем миром», о которых идет речь в надписи.

Изготовление креста с такой торжественной надписью трудно связывать с избранием, с началом архиепископской карьеры. Малоизвестный софийский «шестник» еще ничем не проявил себя и не успел еще при избрании заслужить себе «многолетие».

В жизни архиепископа Алексея был один момент, когда новгородцы очень горячо выражали ему свои симпатии.

Зимой 1375—1376 г. Алексею после 16 лет пребывания на кафедре пришлось оставить ее.

«На ту же зиму съиде владыка Алексей со владычества по своей воли на Деревяницу; и бысть Новгород в то время в скорби велице. Гадав много, послаша к митрополиту Саву анхимадрита, Макс има Онцифоровица с бояры, чтобы благословил сына своего

владыку Алексея в дом святых Софеи на свои ему святительский степенъ»¹¹⁴.

Трудно сказать, так ли уж добровольно был уход Алексея с поста архиепископа. Всего за несколько месяцев до его ухода в Новгороде состоялась первая массовая расправа с еретиками-стригольниками:

«В лето 6883 [1375]. . . Того же лета побиха стригольников еретиков: дьякона Микиту и Карпа простыца и

Фрагмент креста епископа Алексея (после реставрации)

¹¹³ В работе А. С. Орлова (указ. соч., стр. 92) приведено неверное чтение ряда мест этой надписи. В настоящее время реставраторами хорошо расшифрована вся надпись; она читается вполне ясно за исключением начала строки, идущей по левой лопасти. Там написано: ОБЩАГО ЛѢ. Очевидно, недописанное слово нужно восстанавливать в связи со старославянским словом «ЛѢТЬ» (можно), широко применявшимся на Руси в XI—XII вв. и известном и в XVII в. («Вся ми лѣтъ соуть», т. е. все мне доступно, все возможно, все позволено). «Не бо бѣашу лѣтъ пристѣпнн» (см. И. И. С р е н е в с к и й. Материалы. . ., т. II, стр. 79). Поэтому неясное место надписи следует понимать так: «. . . писанъ бысть крест сей

третьего человека с ними — свергоша их с мосту, развратников святых веры христовы»¹¹⁵.

Когда архиепископу Алексею пришлось год спустя поехать в Москву к высшему церковному начальству, в Новгороде ОБЩАГО ЛѢТЬЮ, повелением. . . Олексия», т. е. «с общего позволения», «по общему желанию» и по повелению Алексея.

¹¹⁴ «Новгородская первая летопись», стр. 373.

¹¹⁵ ПСРЛ. т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 192.

митрополиту Алексею, то митрополит «много поучив его о ползе духовней, како паствити ему порученное стадо и вьстязати дети своя от всякого зла. . .»¹¹⁶.

Был ли с позиций Москвы новгородский архиепископ слишком жесток или излишне мягок или же не сумел и после казни пресечь широкое «еретическое» движение в городе, — мы не знаем, но явно ощущаем недовольство владыкой Алексеем со стороны главы русской церкви.

Спустя семь лет, когда в борьбу с еретиками вмешался даже константинопольский патриарх, грамоты этого патриарха в Новгороде должен был читать и толковать не новгородский владыка, а его сосед по епархии — бойкий и предпримчивый Дионисий: «повеле [патриарх] глаголати в себе место Дионисию, епископу Суздальскому при архиепископе Алексии Новгородском»¹¹⁷.

Тем самым владыка Алексей оказывался в числе поучаемых.

От эпохи Алексея до нас дошла фресковая роспись Волотовской церкви в Новгороде, где даже есть портрет владыки. Один из сюжетов росписи («Слово о некоем игумене. . .») направлен против богатых монастырей¹¹⁸, что совпадает с проповедью стригольников.

Стригольники не были крайним левым движением в городе; по всей вероятности, их поддерживали средние городские слои. Мы не знаем, был ли Алексей близок к этим слоям и к стригольникам, но его могли обвинить в попустительстве еретикам, ссылаясь хотя бы на волотовскую роспись.

В марте 1376 г. новгородское посольство возвратилось из Москвы с разрешением митрополита.

«И новгородци сташа вецем на Ярославли дворе и послаша с челобитьем ко владыце на Деревяницу с веча: наместника князя великаго Ивана Прокшинича, посадника Юрья и тысяцкого Олисея и иных многих бояр и добрых муж»¹¹⁹.

Алексей согласился снова занять покинутый пост «и ради быша новгородци своему владыце».

В августе 1376 г. владыка с пышной свитой поехал в Москву; две недели провел там Алексей, приняв «великую честь» от князя Дмитрия и выслушав поучения митрополита. 17 октября владыка Алексей возвратился в Новгород. Вот с этими событиями, в которых к Алексею были проявлены симпатии всего города, и хочется сопоставить изготовление огромного красивого креста с пожеланием многих лет боголюбивому Алексею.

В свете этих данных понятнее становится и загадочное место надписи: «писан крест в Новгороде общаго лет[ья]. . .». Все вече новгородское упрашивало его вернуться на кафедру; летописец подробно и любовно перечисляет все этапы повторного утверждения Алексея на владычестве.

И крест ему был поставлен «с общего изволения» в Новгороде. Быть может, как некоторое противоядие против стригольнической ереси, отрицавшей обрядность и фетишизацию священных предметов, мастер, готовивший крест, дал две необычных на подобных изображениях, но строго канонических надписи:

1. В композиции благовещения (без разделения на строки):

прѣвѣдши по р(о)ж(дес)твѣ д(ѣ)ка а по смерти жнка

¹¹⁶ ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 192.

¹¹⁷ ПСРЛ, т. XI, стр. 70.

¹¹⁸ В. Н. Лавров. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 81—82.

¹¹⁹ «Новгородская первая летопись», стр. 373.

2. Над распятием (с соблюдением строк):

к(рест)ъ ткон хр(ист)ѣ аиѣ дреко видн
мо ксть но к[ыш]н[е]ю снаю о
дѣно іестъ

Начертания букв здесь значительно проще, чем в круговой надписи; буквы сделаны так же тщательно, но воспроизводят рукописный книжный почерк.

По содержанию надпись у благовещения должна уверить неверующих в первом евангельском чуде. Архангел Гавриил сообщает Марии не о самом главном, не о предстоящем рождении сына бога, а о тех невероятных последствиях, которые должны утвердить величие бога. Надпись у распятия тоже не касается главного — ни искупительной жертвы Христа, ни его предстоящего воскресения, а говорит лишь о магической силе тех деревянных досок, из которых сколочен его крест. Обе надписи как бы являются ответом «правовверных христиан» (от чьего имени и «писан» крест) тем многочисленным еретикам и просто скептикам, которые во все средние века у нас и на Западе сомневались и в непорочном зачатии, и в волшебном всемогуществе всяческих реликвий, признавая лишь, что это — «древо видимо естъ». Ответ был дан примитивно и чисто схоластически.

Крест архиепископа Алексея естественнее всего датировать 1376 г., когда весь Новгород радовался окончанию неясного для нас конфликта между своим избранныком, пробывшим на посту уже 16 лет, и Москвой.

№ 54

Январь—июнь

Табл. XXXVI, рис. 1—4; табл. XXXVII, рис. 1—9

1383 г.

Орлов, № 132, стр. 94

Ковчег-реликвиарий архиепископа суздальского Дионисия с набором разнообразных «мощей», вывезенных им из Царьграда.

Летопись сообщает, что Дионисий, поехавший в Грецию епископом (и надеявшийся стать митрополитом), получил от патриарха титул архиепископа. «Еще же Дионисей епископ Суждальский вынесе с собою изо Царяграда и страсти спасовы и мощи многих святых и кресты и иконы чудны зело с мощми»¹²⁰.

Иллюстрацией к этим словам летописи и является ковчег Дионисия — великолепное произведение русского ювелирного искусства. Это плоский серебряный ящик в форме квадрифолия; сторона квадрата равна 30 см. Фон покрыт чернью. Многочисленные гравированные изображения позолочены и обрамлены сканью и самоцветами.

Надписи с обозначением святынь расположены вокруг шестнадцати шестилепестковых оконеч, затянутых слюдой; под слюдой в глубине ящика — реликвии, рассчитанные на очень легковверных почитателей:

+ ароматы им[н] же помазаша хр[и]ста и обн[и]ше
п[л]ас[т]иницею
+ губа юже омоу[н]ша ко оцетъ и напоуша хр[и]ста на
кр[е]стѣ распата
+ рнза хр[и]стова нешкенаа юже скатаа богородица
с[в]дѣла[ала]
+ кровь хр[и]стова проведеньемъ копыа нстекшна нс
преуныстухъ ребро

¹²⁰ ПСРЛ, т. XI, стр. 71.

- + камень гровнын к немъ же положнша хрнста цьсара
невѣснаго
- + отъ рнзы скатыа богороднці нже носаше і от ѹснаго
ѡа грова
- + власі історгані врадъ хрнста бога н кода істекшіа із
ребро на распатын
- + камень столъпа к нему же приказаше хрнста н
муѹнша н
- + кѣнець терногы нже възложнша на ксѣхъ [висках]
цьсара хрнста
- + ажаа порфирѡ ею же облекоша хрнста нже не кообла-
унтъ облакн
- + крокъ истекшаа нзъ ребръ отъ нконъ хрнстоуѣ нже
къ курнтѣ
- + камень доскн на немъ же хрнста снемъ со крста
полоко обвнша
- + хнтона господа нашего ісусъ хрнста еже нрѹетса
сраѹнца
- + трость ею же бнша по глакѣ хрнста на н же н губѹ
кзнесоша
- + камнн іаслнн х(рнсто)кыхъ к немъ же обрѣтше колскн
іко цьсарю поклонншса
- + Другое арамѡ еже прннесоша марфа н марна н пома-
заша хрнста

В этом перечне хранящихся в ковчеге «предметов» дано все, что только могли подсказать евангельские мифы: и ароматы, и кровь, и волосы из бороды, и палка, и части одежды.

По сторонам центрального креста есть четыре надписи, разъясняющие его символическое значение. На самых концах четыре криптограммы, пока не расшифрованные. Есть надписи и около изображений. Летописная запись идет по всем четырем сторонам квадрата:

в(ожесткен)ныкн стр(ас)ті келнкаго бога сп(ас)а нашего
хрнста пре
несены нзо ц(а)рѡградѡ смѣренъмо архіеп(нско)н(о)мъ
дїѡннсе[мъ]
к ск(а)тѹю архіеп(нско)пью к суздаль к новгородо
к городець подшанькм многім і подкігом і спослѣннн
ксп богоносныа отьца ко ц(а)рѡградѣ рлкно ан(е)л(о)мъ
жнтѣе і мѹра
прі ксес(ка)т(о)мъ патріа(р)сѣ нлѣ прі келікомъ князі
Дмнтрїн
костантїновїѹѣ іже созда раку сію к ѹестѹ і к слаку
с(ка)т(ы)мъ стр(ас)т(а)м сімъ х(рнсто)кам к лѣ[то]
шїое ѡ сѣе шндикта кѣс(ы)н

Дата «раки» — 6891 г. (шестой индикт). Получение в Царьграде «реликвий» и изготовление этого реликвария было одним из этапов бурной и сложной деятельности Дионисия. В условиях острого соперничества Твери, Москвы и Суздаля в 1370-е — 1380-е годы, когда князья использовали татарскую помощь, церковь использовала свое оружие. Дионисий устраивал канонизацию местных святых, завязывал связи с Константинополем, ездил громить стригольников в Новгород и Псков и с необычайной энергией добивался стола митрополита всея Руси, приняв участие в том своеобразном состязании, которое состоялось на рубеже 70-х и 80-х годов XIV в.: в Киеве появился новый митрополит Киприан, стремившийся в Новгород и в Москву. Митрополит Алексий умер в Москве в 1371 г. Великий князь Дмитрий послал в Царьград своего любимца Митяя ставиться в митрополиты, невзирая на Киприана. Дионисий Суздальский выступил против великого князя и его кандидата. Митяй поехал

в Царьград, а Дионисий был арестован, но потом отпущен под честное слово, что не поедет в Царьград.

Оказавшись на свободе, суздальский епископ «ни с неделю не помедли, но вскоре побежанием побеже к Царюграду»¹²¹. Митяй был убит своими спутниками на корабле почти у самого Царьграда и после «замятни и распри» между двумя новыми кандидатами победы Пимен, воспользовавшийся поддельным документом великого князя и раздавший крупные взятки царьградским отцам «равно ангелам житие имущим».

В Москве же тем временем пригласили Киприана из Киева, а когда Пимен явился с новыми патриаршими грамотами, то его сослали в Чухлому. Дионисий, опоздав к собору, ставившему за «мзду и посулы» Пимена, остался в Царьграде и посылал отсюда в Суздаль и Нижний Новгород чудотворные иконы, напоминая о себе.

Наконец, осенью 1382 г., выхлопотав себе сан архиепископа, запасшись перечисленными выше «святынями» и получив предписание от патриарха выступить с обличениями стригольников, Дионисий вернулся на Русь, прибыл в Новгород и Псков, громил еретиков, поучал архиепископа Алексея Новгородского и к празднику богоявления, 6 января 1383 г., вернулся в свою епархию, в Суздаль. А уже летом «о Петрове дни [29 июня] поиде в Царьгород Деонисей архиепископ Суздальский»¹²². В 1384 г. мечта Дионисия сбылась — в Царьграде, где так легко давался любой церковный сан, он получил искомое место митрополита всея Руси, невзирая на то, что уже два живых митрополита числились в этом сане (Киприан и Пимен). Честолюбивому церковнику не удалось доехать до Москвы — киевский князь Владимир Ольгердович заточил его, и он вскоре умер.

Уезжая в свое последнее путешествие в Царьград, предусмотрительный Дионисий замуrowал в церковной стене свой знаменитый ковчег, который он «премногую ценою изкупив» в Царьграде.

В 1401 г. клад Дионисия был открыт и торжественно перенесен в Москву¹²³.

Таким образом, дата изготовления ковчеха определяется сравнительно коротким пребыванием Дионисия в Суздальской земле — от 6 января до 29 июня 1383 г.¹²⁴

№ 55

31 марта
1392 г.

Табл. XLIII, рис. 1—2
О р л о в, № 135, стр. 95—96

Оклад евангелия московского боярина Федора Андреевича Кошки, богато оформленный и украшенный многочисленными литыми изображениями в киотцах с эмалевым фоном, тонкой сканью и чернью. В нижней части оклада есть два киотца, покрытых трехлопастными стрельчатыми арочками. В левом выгравирован святой Федор — патрон заказчика, а в правом — святая Василиса, патронесса его жены.

Выработанная московскими мастерами в XIV в. форма украшения окладов оказала воздействие на мастеров XV и XVI вв.

¹²¹ ПСРЛ, т. XXV, стр. 197.

¹²² Там же, стр. 211.

¹²³ ПСРЛ, т. XI, стр. 184—185.

¹²⁴ Ковчег не мог быть изготовлен в Царьграде (как иногда думают), так как 6891 год начался уже после того как Дионисий вернулся в Суздаль 6 января 6890 г. Кроме того, надо учесть, что из Царьграда Дионисий поехал сначала в Новгород, потом во Псков и провел там некоторое время. Не мог быть ковчег изготовлен и в Новгороде, так как в многочисленных надписях нет ни одного случая цоканья. Язык надписей не новгородский.

Надпись, сделанная двойным контуром на черневом фоне, идет по всем четырем краям оклада:

к лѣ(то) · с · ц · м(ѣса)ц(а) м(а)рт(а) · индикта · ла · шкочано
 б(ы)ст(ь) · еу(ангел)е се
 при келциѣ(м) князѣ(м) кас(н)льн дмитрееви(уе) ксеи рѣ(си)
 при пресв(а)щ(ен)н(о)м киприци(ни) митрополи(те) кнѣзском
 ксеи рѣ(си) · покелѣньемъ раб(а) бож(ь)а федора андрѣекнуа

В надписи много лигатур и недописанных слов. Часто для отделения слов (особенно неоконченных) здесь, как и на кресте Алексея, применяются точки. Лигатуры иногда связывают два разных слова. Дата очень ясна: 6900 (1392) г., но число индикта, указанное у А. С. Орлова (31), нелепимо. Индикт—пятнадцатилетний цикл, поэтому цифра 31 не может к нему относиться. В 6900 г. счет индикта только начинался и не мог быть вообще обозначен. Цифра может относиться только к числу месяца. Полная дата — 31 марта 1392 г.

* *
 *

При помощи составленной А. А. Мединцевой сводной азбуки XI—XIV вв. можно начертить специальные хронологические графики для наиболее характерных букв.

Для этой цели пригодны все надписи первой категории достоверности (т. е. имеющие точную дату); надписи второй категории привлекаются лишь отчасти, а третьей категории совершенно не включаются в эти графики.

Графики разделены вертикальным членением на семь хронологических групп (см. приложения).

Первая группа	— середина XI в.
Вторая »	— конец XI — начало XII в.
Третья »	— середина и конец XII в.
Четвертая »	— начало XIII в.
Пятая »	— середина XIII в.
Шестая »	— середина XIV в.
Седьмая »	— вторая половина XIV в.

Показано не только время появления новых начертаний букв, но и время их последующего бытования (знаком косоугольного креста в графе).

Таким образом, можно определить как хронологический диапазон каждого начертания, так и полный набор всех вариантов букв, встречающихся в синхронных надписях.

При помощи этих 22 графиков можно довольно точно датировать новые надписи, не содержащие хронологических признаков в своем тексте. Для этого нужно составить решетку из семи строк (для семи хронологических групп) и того количества букв, которое найдет соответствие в графиках. Затем, пользуясь нашими графиками, сле-

дует подыскивать в них аналогии каждой букве и одно временно заштриховывать соответственные клетки решетки. Если на графике тот или иной вариант начертания буквы показан в нескольких хронологических группах, то и на решетке необходимо отразить это.

По окончании подыскания аналогий полезно составить диаграмму количества совпадений, исходя из такого упрощенного статистического приема: для тех вариантов букв, которые характерны только для одной хронологической группы, можно условно принять две клеточки, а для тех вариантов, которые встречены в двух-трех группах — одну клеточку. Более точное исчисление различий в степени достоверности едва ли целесообразно, так как статистическое основание (фонд датированных надписей) невелико. Наблюдения над точно датированными надписями показали, что на полученных диаграммах нельзя датировать по самым последним признакам. Датирующей строкой диаграммы является не самая поздняя, а обычно предыдущая, содержащая наибольшее число аналогий. Это связано, во-первых, с тем, что одинаковые начертания встречаются в нескольких группах, а во-вторых, с тем, что каждая надпись, каждый почерк содержат в себе некоторое количество элементов будущего, как бы забегают вперед и поэтому неизбежно несут в себе несколько таких начертаний, которые станут типичными лишь позднее. В качестве примера можно использовать пространную надпись мастера Лазаря Богшей 1161 г. (см. в «Приложениях» хронологический график и статистическую диаграмму для надписи на кресте Евфросиньи Полоцкой).

Диаграмма дает несколько аналогий с формами букв первых четырех хронологических групп и, таким образом, грубо можно было бы датировать эту надпись временем от 1052 до 1234 гг. Признаки первых двух групп не могут служить определяющими, так как некоторые формы начертания существуют длительное время.

Определяющей здесь является третья группа, давшая наибольшее число аналогий. Крест Евфросиньи Полоцкой, изготовленный Лазарем Богшей в 1161 г., и относится к этой третьей хронологической группе (1133—1194 гг.). Точность в данном случае ± 30 лет. Последнюю строку нашей диаграммы, как оказывается, необходимо отбросить.

Выше, при разборе ряда надписей, возникла необходимость такой приближенной эпиграфической датировки:

1. Тмутараканская иконка Глеба датируется этим методом второй половиной XI в.
2. Запись Василия в алтаре Софийского собора — второй половиной XI в.
3. Смоленская надпись-граффито о «врагах игуменах» — началом XIII в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВУАК — Всеукраинский археологический комитет
 ЗОРСА — «Записки Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества».
 КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры».

МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР».
 ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей».
 СА — «Советская археология».

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	1052 г.	1054 г.	1060-е.гг. (?)	1060-е.гг. ?	1068 г.	1077 г. (?)	1091 г. (?)	1093 г. (?)	1094-1094 (?)	1113 г. (?)	1113 г. (?)	1104 г. (?)
	Графитно-киевского собора	Запись о смерти Ярослава Мудрого	Детская запись Святослава Изяславича	Запись Святослава-Михайла	Тмутарканский камень	Запись о княжении Святослава	Запись о Луке, епископе белгородском	Запись о приходе Святослава	Черниговская гридница	Запись Василия	Дополнение к № 10 (адвокат Мономаха)	Запись о мире на Мелани
А	А	А	А	А	А	А	А	А	А	А	А	А
Б	Б		Б	Б	Б		Б	Б	Б	Б		Б
В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В		В
Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г
Д	Д	Д			Д	Д	Д	Д				Д
Е	Е	Е	Е	Е	Е	Е	Е	Е		Е	Е	Е
Ж	Ж				Ж	Ж	Ж	Ж				Ж
З	З		З	З	З			З	З	З	З	
И			И	И	И	И	И	И	И	И	И	И
К	К	К	К	К	К	К	К	К				К
Л	Л		Л	Л	Л	Л	Л	Л	Л	Л		Л
М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М
Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н			Н
О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О
П	П	П	П	П	П	П	П	П	П	П	П	П
Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р
С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С

Т	Т		Т		Т	Т	Т	Т				Т
У			У	У	У	У	У	У	У	У	У	У
Ф	Ф	Ф			Ф							Ф
Х				Х								
Ц		Ц			Ц	Ц						
Ч	Ч	Ч	Ч		Ч	Ч						
Ш		Ш				Ш						Ш
Щ			Щ									
Ъ	Ъ	Ъ	Ъ		Ъ	Ъ	Ъ	Ъ				Ъ
Ы			Ы									
Э		Э			Э	Э	Э	Э				Э
Ю												
Я	Я	Я	Я		Я	Я	Я	Я				Я
Ѧ		Ѧ			Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ				Ѧ
ѧ		ѧ			ѧ	ѧ	ѧ	ѧ				ѧ
Ѩ		Ѩ			Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ				Ѩ
ѩ		ѩ			ѩ	ѩ	ѩ	ѩ				ѩ
Ѫ		Ѫ			Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ				Ѫ
ѫ		ѫ			ѫ	ѫ	ѫ	ѫ				ѫ
Ѭ		Ѭ			Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ				Ѭ
ѭ		ѭ			ѭ	ѭ	ѭ	ѭ				ѭ
Ѯ		Ѯ			Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ				Ѯ
ѯ		ѯ			ѯ	ѯ	ѯ	ѯ				ѯ
Ѱ		Ѱ			Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ				Ѱ
ѱ		ѱ			ѱ	ѱ	ѱ	ѱ				ѱ
Ѳ		Ѳ			Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ				Ѳ
ѳ		ѳ			ѳ	ѳ	ѳ	ѳ				ѳ
Ѵ		Ѵ			Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ				Ѵ

	1133 г.	1139-1151 г. (?)	1148 г.	1152 (?)	1161 г.	1164 г. (?)	1171 г.	1192 г. (?)	1192 г. (?)	1194 г.		
	Крест Иванны Павловича	Чара Владимира Давыдовича (челюнная надпись)	Чара Владимира Давыдовича (подпись)	Янтиминс Ныронта	Потир Юрия Дологорукого	Крест Евфросинии Полоцкой	Крест Евфросинии Полоцкой (подпись мастера божии)	Нерльский крест	Розболодов камень	Крест с Димом Ярополком	Запись Мартирия Архиепископа	Литания судальского Рождественского собора
А	А	А	А	А	А	А	А	А	А	А	А	А
Б	Б	Б	Б	Б	Б	Б	Б	Б	Б	Б	Б	Б
В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В
Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г
Д	Д	Д	Д	Д	Д	Д	Д	Д	Д	Д	Д	Д
Е	Е	Е	Е	Е	Е	Е	Е	Е	Е	Е	Е	Е
Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
З	З	З	З	З	З	З	З	З	З	З	З	З
И	И	И	И	И	И	И	И	И	И	И	И	И
К	К	К	К	К	К	К	К	К	К	К	К	К
Л	Л	Л	Л	Л	Л	Л	Л	Л	Л	Л	Л	Л
М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М
Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О
П	П	П	П	П	П	П	П	П	П	П	П	П
Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р
С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С

Т	Т	Т	Т	Т	Т	Т	Т	Т	Т	Т	Т	Т
У	У	У	У	У	У	У	У	У	У	У	У	У
Ф	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф
Х	Х	Х	Х	Х	Х	Х	Х	Х	Х	Х	Х	Х
Ц	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц
Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч
Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш
Щ	Щ	Щ	Щ	Щ	Щ	Щ	Щ	Щ	Щ	Щ	Щ	Щ
Ъ	Ъ	Ъ	Ъ	Ъ	Ъ	Ъ	Ъ	Ъ	Ъ	Ъ	Ъ	Ъ
Ы	Ы	Ы	Ы	Ы	Ы	Ы	Ы	Ы	Ы	Ы	Ы	Ы
Ь	Ь	Ь	Ь	Ь	Ь	Ь	Ь	Ь	Ь	Ь	Ь	Ь
Ю	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю
Я	Я	Я	Я	Я	Я	Я	Я	Я	Я	Я	Я	Я
Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
ѧ	ѧ	ѧ	ѧ	ѧ	ѧ	ѧ	ѧ	ѧ	ѧ	ѧ	ѧ	ѧ
Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ	Ѩ
ѩ	ѩ	ѩ	ѩ	ѩ	ѩ	ѩ	ѩ	ѩ	ѩ	ѩ	ѩ	ѩ
Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ	Ѫ
ѫ	ѫ	ѫ	ѫ	ѫ	ѫ	ѫ	ѫ	ѫ	ѫ	ѫ	ѫ	ѫ
Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ	Ѭ
ѭ	ѭ	ѭ	ѭ	ѭ	ѭ	ѭ	ѭ	ѭ	ѭ	ѭ	ѭ	ѭ
Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ	Ѯ
ѯ	ѯ	ѯ	ѯ	ѯ	ѯ	ѯ	ѯ	ѯ	ѯ	ѯ	ѯ	ѯ
Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ	Ѱ
ѱ	ѱ	ѱ	ѱ	ѱ	ѱ	ѱ	ѱ	ѱ	ѱ	ѱ	ѱ	ѱ
Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ	Ѳ
ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ
Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ	Ѵ

	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42
	1177 или 1216г. (?)	1218г. (?)	До 1211г. (?)	1230г. (?)	1230г. (?)	1234г.	1234г.	1230-е гг. (?)	1238-1240-е гг. (?)	1240г. (?)
	Шлем Федора (Ио- сифа Всеволодовича)	Запись о вразог- изуменас"	Крест архиепи- скопа Антония	Южные Суздальские врата	Западные Суз- дальские врата	Святославов крест	Надгробие Симеона (по Срезневскому)	Рельефы Георгиев- ского собо- ра в Новгороде Польском	Кресты - эмаллионы с обратными над- писями	Литовская форма Ман- сима
А	ААААА	АА	ААА	АААААА	АА	АА	ААААА	А	АААА	А
Б	Б		Б	ББББ	ББ		Б		ББ	
В	ВВВ	В	ВВ	ВВВВ	ВВ	ВВВ	ВВВ		В	В
Г	ГГГ	Г	ГГ	ГГГ	Г	Г	ГГ	Г	Г	
Д	ДД	Д	Д	ДД	Д	Д	Д		Д	
Е	ЕЕЕЕ	Е		ЕЕЕ	ЕЕЕЕ	ЕЕЕ	ЕЕЕ	Е	ЕЕ	
Ж	Ж	Ж		ЖЖЖЖ			Ж			
З	З	З	З	ЗЗЗ	ЗЗ				З	
И	ИИ	ИИ	ИИИ	ИИИИ	ИИ	ИИ	ИИИ	И	ИИ	И
І	І		І	І		І		І	І	
К	КК	КК	КК	КККК	КК	КК	КК		КК	К
Л	ЛЛ	Л		ЛЛЛ	Л	Л	ЛЛ		ЛЛ	
М	МММ	ММММ	ММ	ММММ		ММ	ММММ		МММ	МММ
Н		ННН	НН	НННН	Н	Н	НН		Н	
О	ОО	ОО	ООО	ОООО	ОО	О	ООО	О	ОО	ОО
П	П	П	ПП	ППП	П	П	ПП			
Р	РРР	Р	РРР	РРРРР	РР	Р	РР	Р	РР	
С	СС	С	СС	СССС	СС	СС	СССС	С	СС	С

Т	ТТ	Т	ТТ	ТТТТ	ТТ	ТТ	ТТ		ТТТТ
У	У	УУ	УУУ	УУУУ	У		У		УУУ
Ф								Ф	
Х	ХХХ		Х	ХХХХ					Х
Ц	ЦЦ			ЦЦЦ		Ц	Ц		Ц
Ч				ЧЧЧ	Ч	Ч	ЧЧ		
Ш			Ш	Ш	Ш		Ш		
Щ				ЩЩЩ					
Ъ	Ъ	ЪЪ	ЪЪ	ЪЪЪЪ	ЪЪ	ЪЪ	Ъ		Ъ
Ы	Ы			ЫЫЫ		ЫЫ	ЫЫЫ		
Ь		Ь		ЬЬЬЬ	Ь	ЬЬ	ЬЬЬ		
Ю			Ю	ЮЮ			Ю		
Ѧ				ѦѦѦѦ	ѦѦ				
ѧ			ѧ	ѧѧѧѧ		ѧ	ѧ		ѧѧ
Ѩ									
ѩ									
Ѫ									
ѫ									
Ѭ									
ѭ									
Ѯ									
ѯ									
Ѱ									
ѱ									
Ѳ									
ѳ									
Ѵ									

43

44

45

46

47

48

49

	1237 г (?)	1271 г	1279 г.	1329 г.		1336 г.	1340 г.	1343/44 г г
	Паназле-грифо	Надгробие Зиновия	Запись о смерти Иг-рилла	Литур архиепископа Моисея. Надпись по праву сосуда	Литур архиепископа Моисея. Латинствующая надпись	Васильевские Араги	Запись о землетрясении	Евангелие Симона Горбана
А	ⱭⱭⱭ	ⱭⱭⱭ	ⱭⱭⱭ	ⱭⱭⱭ	ⱭⱭ	ⱭⱭⱭⱭ	ⱭⱭⱭ	ⱭⱭⱭⱭ
Б	ⱭⱭⱭ	Ɑ	ⱭⱭ		Ɑ	ⱭⱭⱭ	Ɑ	ⱭⱭ
В	ⱭⱭⱭⱭ	ⱭⱭ	ⱭⱭⱭ	ⱭⱭⱭⱭⱭ	ⱭⱭ	ⱭⱭⱭⱭⱭ	ⱭⱭ	ⱭⱭⱭ
Г	ⱭⱭ		ⱭⱭ	Ɑ		Ɑ	ⱭⱭ	ⱭⱭⱭ
Д	Ɑ	Ɑ	Ɑ		ⱭⱭ	ⱭⱭⱭ		Ɑ
Е	Ɑ	Ɑ	ⱭⱭⱭ	ⱭⱭⱭ	Ɑ	ⱭⱭⱭⱭ	ⱭⱭ	ⱭⱭ
Ж	ⱭⱭ	ⱭⱭ	ⱭⱭ			ⱭⱭⱭ		
З		Ɑ	Ɑ		Ɑ	Ɑ	Ɑ	Ɑ
И	ⱭⱭⱭⱭ	ⱭⱭ	ⱭⱭⱭ	ⱭⱭⱭ	Ɑ	ⱭⱭⱭⱭ	ⱭⱭ	ⱭⱭ
І	Ɑ	Ɑ	Ɑ	Ɑ		ⱭⱭ	Ɑ	Ɑ
К	Ɑ		ⱭⱭⱭ	Ɑ	Ɑ	ⱭⱭⱭ	Ɑ	ⱭⱭ
Л	ⱭⱭⱭⱭ	Ɑ	ⱭⱭⱭ		Ɑ	ⱭⱭ	ⱭⱭⱭ	Ɑ Ɑ
М	Ɑ	Ɑ	Ɑ	ⱭⱭ	ⱭⱭⱭⱭ	ⱭⱭⱭⱭⱭ	ⱭⱭⱭⱭⱭ	ⱭⱭⱭⱭⱭ
Н	ⱭⱭ	ⱭⱭ	ⱭⱭ	ⱭⱭ	Ɑ	ⱭⱭ	Ɑ	ⱭⱭ
О	ⱭⱭⱭⱭⱭ	ⱭⱭ	ⱭⱭⱭ	Ɑ	Ɑ	ⱭⱭⱭ	ⱭⱭⱭ	ⱭⱭ
П	ⱭⱭ	Ɑ		ⱭⱭ		ⱭⱭ	ⱭⱭⱭ	Ɑ
Р	ⱭⱭⱭⱭ	ⱭⱭ	ⱭⱭⱭⱭ	ⱭⱭ	Ɑ	ⱭⱭⱭⱭⱭ	Ɑ	Ɑ
С	ⱭⱭⱭ	Ɑ	ⱭⱭⱭ	Ɑ	Ɑ	ⱭⱭⱭⱭ	ⱭⱭ	ⱭⱭⱭ

Т	ⱭⱭⱭⱭⱭ	Ɑ	ⱭⱭ	ⱭⱭ	Ɑ	ⱭⱭⱭ	ⱭⱭ	ⱭⱭ
У	ⱭⱭ		ⱭⱭⱭ		Ɑ	ⱭⱭⱭ	Ɑ	
Ф								
Х	ⱭⱭⱭ				Ɑ	ⱭⱭⱭ		
Ц	Ɑ	ⱭⱭⱭ	Ɑ		Ɑ	ⱭⱭⱭ	Ɑ	Ɑ
Ч		Ɑ				Ɑ		Ɑ
Ш					ⱭⱭ	ⱭⱭ		
Щ						Ɑ		
Ъ	ⱭⱭⱭ	ⱭⱭ	Ɑ	Ɑ		ⱭⱭⱭ	ⱭⱭⱭ	ⱭⱭ
Ы	Ɑ		Ɑ		ⱭⱭⱭ	ⱭⱭⱭ	Ɑ	ⱭⱭ
Ь	ⱭⱭ	ⱭⱭ			Ɑ	ⱭⱭ	Ɑ	ⱭⱭ
Ѣ			ⱭⱭⱭ	Ɑ	ⱭⱭⱭ	ⱭⱭ	Ɑ	Ɑ
Ю		Ɑ	ⱭⱭ		Ɑ	ⱭⱭ	Ɑ	
Ѡ			Ɑ	ⱭⱭⱭ		ⱭⱭⱭⱭ		
Ѣ	ⱭⱭⱭⱭ		Ɑ	Ɑ	Ɑ	ⱭⱭⱭⱭ		ⱭⱭ
Ѥ	ⱭⱭⱭ	ⱭⱭ	ⱭⱭⱭ			ⱭⱭⱭ	ⱭⱭⱭ	ⱭⱭ
Ѧ								
Ѩ								
Ѭ								
Ѯ								
Ѱ								
Ѳ						Ɑ		
Ѵ								

Сводная азбука (№ 43—49)

50

51

52

53

54

55

	1324—1359 (?)	1359 г.	1365 г. (?)	1376 г. (?)	1383 г.	1392 г.
	Оморок архиепископа на Моисея	Лобозоглициный крест	Знамена Андрея и Евдокии	Крест архиепископа Алексея	Ковчег Дионисия	Евангелие Иошки
А	д д	А А А	Х Х	А А А А А	А А А А А А А	А А
Б		Б Б Б	Х Б Б	Б Б	Б Б Б Б	Б
В	В В В	В В В	В В	В В В	В В В В В В В	В В В
Г		Г Г	Г	Г	Г Г	
Д		А	Д Д	Д Д	Д Д А	А А А
Е		Е Е	Е	Е Е Е Е	Е Е Е Е Е Е Е	Е Е Е Е
Ж				Ж Ж	Ж Ж Ж Ж Ж Ж	
З		З			З З	З
И	И И	И И И	И И		И И И И И	И И И И И И И
І	І	І		І	І	
К	К К	К К К		К К К	К К К К К	К К Ш К К К
Л	Л Л	Л		Л Л Л	Л Л Л Л Л Л	Л Л
М	М М	М М М	М М	М М М М М	М М М М М М М	М М М М
Н		Н Н Н	Н Н	Н Н Н	Н Н Н Н Н	Н Н
О	О О О	О О	О О	О О О О О	О О О О О О О	О О О
П	П	П	П	П П	П П	П
Р	Р Р	Р Р	Р Р	Р Р Р Р	Р Р Р Р Р Р Р Р	Р Р Р Р М Р
С	С С С С	С С С	С С С С	С С С С	С С С С С С С С	С С С С

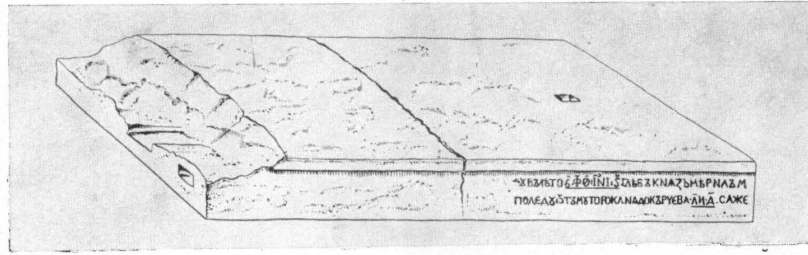
Т	Т Т	Т Т	Т	Т Т	Т Т Т Т	Т Т
У, У	У У		У У У С	У У	У У У У У	У У
Ф	Ф	Ф		Ф	Ф Ф Ф	Ф
Х	Х Х	Х Х		Х	Х Х Х Х	
Ц		Ц			Ц	Ц С
Ч		Ч Ч			Ч Ч Ч Ч	Ч
Ш		Ш Ш		Ш	Ш Ш Ш	Ш Ш Ш
Щ		Щ Щ		Щ	Щ Щ	
Ъ		Ъ Ъ Ъ Ъ	Ъ Ъ	Ъ	Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ	Ъ
Ы	Ы	Ы Ы		Ы	Ы Ы Ы Ы Ы	Ы
Ь		Ь Ъ Ъ			Ь Ъ Ъ Ъ	Ь Ъ Ъ
Ѣ		Ѣ Ѣ	Ѣ	Ѣ Ѣ Ѣ	Ѣ Ѣ Ѣ	Ѣ
Ю		Ю Ю		Ю	Ю Ю Ю Ю Ю	
Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ	Ѧ		Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
Ѩ	Ѩ		Ѩ Ѩ Ѩ	Ѩ Ѩ Ѩ	Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ	
ѦѦ	Ѧ Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ			Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ	Ѧ Ѧ
ѦѦѦ						
Ѧ		Ѧ		Ѧ		
Ѧ				Ѧ		
Ѧ				Ѧ		
Ѧ				Ѧ		

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Ц Ч Ш Щ								Статистическая диаграмма											
✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	1	Сер. XI в.	[Black shaded area]									
✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	2	Кон. XI в. - нач. XII в.										
✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	3	Середина и кон. XII в.										
✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	4	Нач. XIII в.										
✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	5	Сер. XIII в.										
✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	6	Сер. XIV в.										
✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	7	Кон. XIV в.										

Хронологический график и статистическая диаграмма для надписи Василия в алтаре Софийского собора

А Д Ж Н Ъ М П Р У З А											Статистическая диаграмма											
										✱	1	Сер. XI в.	[Black shaded area]									
✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	2	Кон. XI в. - нач. XII в.										
✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	3	Середина и кон. XII в.										
✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	4	Нач. XIII в.										
✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	5	Сер. XIII в.										
✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	6	Сер. XIV в.										
✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	✱	7	Кон. XIV в.										

Хронологический график и статистическая диаграмма для смоленской надписи-граффито о «врагах игуменах»

1

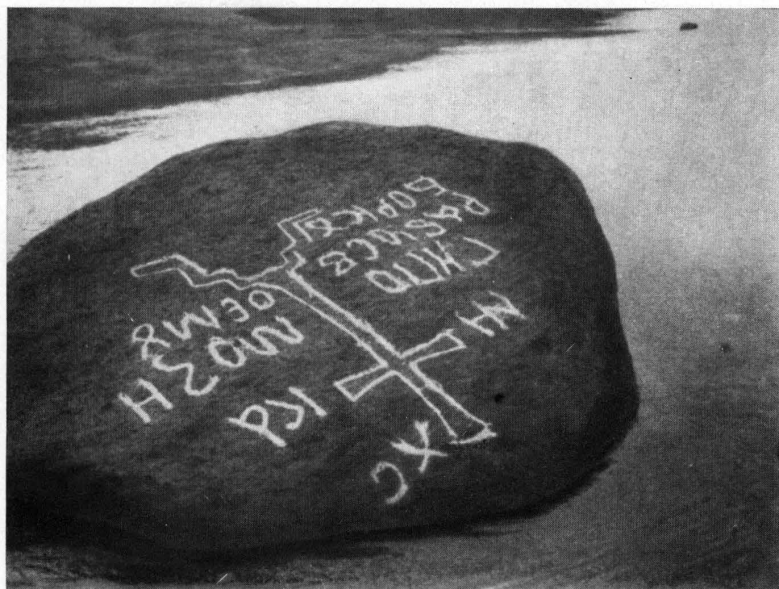
2

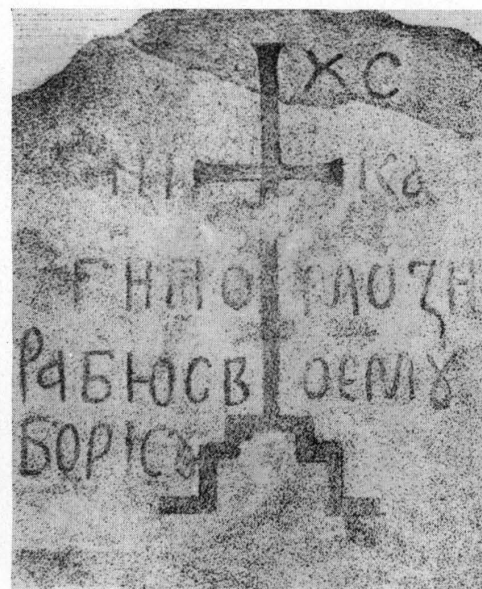
3

Надписи, резанные вглубь на камне:

1 — 1068 г. Тмутараканский камень. Общий вид (рисунок Палласа); 2 — 1068 г. Тмутараканский камень. Надпись (длина надписи 90 см); 3 — 1133 г. Стерженский крест (высота 167 см). Надпись

1

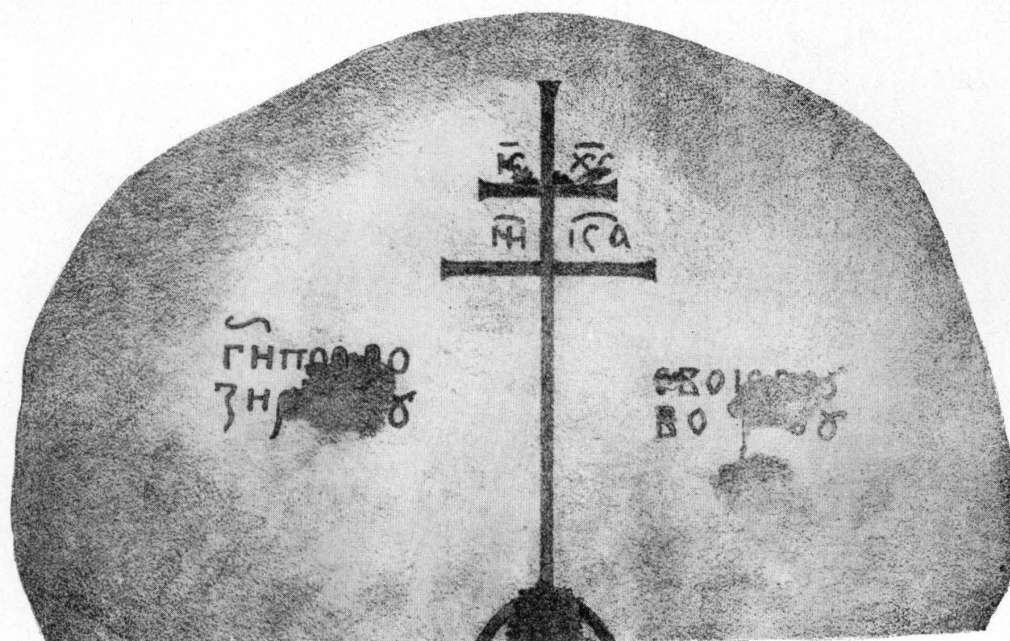
2

3

4

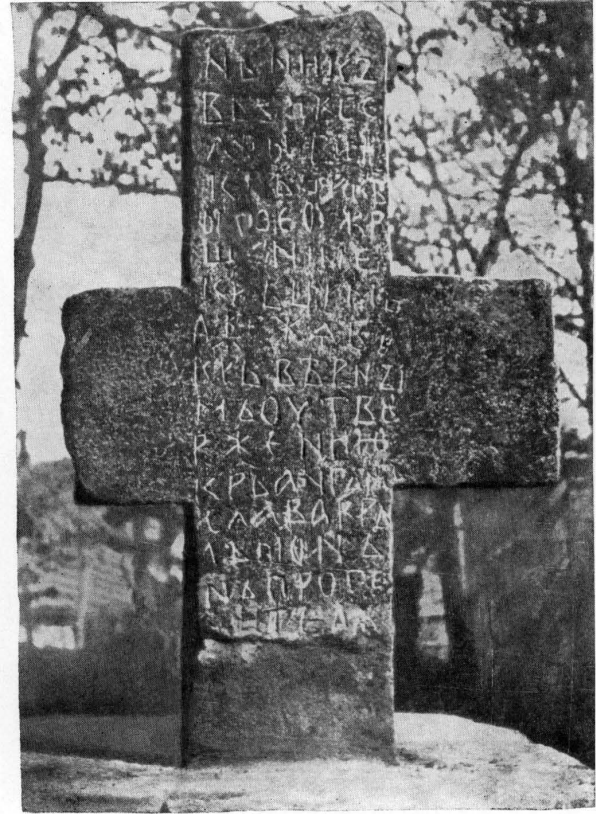
5

Надписи, резанные вглубь на камне. 1128 г. (?) Борисовы камни:

1 — первый Борисов камень. Общий вид (около 9 м в окружности); 2 — первый Борисов камень. Надпись; 3 — второй Борисов камень. Общий вид (около 11 м в окружности); 4 — второй Борисов камень. Надпись; 5 — третий Борисов камень (около 18 м в окружности). Надпись

1

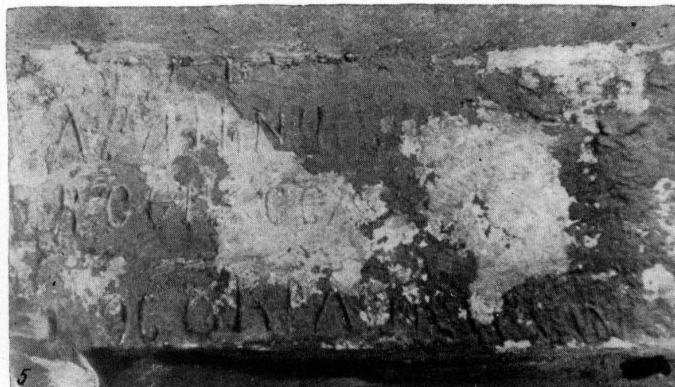
2

3

4

5

Надписи, резанные вглубь на камне:

1 — 1171 г. Роговолодов камень (высота 3 м); 2 — 1164 г. (?) Нерльский крест; 3, 4 — 1271 г. Надгробие монаха Зиновия из Смядынского монастыря в Смоленске. Лицевая и оборотная сторона с датой; 5 — 1194 г. (?) Надпись на белокаменной плите из кладки Рождественского собора в Суздале

3

1

2

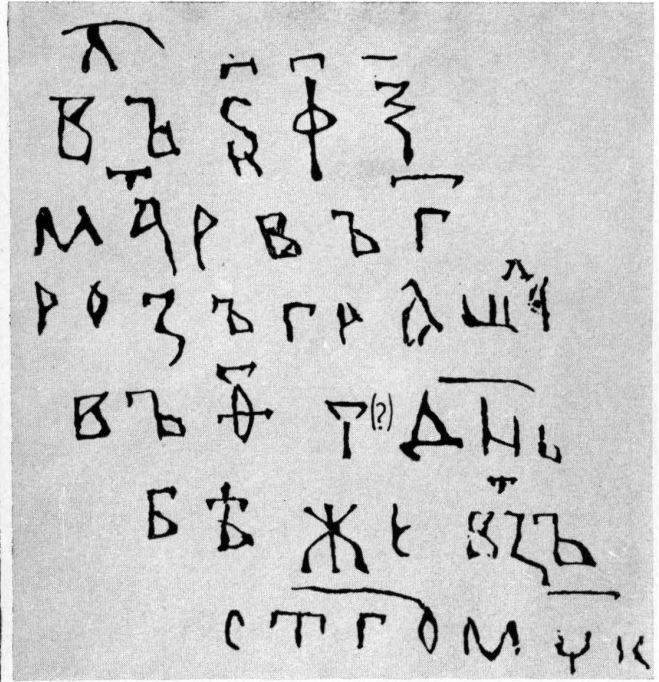
0 20м

Надписи, резанные на камнях:

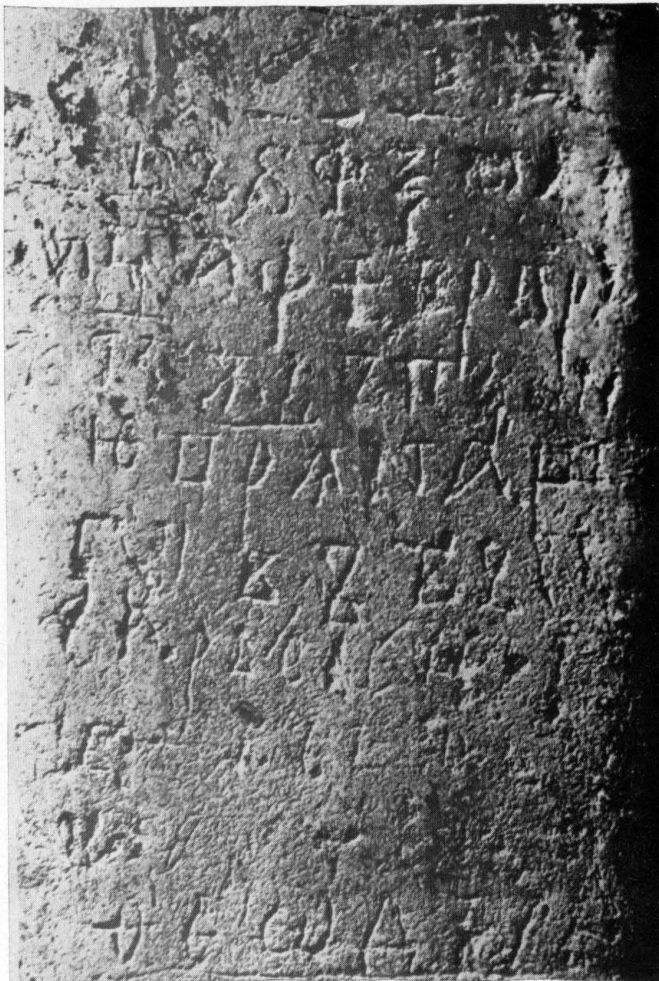
1 — 1234 г. Надпись под Святославовым крестом (размеры плиты 30×40 см; 2 — 1234 г. Надпись на каменном кресте, вмонтированном в крепостную стену Новгородского кремля; 3 — 1376 г. (?). Белокаменный Алексеевский крест из Софийского собора в Новгороде

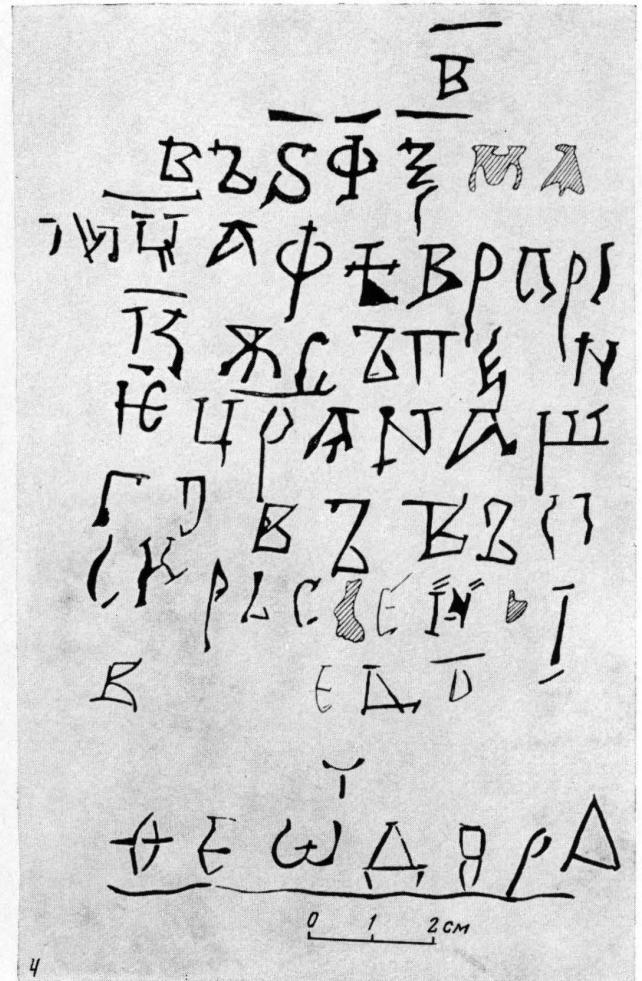
1

2

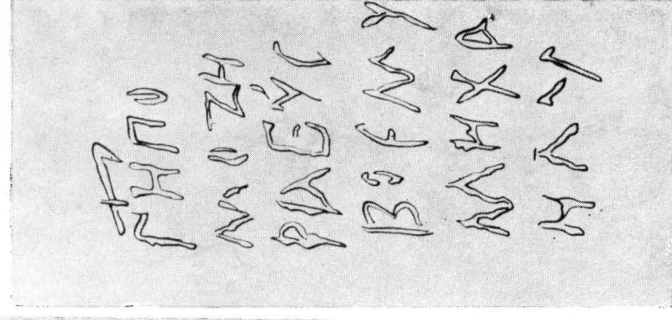
3
0 3 см

4

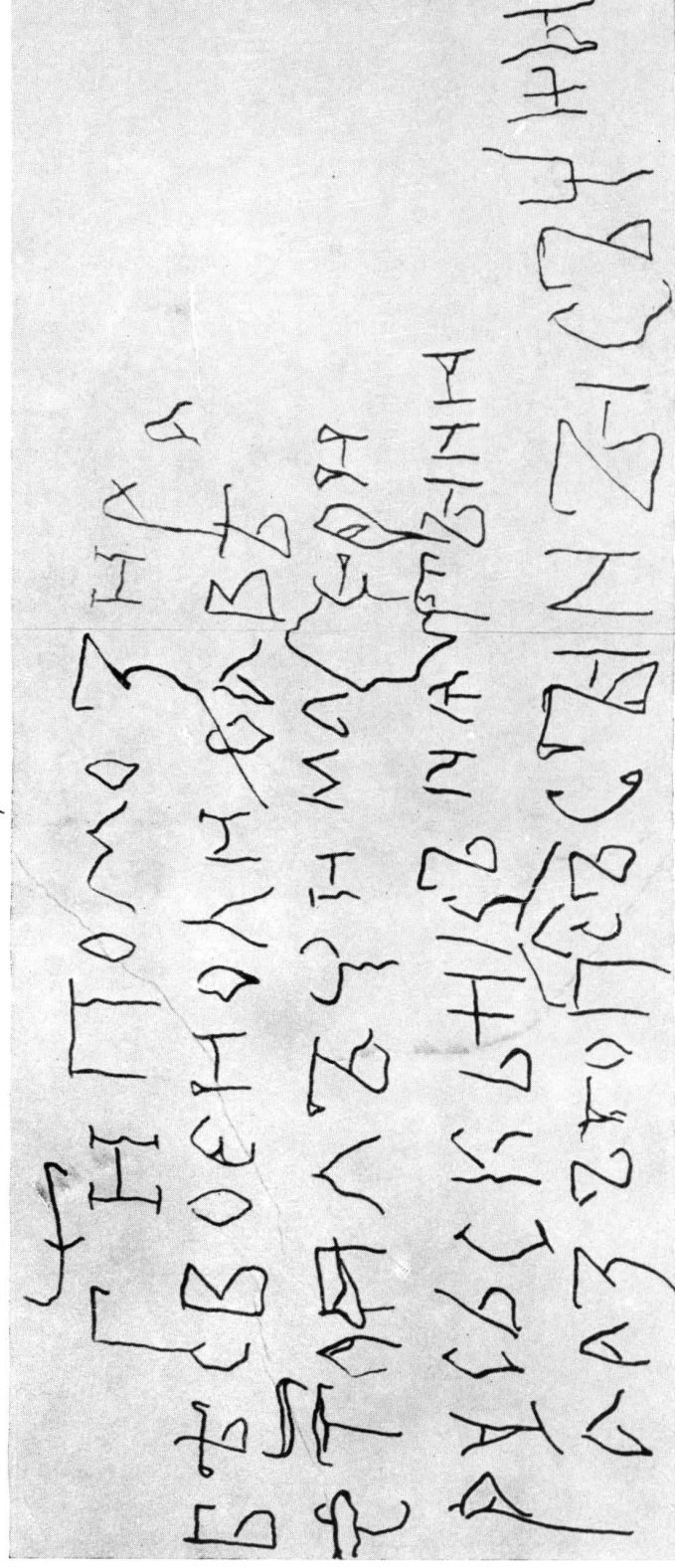
Граффити:

1, 2 — 1052 г. Граффити из Софийского собора в Киеве (фото и прорись); 3, 4 — 1054 г. Запись о смерти Ярослава Мудрого (фото и прорись)

3

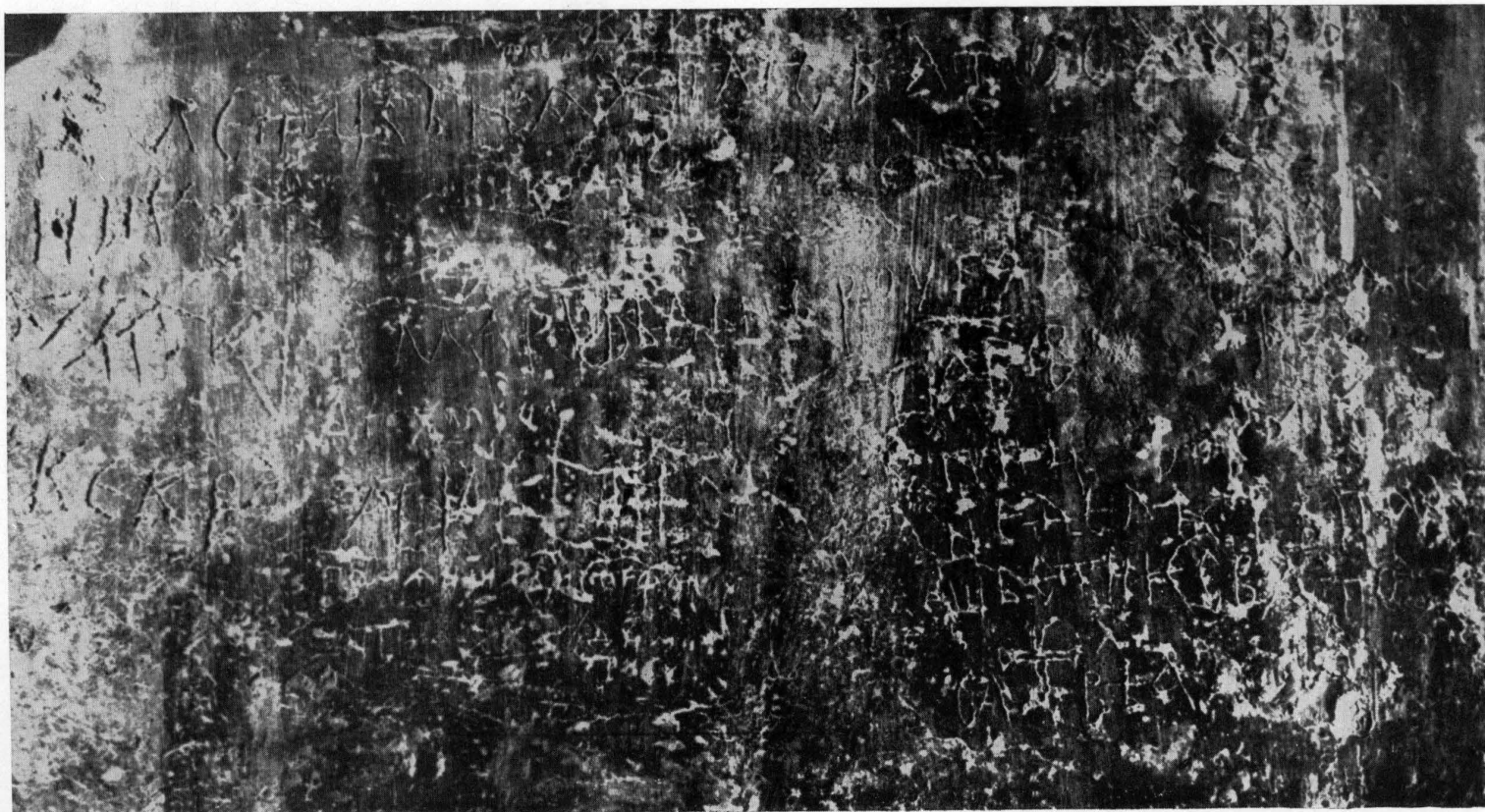
3 см

2

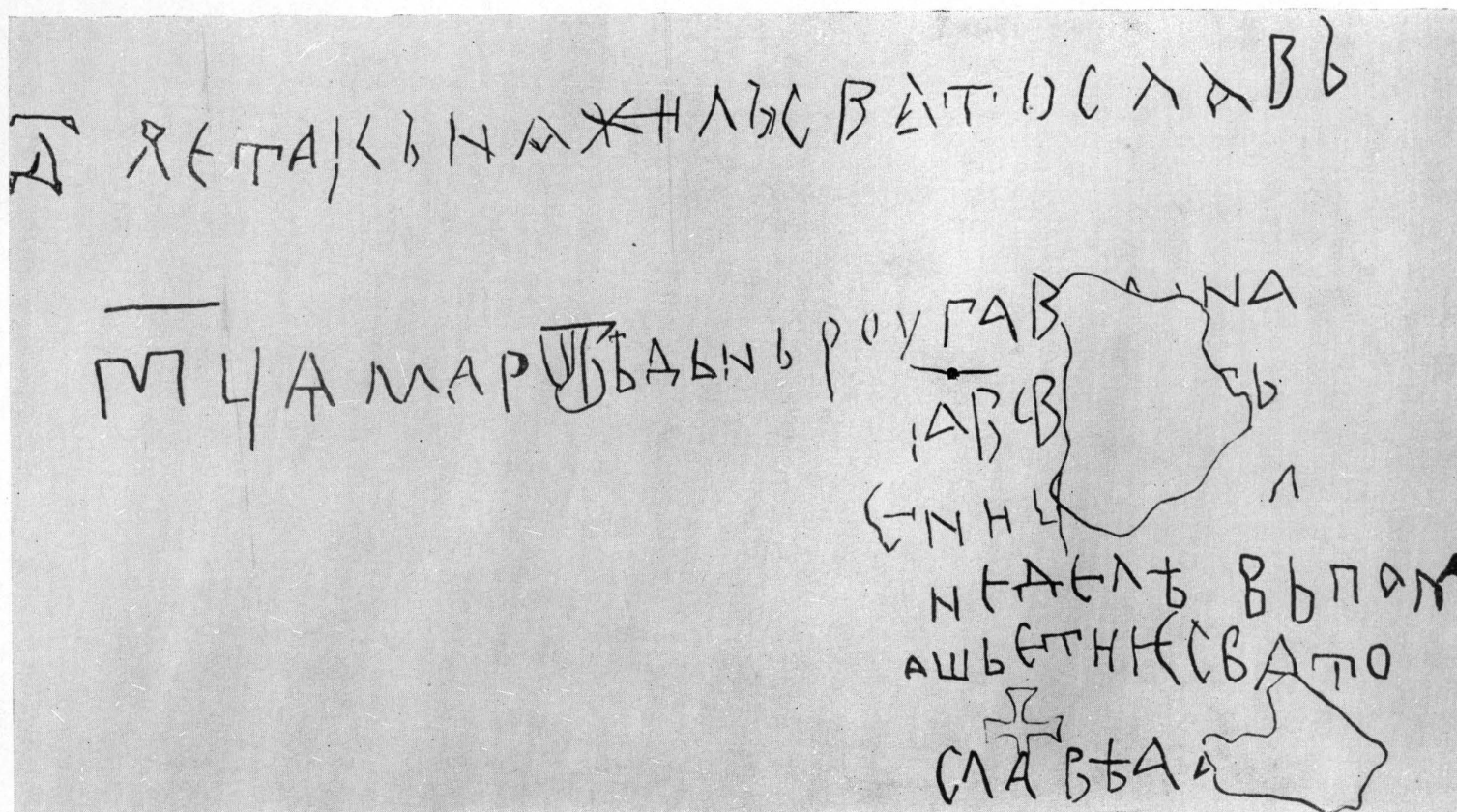
Графити:

1, 2 — 1060-е годы (Р). Детская запись Святополка Изяславича (фото и прорись); 3 — 1060-е годы (Р). Запись Святополка — Михаила (прорись)

1

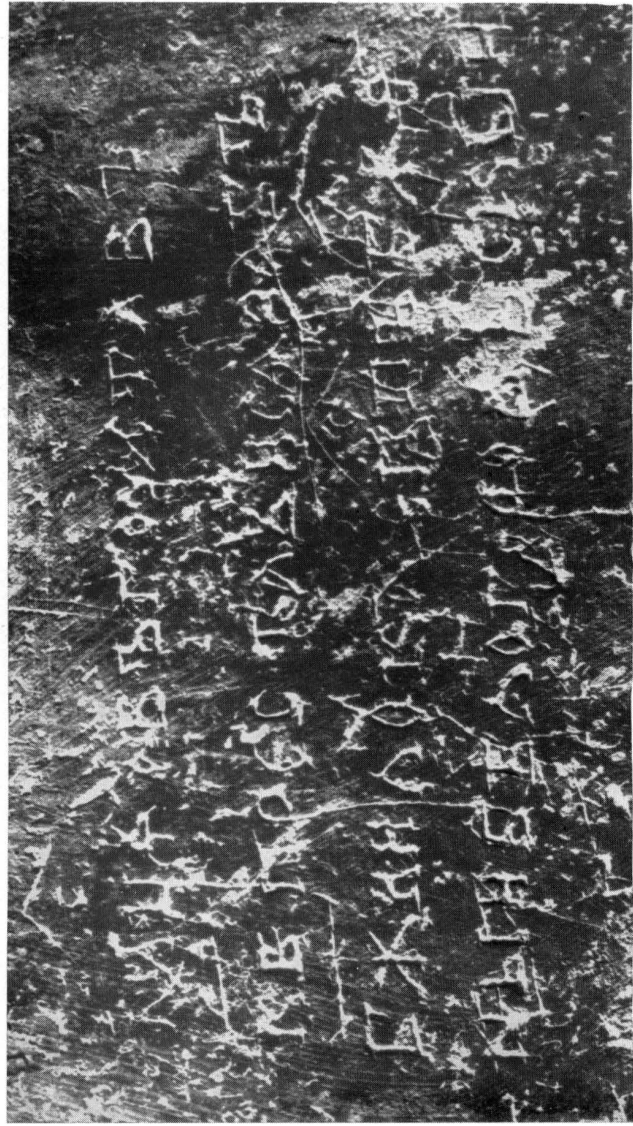
0 ——— 3 см

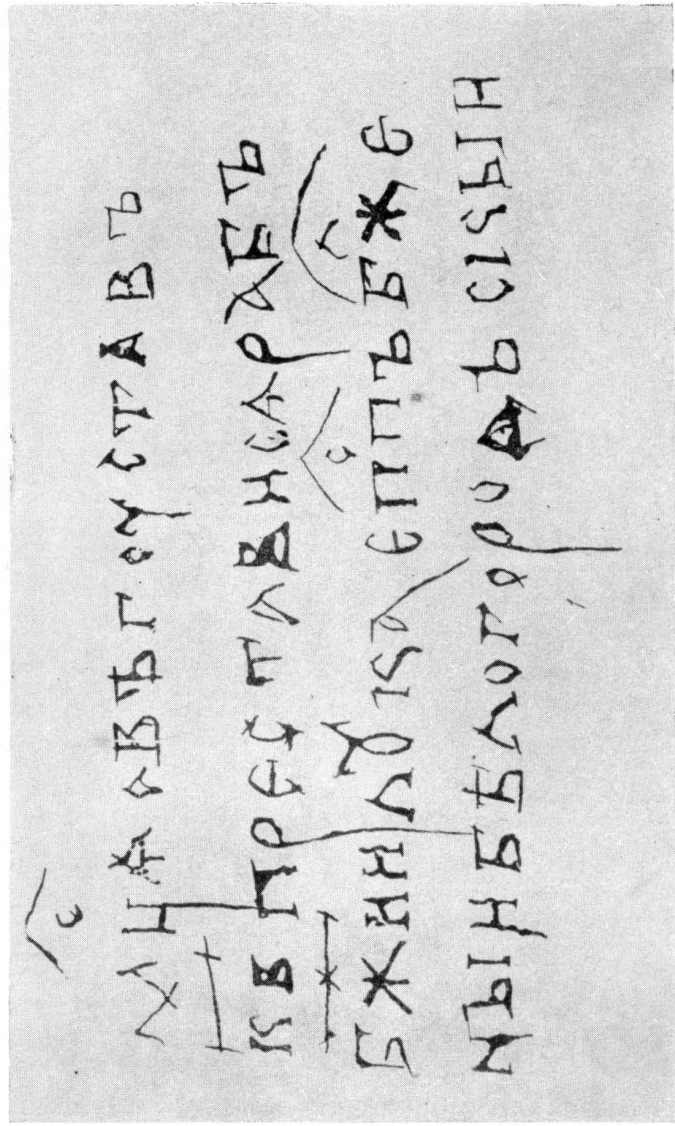
2

Граффити:

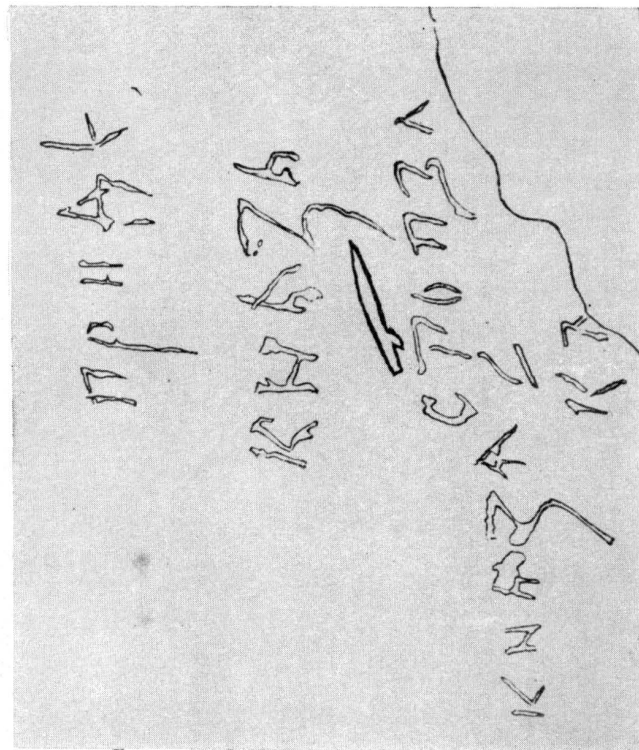
1, 2 — 1077 г. (?). Запись о княжении Святослава (фото и прорись)

3

2

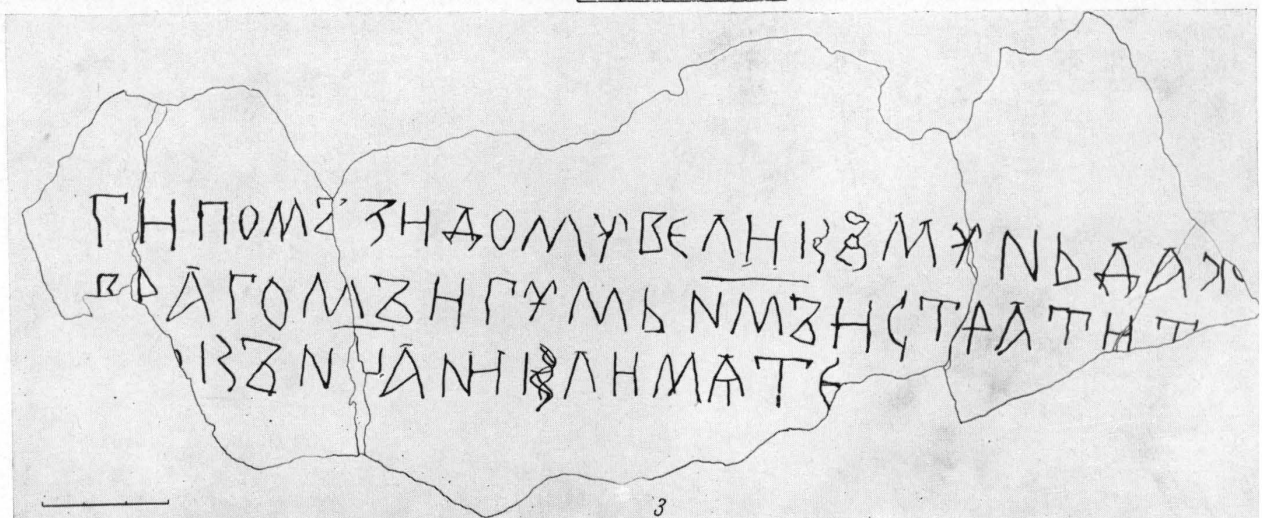
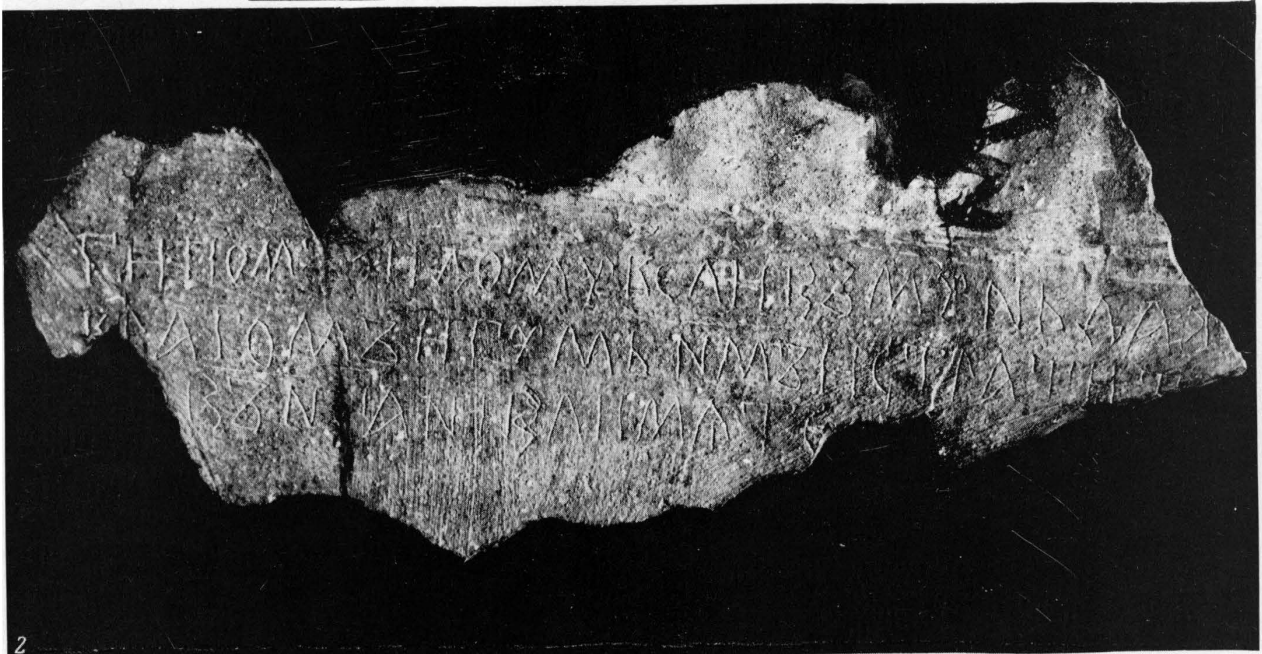
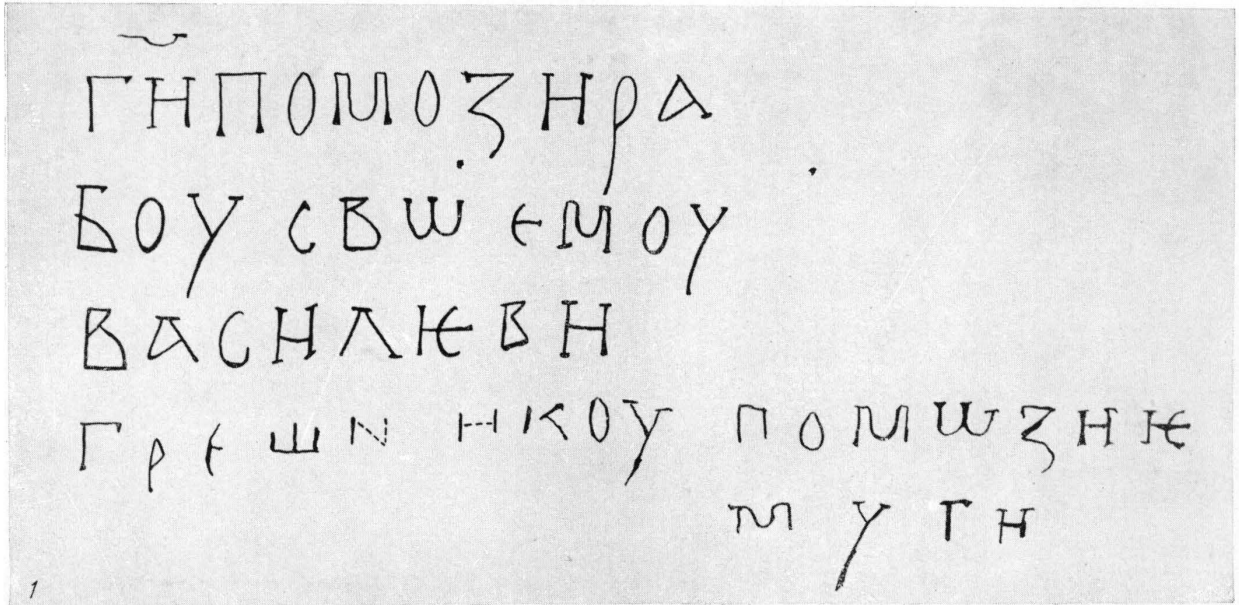

4

0 ————— 3 см

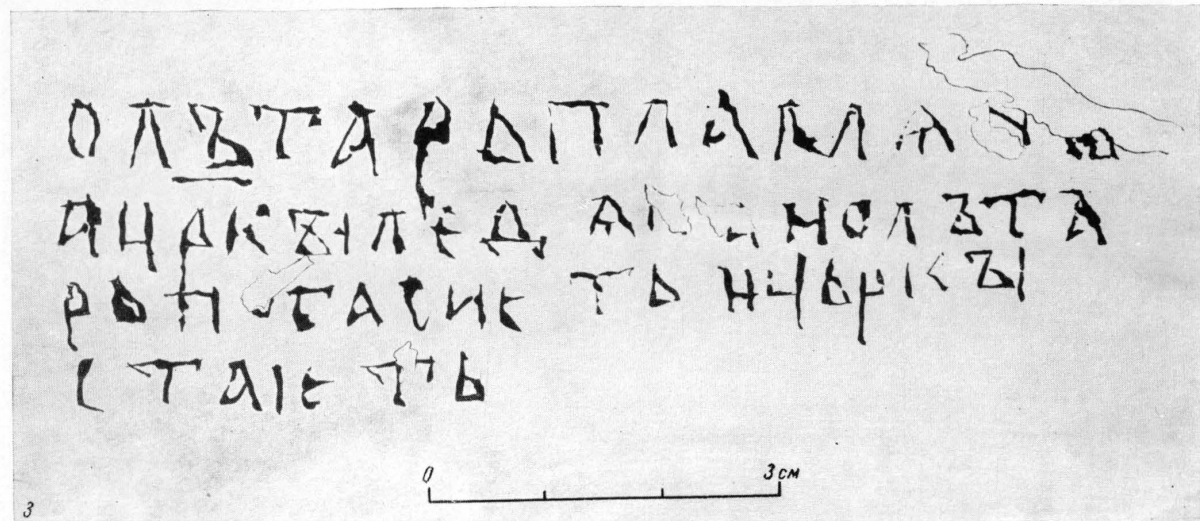
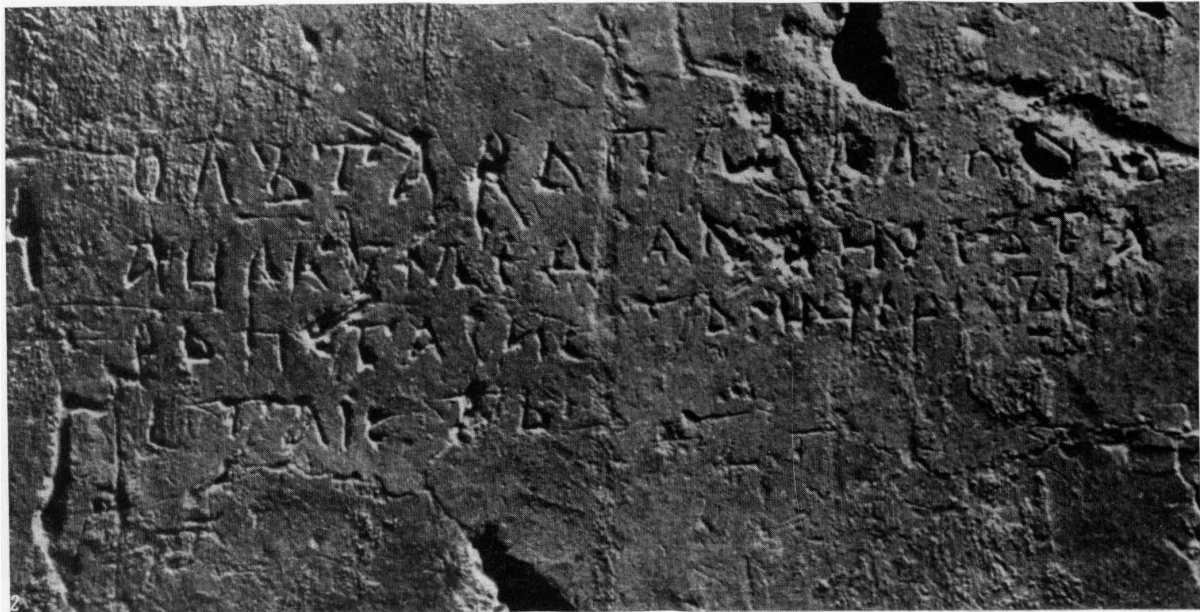
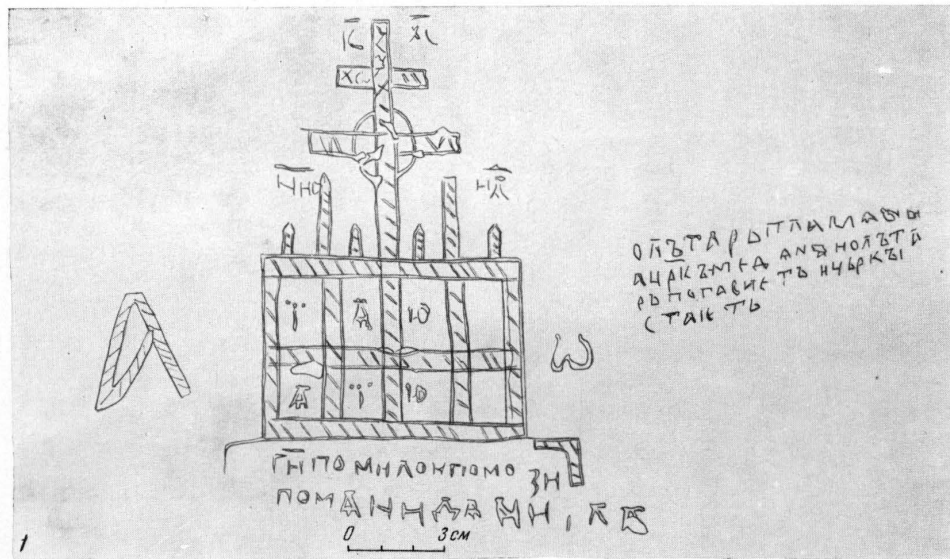
Граффики:

1, 2 — 1091 г. (?). Запись о Луке, епископе белгородском (фото и прорись) 3, 4 — 1093 г. (?). Запись о приходе Святополька (фото и прорись)

Граффити:

1 — 1113 г. (?). Запись Василия в алтаре Софийского собора и приписка Владимира Мономаха (?); 2, 3 — 1218 г. (?). Запись из Смоленска о «врагах игуменах» (фото и прорись)

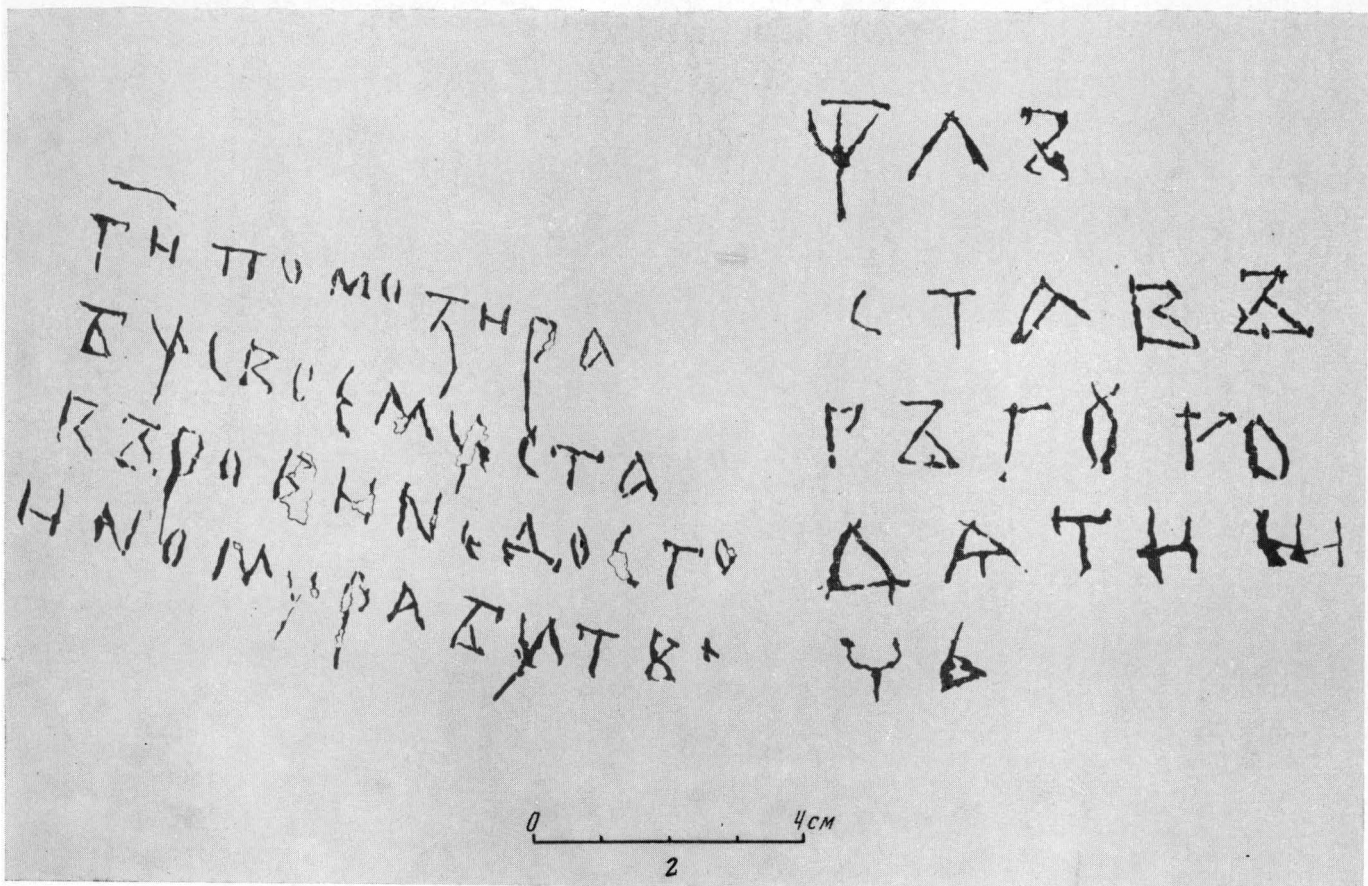

Граффити:

1 — 1114 г. (?). Запись епископа (?) Даниила. Общий вид; 2, 3 — запись епископа Даниила. Фрагмент о «церкви ледяной» (фото и прорись)

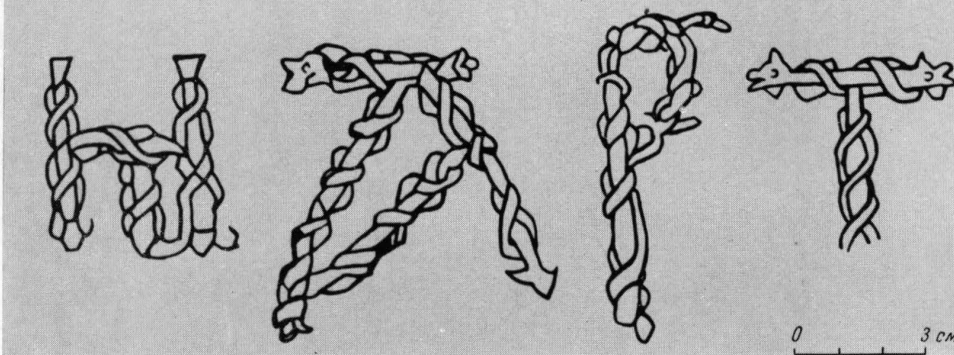
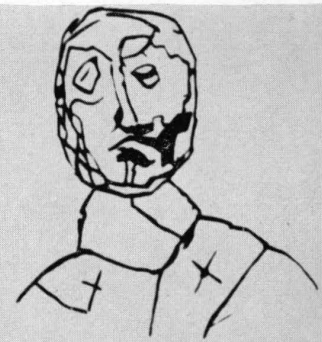
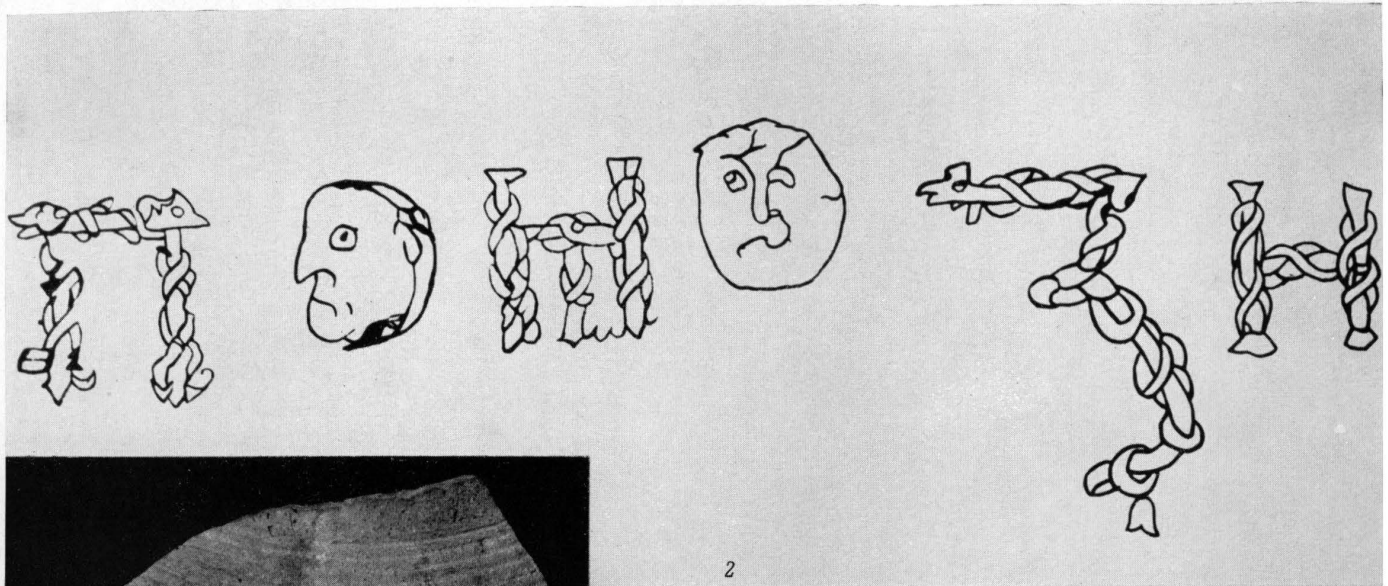
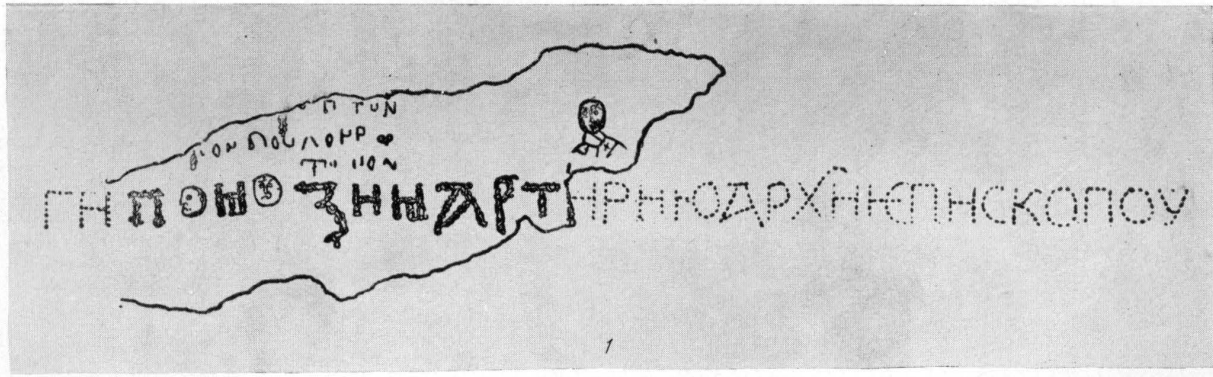

1

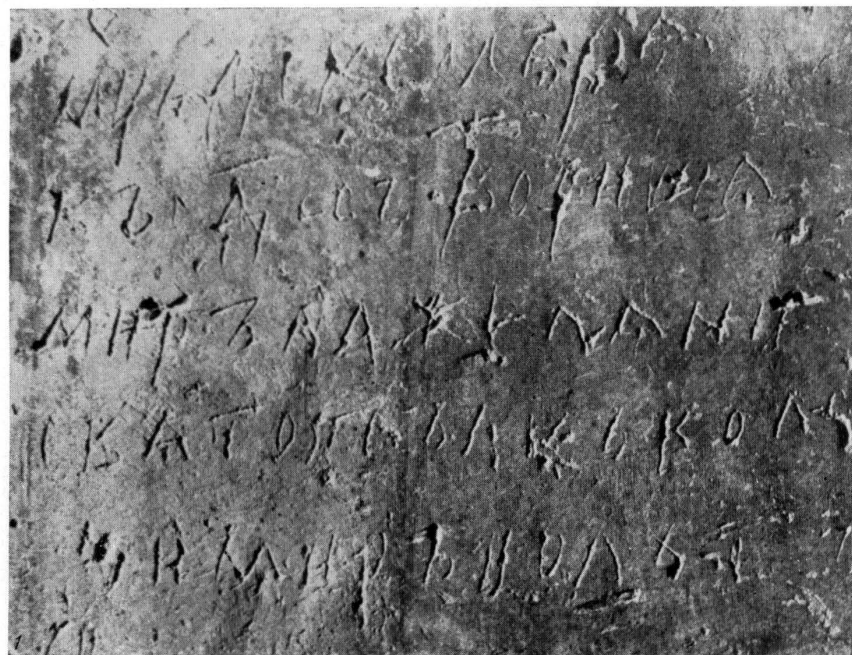
Граффити:

1, 2 — 1118 г. (?). Автограф Ставра и запись о Ставре Гордятиниче (фото и прорись)

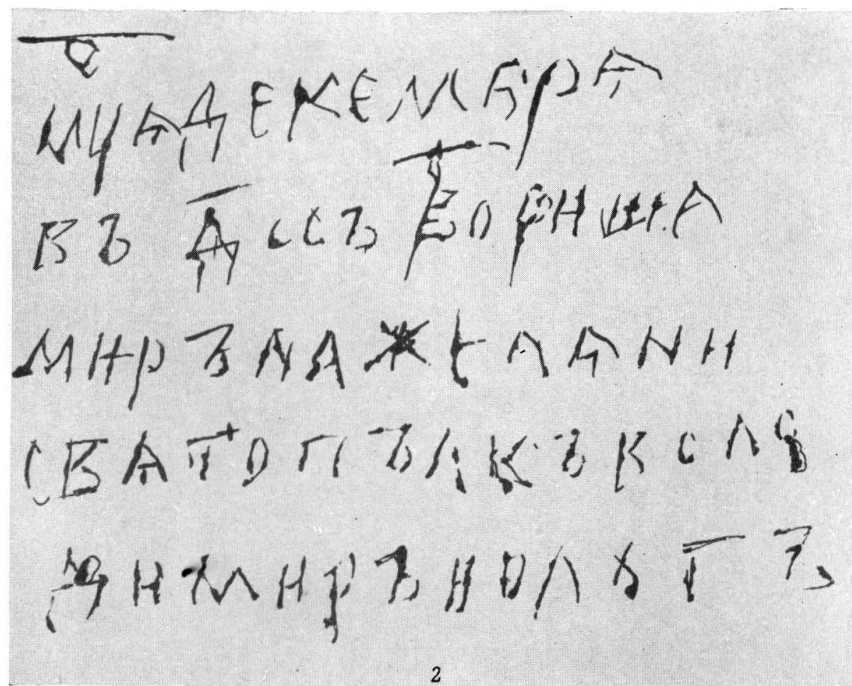

Граффити:

1, 2 — 1192 г. (?). Запись Мартирия архиепископа (реконструкция и фото); 3 — 1192 г. (?). Надпись на корчаге с вином Ярополка

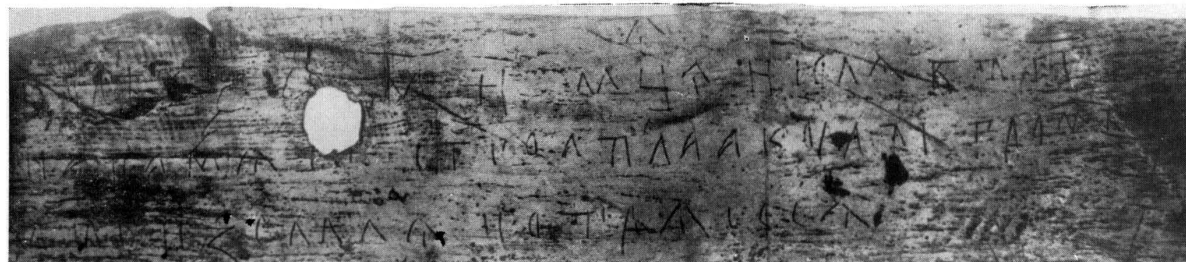

0 3 см

2

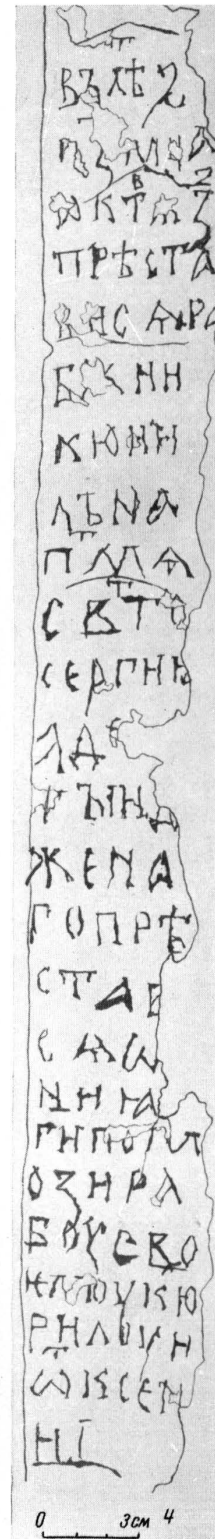
0 3 см

5

3

0 3 см 4

Граффити:

1, 2 — 1104 г. (?). Запись о мире на Желяни (фото и прорись); 3, 4 — 1279 г. Запись о смерти Кирилла и Оксинии (фото и прорись); 5 — 1340 г. Запись о землетрясении

0 3 см 1

0 2 3 см

3

0 3 см 4

5

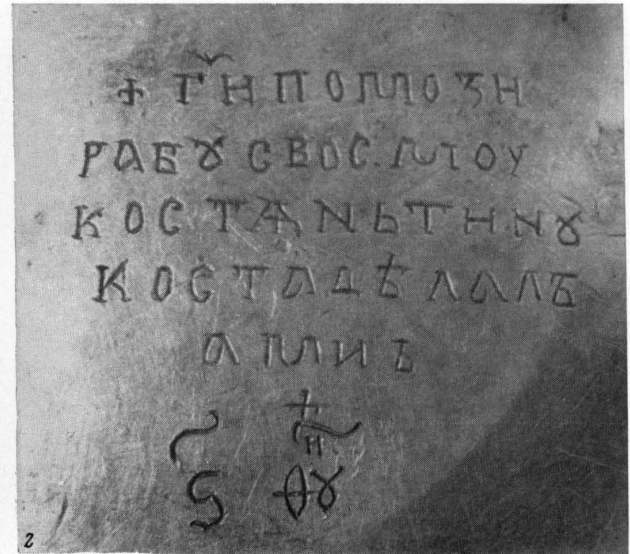
6

Надписи на металле. 1115—1120 гг. (?). Новгородский кратир работы мастера Братилы:

1 — общий вид; 2 — подпись мастера на дне сосуда; 3, 5 — надписи при изображениях святых; 4 — надпись на поддоне сосуда; 6 — надпись по верхнему краю сосуда

0 3 см

0 3 см

3

4

5

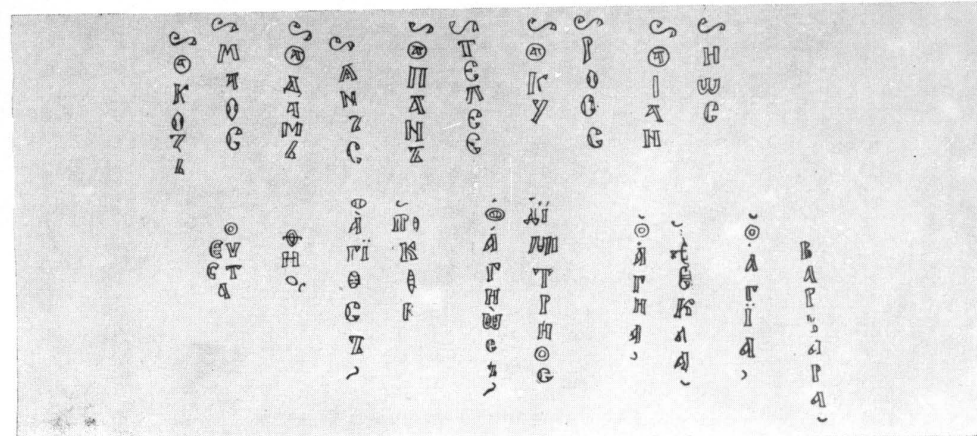
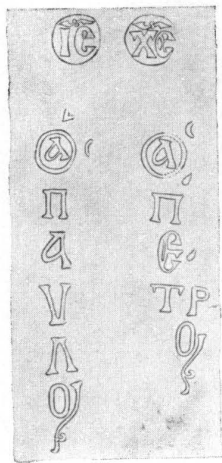
0 3 см

6

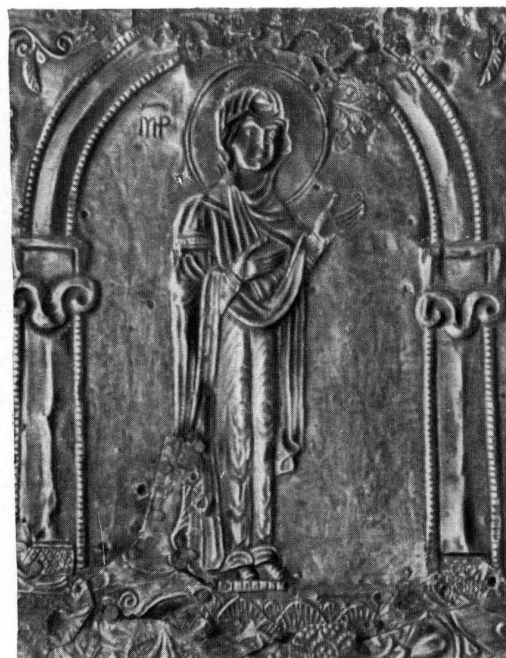
Надписи на металле. Первая половина XII в. Новгородский кратир работы мастера Косты:

1 — общий вид; 2 — подпись мастера на дне кратира; 3, 5 — надписи при изображениях святых; 4 — надпись на поддоне сосуда; 6 — надпись по верхнему краю сосуда

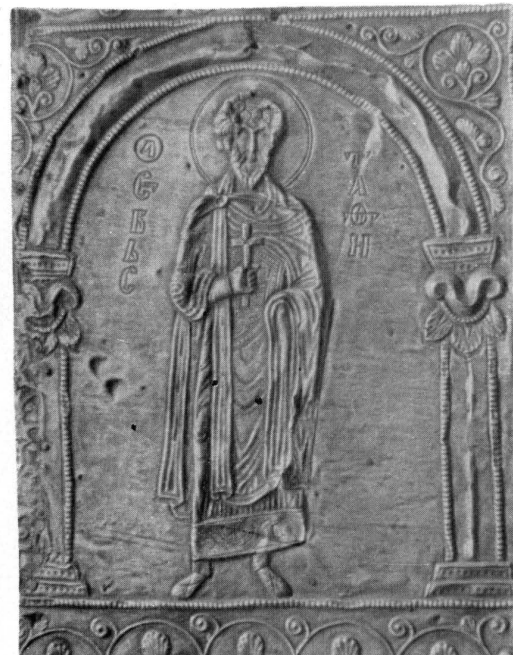

2

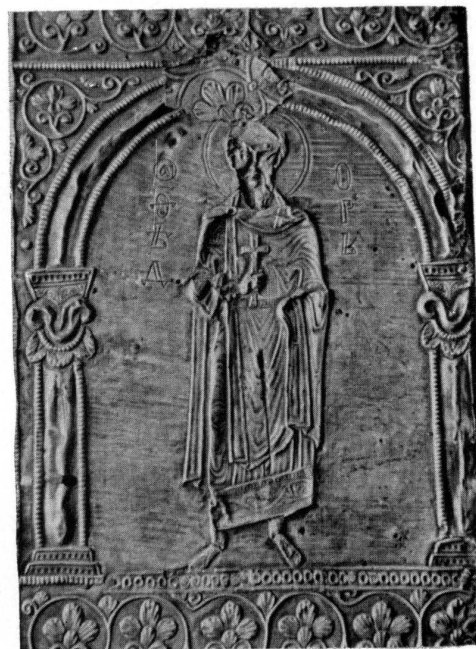
1

3

4

5

6

Надписи на металле. Первая половина XII в. (?) Надписи на «корсунских иконах»: 1, 2 — при изображениях святых на иконе Петра и Павла; 3—6 — при изображениях святых на иконе богородицы.

1 0 3 см

2 0 3 см

Надписи на металле. 1139—1151 гг. (?). Чара Владимира Давыдовича:
1 — общий вид; 2 — чеканная надпись по краю чары

1

ПНІТЕ ѿ ЧЕАВ СН СЕ ІЄ СТЬ КРОВЬ МОЯ НОВА

ГО ЗА ВЪ ТАН ЗАН ВА ІЄ МА НА ЗА ВЪ ЗА МНО ТЪ ВЪ ЗО

СТАВЛЕН Н ІЄ ТРЪ ХС ЗА Ч

2

3

4

5

6

7

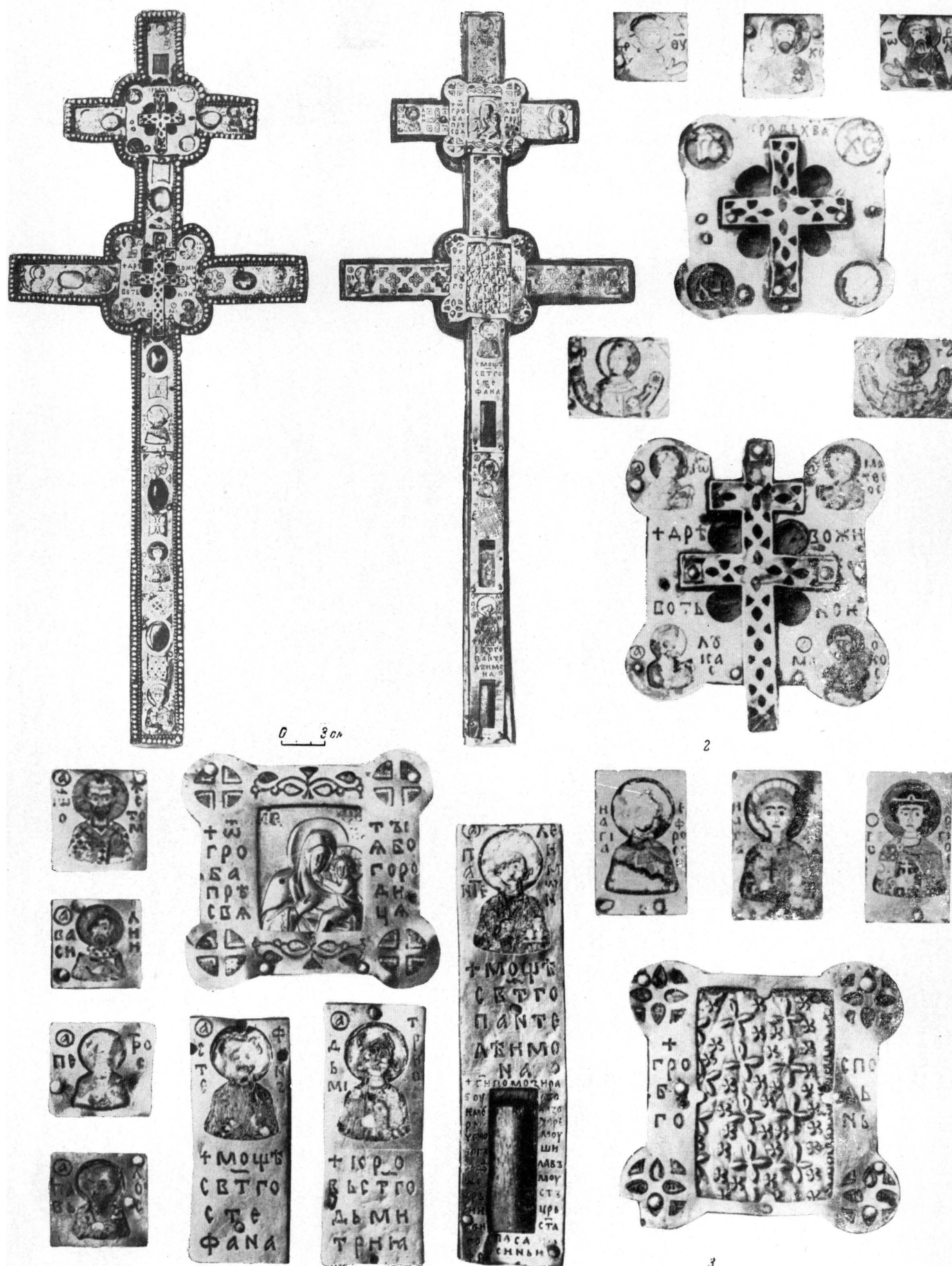

8

0 ————— 3 см

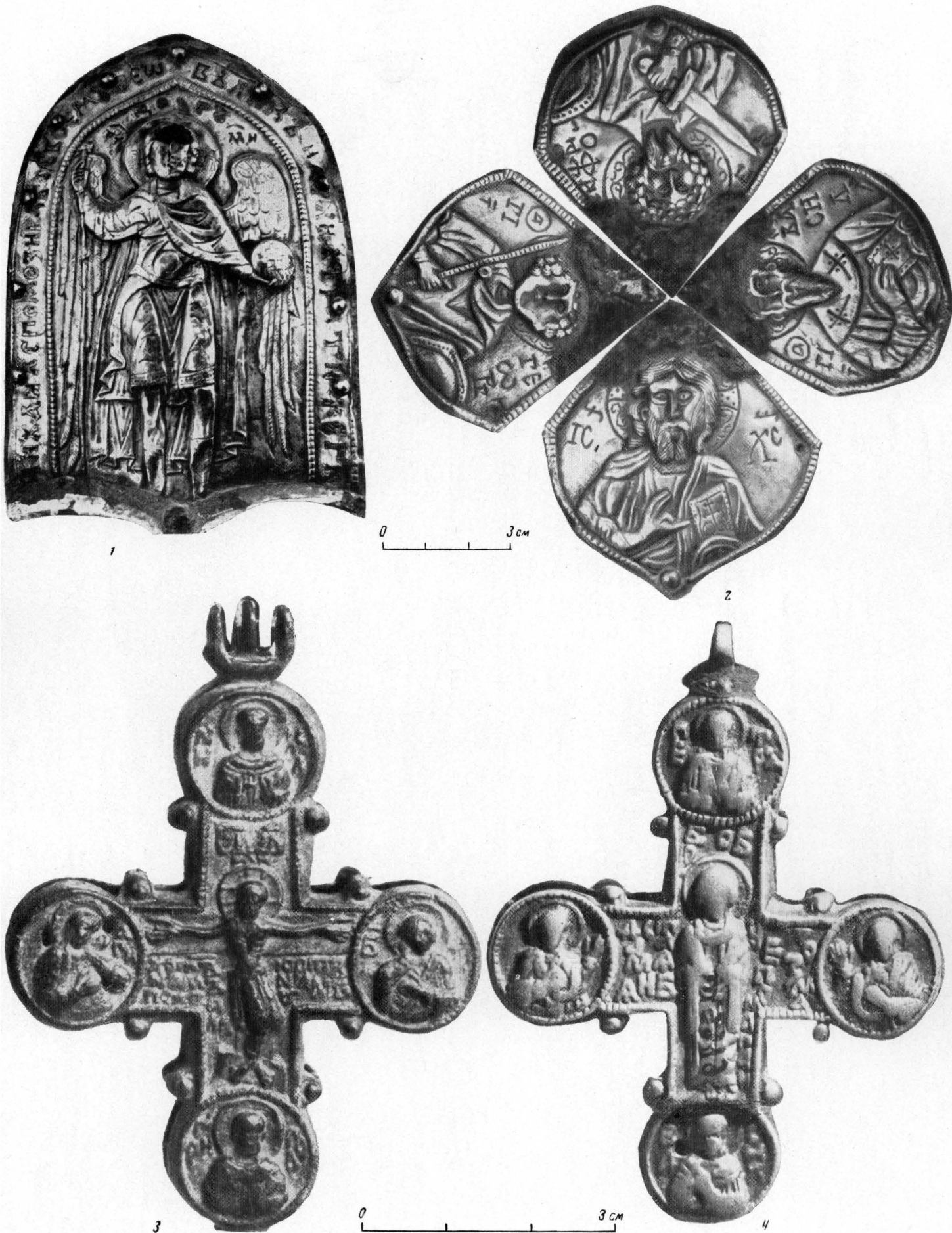
Надписи на металле 1152 г. (?) Потир Юрия Долгорукого:

1 — общий вид; 2 — надпись по верхнему краю потира; 3—8 — надписи при изображениях святых

Надписи на металле. 1161 г. Крест Евфросинии Полоцкой:

1 — общий вид; 2 — надписи на лицевой стороне креста; 3 — надписи на оборотной стороне креста

Надписи на металле:

1 — 1177 или 1216 г. (?). Шлем Федора (Ярослава Всеволодовича). Надпись на прилбце; 2 — Шлем Федора (Ярослава Всеволодовича). Надписи при изображениях святых; 3, 4 — 1239—1240 г. (?). Крест-энколпийон с обратной надписью (лицевая и оборотная сторона)

Надписи на металле. Змеевики:

1 — 1084—1094 гг. (?). «Черниговская гривна» (лицевая и оборотная сторона); 3, 4 — 1237 г. (?). Панагия — гривна из коллекции Постникова (лицевая и оборотная сторона); 5, 6 — 1365 г. (?). Змеевик Андрея и Евдокии (лицевая и оборотная сторона)

1
3 см

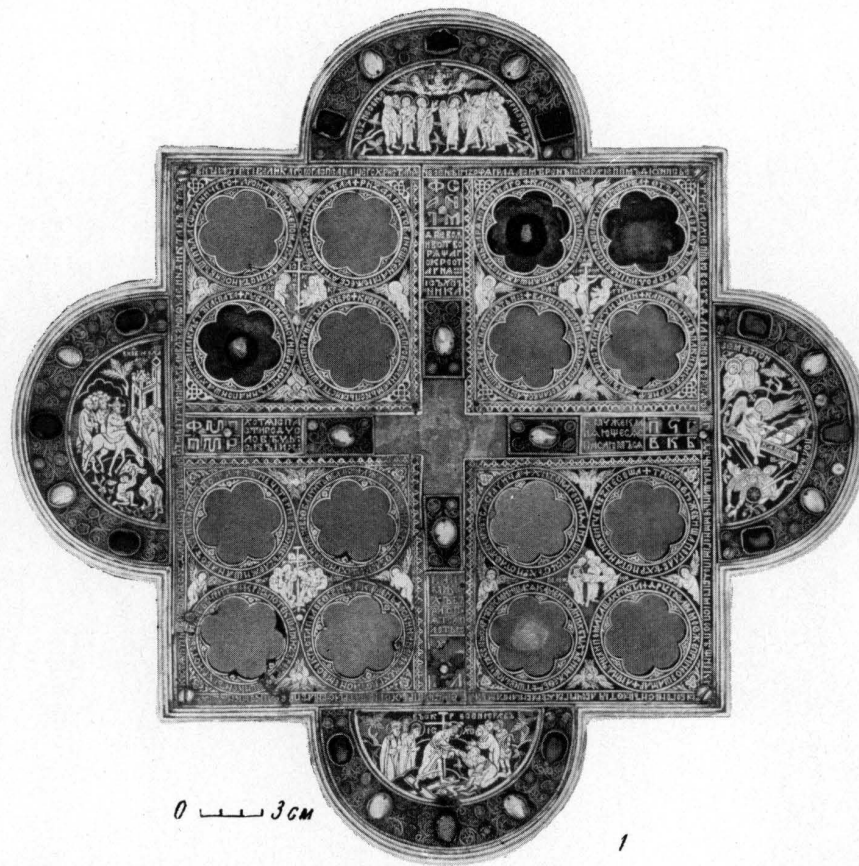
0 3 см 2

3
0 3 см

Надписи на металле:

1, 2 — 1329 г. Потир архиепископа Моисея. Общий вид и надпись; 3 — 1343—1344 гг. Надпись на окладе евангелия Симеона Гордого

ВНЫІСТРТІВЕЛНКАГО БОГАСПСАНАШЕГОХРИСТАПРЕ НЕБЕНЫІГОФАГРАДА
 ГМЪБРЕНЪМОАРАІЕ ППМЪАІОННГБЕ ТУГОАРХІЕ ППЬЮ ВС ЧЗДА
 ЛЬВНОВЪГОРОДА ВГ ДЕЧЬПОДШАПЬЕМНОГІМПОДВІГОМІСПОС ПЪ
 ШНІКГ ТА БОГОНОСНЪІНОТІЧ АВОЧІГРАДЪРАВНОАНГІНЪЖІ ГІНЦЕШІІ
 РЕССОТІНЪПАТРАСЪНІКЪПРЕОЛІКОМІКНАСІАН КОСТАНТИНОВІУ БІ
 ЖЕСОЗДАРАКЪСІНЪУЕСТЫВЕЛІЕ ГТНЪСТРТМІМЪХВАМВЛЪЗНОЕСУАЕ НН
 ДНКТАВЪСТЫ

Ф Д П ХОТАІСПА
 П Л Р ЕТИРОДУЕ
 ЛОВЪУБ:
 ЕКЪІИ:

Е М Ч Ж Е І С Л Д П Г Г
 Н А Ю Ш Е С А С Б К Б
 П А С А Г О М Ъ С А

Ф Г
 А Н
 Т М
 Д РЕ ВО Ж
 Н ВО Т ВО
 РА Ш А Г
 О І К РЕ О Т
 А Г Н А
 І Е Ъ Х Ъ
 Н Н І К А

Ш А Е
 П Л Ж Е
 Х Ъ Б З
 А І С П *
 А Т С А П
 І О Т Ъ Г О
 Х

Надписи на металле. 1383 г. Ковчег Дионисия:

1 — общий вид; 2 — датирующая надпись; 3, 4 — надписи по сторонам центрального креста

+ ДРОМАТЪНМЖЕПОМАЗАШАХРІСТАНОБНВЪШЕПЪЛАСШАЛНН+СГО+
 +ГКВІАЮЖЕОМОУНШАВООЧЕТЪННАПОНШАХРІСТАНАКРЪСТЪРАСПАТА+
 +РНЗСАРНСТОВАНЕСВЕНАІАЮЖЕСВАТАІАВГОРОДНЧАСЪДЪА+
 +КРОВЪХРІСТОВАПРОБОДЕНЬЕМЪКОПЪАНСТЕСКШННМСПРЕУНСТЫХЪРЕБРО+
 +КАМЕНЬГРОВНЪІНЕНЕМЪЖЕ ПОЛОЖИШАХРІСТАЧЪСАРАНОБЕВЪНАГО+
 +ОТЪРНЗЫСВАТЫІАВГОРОДНЧІНЖЕНОСАШЕІУТУЕЗНАГОЕІАГРОСА+
 +ВЛАСІІСТОРГАНІВРАДЫХРІСТАВОГАНВОДАІСТЕКШІІАІЗРЕБРНАРАСПАТЬНІ:;
 +КАМЕНЬСТОЛЪПАКНЕМІКЖЕПРНАВАІАВЪШАХРІСТАНЫКУНШАН+

1

2

+ВЪНЕЧЪТЕРНОВЪНЪКЕВЪЗЛОЖИШАНАБСОЪХЪНЬСАРАХРІСТА+
 +ІАЖІАИПОВЪНІАІСАЪЖЕОСЪІАШАХРІСТАІНЖЕНЕВООБЛАУНТЬОБЛАКНІ+
 +ІСЪВЪНОТЕКШАІАНЪЗРЕБРЪОІВНІКОНЪХРІСТОВЪІНЪЖЕВЪВЪРНТЪ+
 +КАМЕНЬДОСКННІНІСЪІАЖЕХРІСТАІНЕМЪСОІКРЪСТАПОЛОВОБЕНЧІ

3

+ХНТОИГОСПОДАНІШЕГОІСЦСОЪХРІСТАДЕЖСНІРУЕТСАСРАГНЧА+
 +ТРОСТЬЕЪЖЕВШАПОГЛАВЪХРІСТАНАІНЖЕНГЪВЪВЪЗНЕСОША+
 +КАМЕНІКОЛННХЪІХЪВНЕМЖЕОБРЪТШЕВОЛОВНІАІСОЧЪСОІАРГОПОКЛОНИШАСА
 +АРЦГОСАРАМОЕЖЕПРНЕСОШАМАРФАИТАРНІАНПОМІАІШАХРІСТА+

4

ВХОВ Н О Д А
 АНМ

СЕМЪСТОИ ЖЕ ВЪ ПОЛЪЖЕНО

КАМЕНЕ

ВЪСКРЕСЕНІЕРАДЪІА ІС ХС

ВЪЗНЕСЕНЪ ХРІСТОВЪ

0 3cm

Надписи на металле. 1383 г. Ковчег Дионисия:

1—4 — надписи вокруг медальонов с реликвиями; 5—9 — надписи при изображениях евангельских сцен

Надписи на металле. 1392 г. Евангелие Федора Кошки.

1

0 3 см

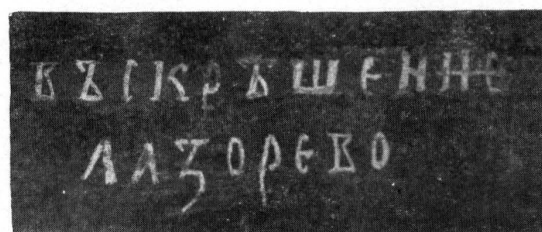
2

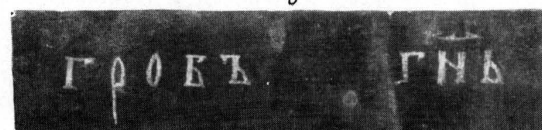
3

4

5

0 3 см 6

«Золотое письмо» на меди. Около 1230 г. (?). Суздальские врата:

1, 2 — клейма южных Суздальских врат; 3 — фрагмент надписи на западных Суздальских вратах; 4 — надпись на западных Суздальских вратах (образец); 5—6 — надписи на южных Суздальских вратах (образцы)

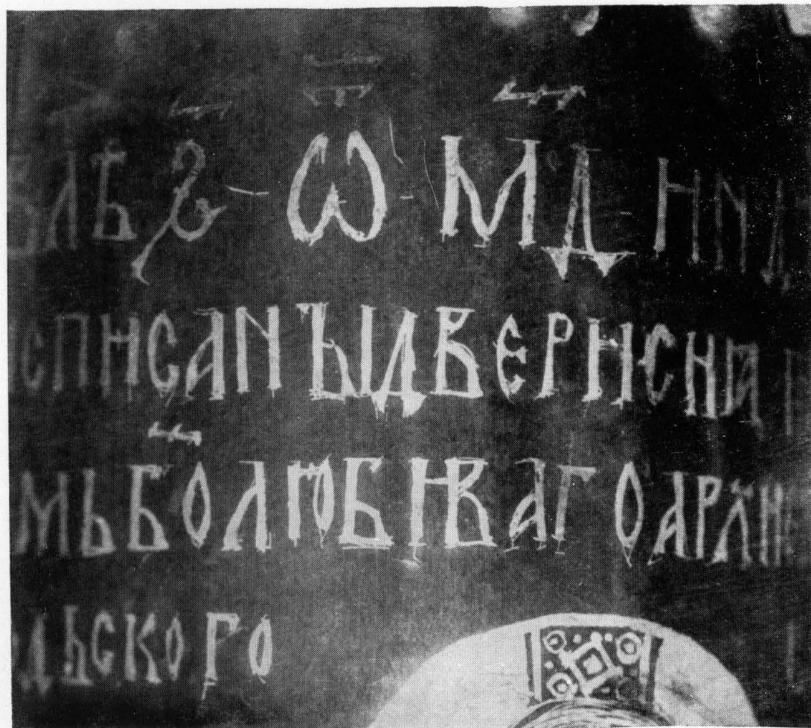

1

0 — 3 см

2

3

4

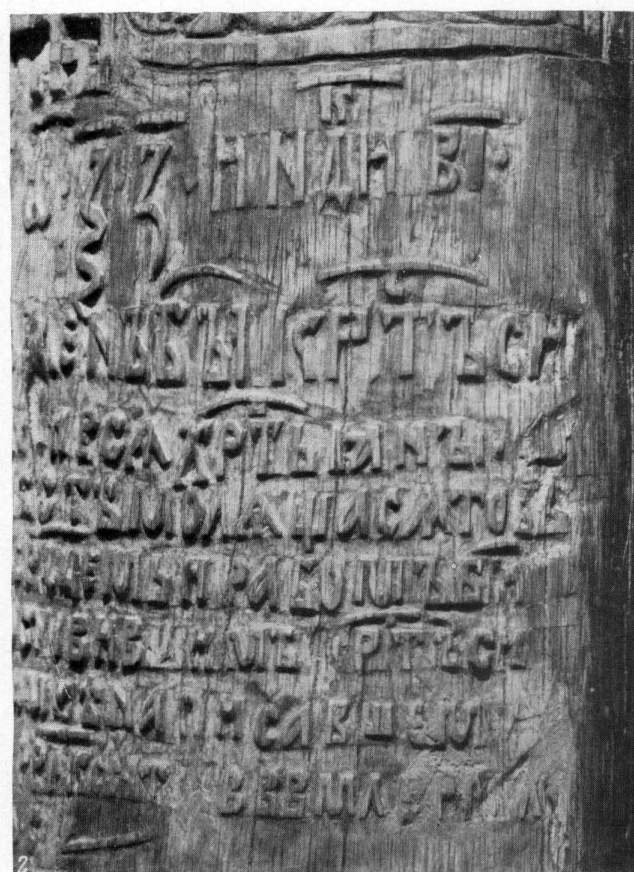
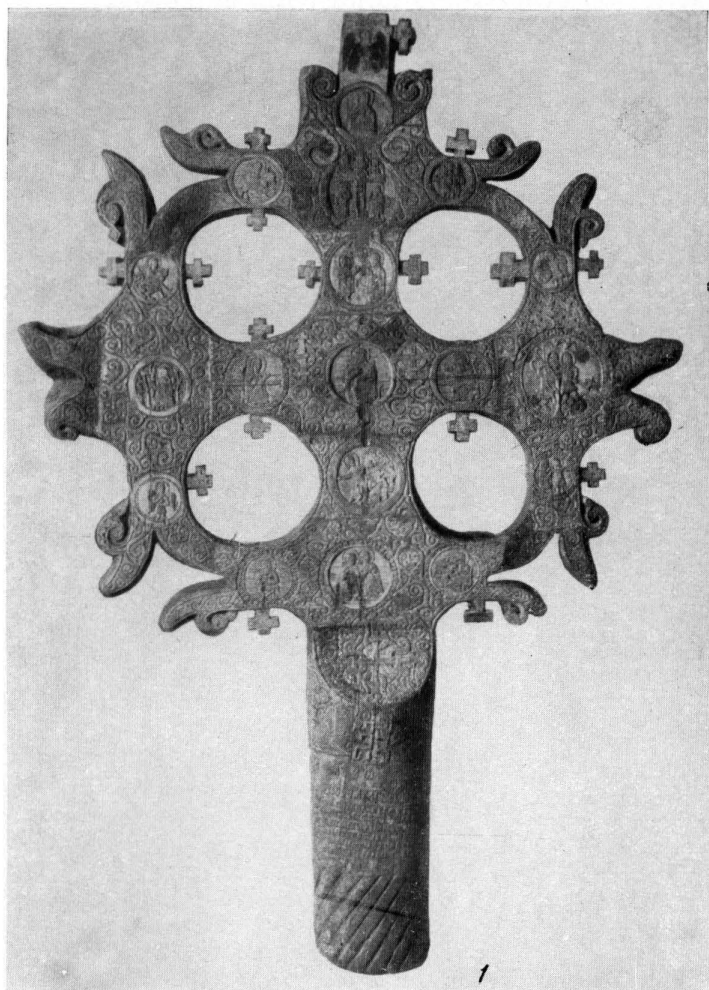

5

0 — 3 см

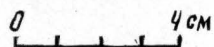
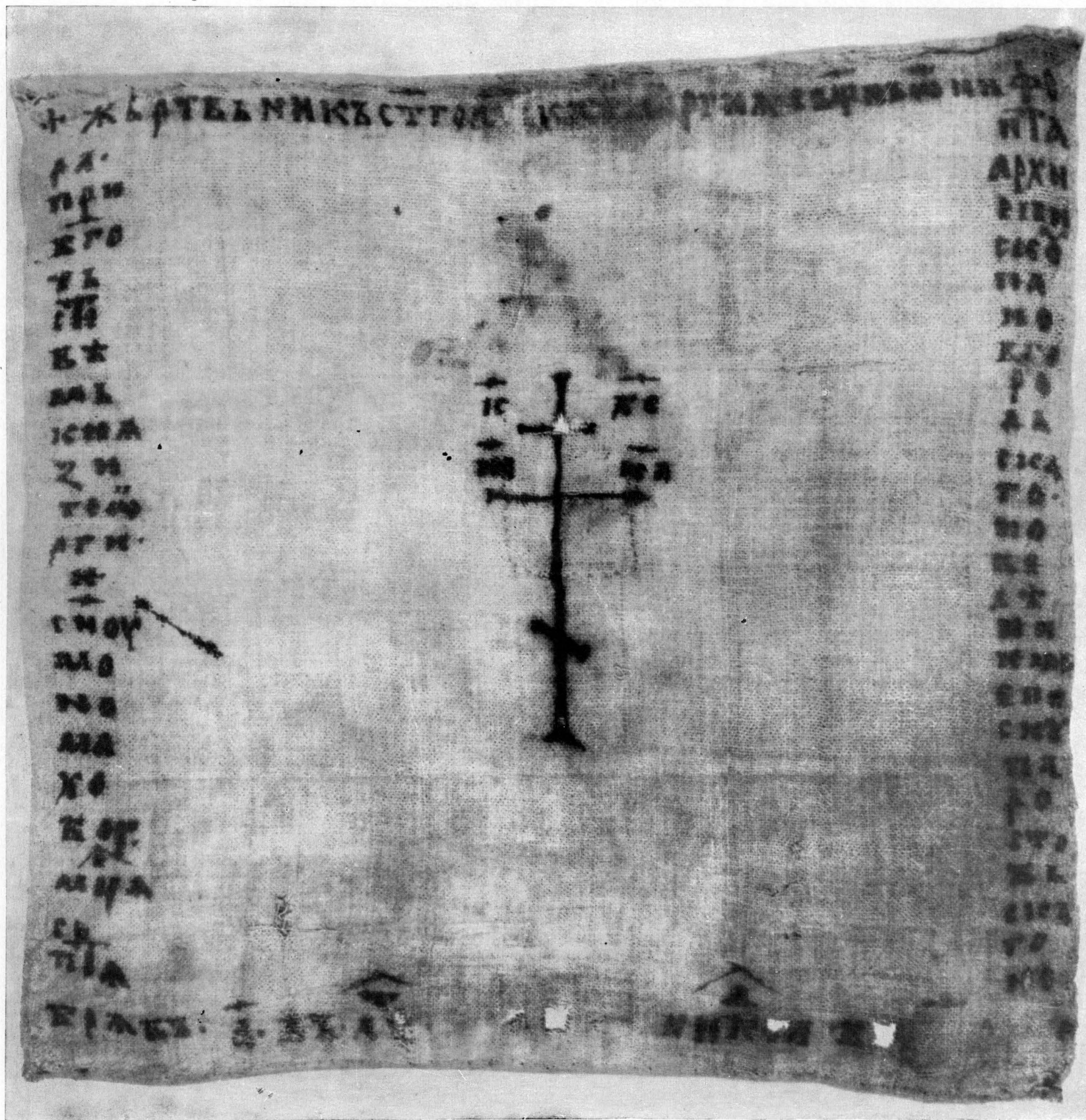
«Золотое письмо» на меди, 1336 г. Васильевские врата:

1, 2 — клейма; 3 — датирующая надпись; 4—5 — надписи при изображениях (образцы)

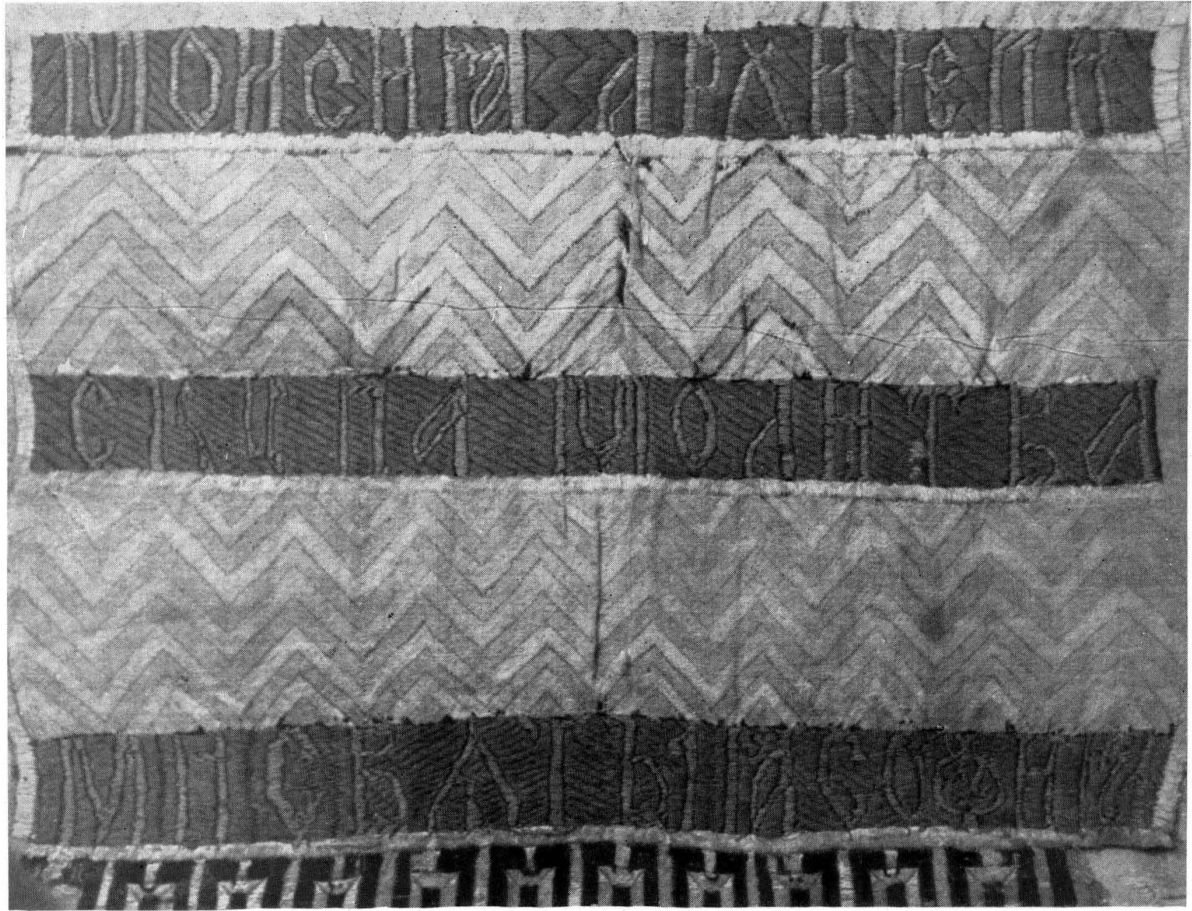

Рельефная надпись на дереве. 1359 г. Людогочинский крест:

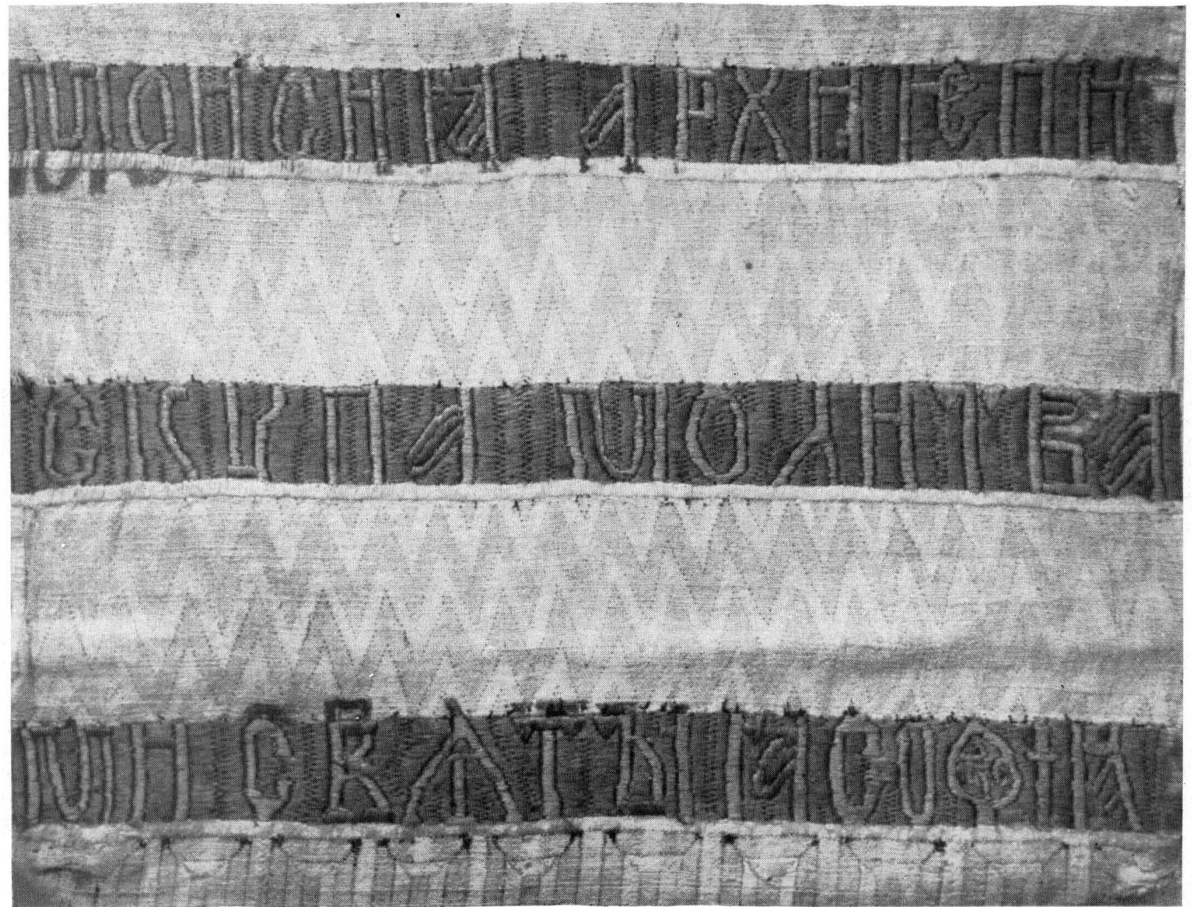
1 — общий вид; 2 — датирующая надпись

Надпись на ткани (рисованая). 1148 г. Антиминс Нифонта (длина стороны 37 см).

1

2

Надпись, шитая на ткани. 1324—1359 г. (?). Омофор Моисея:

1, 2 — надписи по краям омофора